КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается над своими противниками подобно башне... Это необыкновенная личность, созданная воображением писателя.

New Yorker

·ВСЕ·РАССЛЕДОВАНИЯ·НИРО·ВУЛФА·

РЕКС СТАУТ

Убийство троих

«ИНОСТРАНКА»

Убийство троих
Рекс Тодхантер Стаут

Аннотация
Рекс Стаут. Убийство троих
Раз, два, три, убийцей будешь ты
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
Смерть демона
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9

Глава 10
Роковые деньги
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

«Когда позвонили в дверь, я стоял в кабинете, сунув руки в карманы, и разглядывал галстук на столе Ниро Вулфа.

Поскольку, если бы галстука не было, история вышла бы другая или, возможно, и не было бы никакой, я лучше расскажу все с начала. К ланчу Вулф надел галстук из тускло-коричневого шелка с желтыми завитками, подаренный на Рождество бывшим клиентом. Когда Фриц, убрав остатки свиных ребрышек, расставлял на столе тарелки с сыром и салатом, то заметил, что Вулф капнул на галстук соусом, и Вулф промокнул пятно салфеткой, а после, когда мы перешли из столовой в кабинет, снял галстук и положил на стол. Вулф терпеть не может пятен

у себя на одежде, даже если его никто не видит. Однако он не счел нужным подняться в свою комнату, чтобы надеть другой, так как мы не ждали посетителей, и в четыре часа отправился в оранжерею под крышей на вечернюю встречу со своими орхидеями, с расстегнутым воротом, а галстук остался лежать на столе…»

Рекс Стаут
Убийство троих

Rex Stout
HOMICIDE TRINITY

Copyright © 1961, 1962 by Rex Stout
© Н. А. Вуль, перевод, 2014
© А. В. Санин, перевод, 1996
© Т. Н. Чернышева, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Иностранка®

Раз, два, три, убийцей будешь ты

Глава 1

Когда позвонили в дверь, я стоял в кабинете, сунув руки в карманы, и разглядывал галстук на столе Ниро Вулфа.

Поскольку, если бы галстука не было, история вышла бы другая или, возможно, и не было бы никакой, я лучше расскажу все с начала. К ланчу Вулф надел галстук из тускло-коричневого шелка с желтыми завитками, подаренный на Рождество бывшим клиентом. Когда Фриц, убрав остатки свиных ребрышек, расставлял на столе тарелки с сыром и салатом, то заметил, что Вулф капнул на галстук соусом, и Вулф промокнул пятно салфеткой, а после, когда мы перешли из столовой в кабинет, снял галстук и положил на стол. Вулф терпеть не может пятен у себя на одежде, даже если его никто не видит. Однако он не счел нужным подняться в свою комнату, чтобы надеть другой, так как мы не ждали посетителей, и в четыре часа отправился в оранжерею под крышей на вечернюю встречу со своими орхидеями, с расстегнутым воротом, а галстук остался лежать на столе.

Галстук меня раздражал. Фриц тоже пришел

в раздражение, когда в начале пятого заглянул в кабинет сказать, что идет за покупками часа на два. Он увидел галстук, посмотрел на него, поднял брови.

— Неряха, — произнес я.

Фриц кивнул:

— Ты ведь знаешь, как я высоко ценю и уважаю его. Он сильная личность, человек большого ума и, конечно, великий детектив, но есть же предел… Я повар и домоправитель. Нужно знать границы… Кроме того, у меня артрит. У тебя, Арчи, артрита нет.

— Может быть, и нет, — согласился я, — но если говорить о границах, то не только ты о них думаешь. У меня перечень обязанностей длиной в милю — от полномочного помощника детектива до мальчика на побегушках, — но камердинер в нем не числится. Артрит тут ни при чем. Речь о человеческом достоинстве. Он мог захватить его с собой по пути в оранжерею.

— Положи в стол.

— Это уклонение от решения.

— Полагаю, да. Согласен. Вопрос деликатный. Ну, мне пора, — сказал Фриц и ушел.

Потому в 17:20, закончив с делами, включая пару личных телефонных звонков, я, выйдя из-за

своего стола, пялился на галстук, и тут позвонили в дверь. Вопрос стал еще деликатнее. Галстук с жирным пятном не должен лежать на столе у сильной личности, человека большого ума при посторонних. Но я уже пошел на принцип, к тому же позвонить мог и почтальон с посылкой. Я вышел в прихожую посмотреть, кто это, и через одностороннее стекло в двери увидел незнакомую женщину средних лет, остроносую, с круглым подбородком, отнюдь не идеальным, в практичном сером пальто и черной шляпке-тюрбане. Посылки в руках не было. Я открыл дверь и поздоровался. Она сказала, что ей нужен Ниро Вулф. Я ответил, что мистер Вулф занят и, кроме того, он принимает только по предварительной договоренности. Она заявила, что знает, но у нее срочное дело. Ей нужно его увидеть, и потому она подождет, пока он не освободится.

Тут сошлось несколько факторов: в тот момент у нас не было срочных дел; новый год только начался, и подоходный налог был уже уплачен; мне хотелось заниматься чем-то, помимо ведения карточек по статистике роста орхидей; я разозлился за галстук; она не напирала, а стояла перед дверью спокойно и смотрела на меня своими темными добрыми глазами.

— Ладно, — сказал я, — подумаю, чем вам помочь.

Я отступил в сторону, пропуская ее в дом. Помог ей снять пальто, повесил его на вешалку и проводил в кабинет, где предложил сесть не в красное кожаное кресло перед столом Вулфа, а в желтое, рядом со мной. Она села — спина прямая, ноги вместе — симпатичные маленькие ножки в довольно практичных серых туфлях. Я сказал, что Вулф освободится только в шесть.

— Было бы неплохо, — начал я, — если бы я заранее предупредил его о вас. Собственно говоря, так я и должен сделать. Меня зовут Арчи Гудвин. А вас?

— Я о вас слышала, — ответила она. — Естественно. Иначе бы я к вам не пришла.

— Большое спасибо. Некоторые, если обо мне слышали, реагируют иначе. Так как же вас зовут?

Она внимательно меня изучала.

— Не хотелось бы говорить, пока мистер Вулф не скажет, что берется за мое дело. Дело у меня личное. Очень конфиденциальное.

— Не выйдет, — покачал я головой. — Вам придется сначала рассказать ему, в чем суть дела, а уж потом он решит, браться или нет, а я при

этом буду присутствовать. Так как? К тому же, прежде чем он решит, встречаться с вами или нет, я должен буду ему сказать о вас не только то, что вам тридцать пять лет, вес сто двадцать фунтов, серег не носите.

Она почти улыбнулась:

— Мне сорок два.

— Вот видите? — хмыкнул я. — Необходимы факты. Кто вы такая и что вам нужно.

Рот у нее приоткрылся.

— Дело очень конфиденциальное. — (И еще немного открылся.) — Но какой смысл приходить, если ничего не рассказывать.

— Правильно.

Она сцепила пальцы:

— Хорошо. Зовут меня Берта Аарон. С двумя «а». Я личный секретарь мистера Ламонта Отиса. Он старший партнер в юридической фирме «Отис, Эдей, Хайдекер и Джетт». Офис находится на углу Мэдисон-авеню и Пятьдесят первой улицы. Недавно меня кое-что встревожило, и я хочу, чтобы мистер Вулф провел расследование. Я в состоянии заплатить ему приличный гонорар, но обстоятельства могут сложиться так, что заплатит фирма. Возможно.

— Вас сюда прислал кто-нибудь из компании?

— Нет. Меня никто не прислал. Никто не знает, что я здесь.

— Что произошло?

Она крепче сцепила пальцы:

— Может быть, мне не следовало приходить. Я не поняла… Может быть, не нужно.

— Как хотите, мисс Аарон. Вы мисс Аарон?

— Да. Я не замужем. — Она расцепила пальцы и тут же стиснула кулаки и сжала рот. — Глупо. Я должна это сделать. Я многим обязана мистеру Отису. Я работаю с ним двадцать лет, и он всегда относился ко мне замечательно. Я не могу пойти с этим к нему, потому что ему семьдесят пять лет и у него слабое сердце, а это может его убить. Он каждый день приходит на работу, хотя ему это трудно, и он мало что делает, но знает больше, чем все они, вместе взятые. — Она разжала кулаки. — А произошло то, что я видела одного человека из нашей фирмы в компании с нашим противником, который участвует вместе с нами в одном очень важном для нас деле, одном из самых важных, какие мы вели, причем видела их там, куда они явно пришли только потому, что хотели сохранить свою встречу в тайне.

— Вы имеете в виду с адвокатом противоположной стороны?

— Нет. С клиентом. Если бы с адвокатом, я, наверное, не удивилась бы.

— Как зовут человека из вашей фирмы?

— Не скажу. И мистеру Вулфу тоже, пока он не даст согласие. Чтобы принять решение, имя знать не обязательно. Вы спросили, зачем я тут, и я объяснила, почему не могу пойти к мистеру Отису и почему не решилась обратиться к другим компаньонам. Если один стал работать против интересов фирмы, то с ним заодно может оказаться и второй, и даже третий. Откуда мне знать? У нас всего четыре главных партнера, хотя, конечно, есть не только они, есть еще девятнадцать ассоциированных. Сейчас я не могу доверять никому, не в таком вопросе, как этот. — Она снова сжала кулаки. — Вы, наверное, уже поняли. Видите, в какое сложное положение я попала.

— Вижу. Но вы можете ошибаться. Это, безусловно, неэтично, когда адвокат встречается с клиентом противной стороны, но ведь бывают исключения. Встреча могла произойти случайно. Когда и где вы их видели?

— В прошлый понедельник, сегодня ровно неделя. Вечером. Они сидели вдвоем в отдельной кабинке в дешевом ресторанчике, больше похожем на закусочную. Она не могла там оказаться

случайно, не могла. Она вообще не ездит в эту часть города. Обычно и я туда не езжу, но в тот раз у меня было поручение, а в ресторанчик я зашла позвонить. Они меня не заметили.

— Значит, этот ваш партнер — женщина?

Глаза у нее округлились.

— О-о! Я сказала «она». Я имела в виду: «противная сторона». У нас есть адвокат-женщина среди ассоциированных партнеров, хотя на самом деле она просто наемный сотрудник, но среди старших партнеров женщин нет. — Она сцепила пальцы. — Это не может быть случайностью. Хотя совпадения, конечно, бывают… обыкновенные совпадения, так что он, вполне возможно, не предатель, и всему этому есть объяснение, и потому я совсем не знала, что делать. Но затем решилась. Промучившись неделю, я поняла, что больше этого не вынесу, и сегодня подумала, что единственное, что я могу сделать, — это сказать все ему и посмотреть на реакцию. Если я в ответ услышу разумное объяснение, значит все в порядке. Он повел себя так, что никаких сомнений быть не может. Это предатель.

— Что же он сказал?

— Дело не в том, что он сказал, а в выражении его лица. Он сказал, что может все объяснить, что

действует в интересах нашего клиента, но пока не вправе сказать мне больше, расскажет позже, в зависимости от того, как будут развиваться события. Наверняка через неделю, а может быть, даже завтра. Я поняла, что должна что-то сделать, но побоялась идти к мистеру Отису, так как в последнее время его часто беспокоит сердце, и я не захотела идти к другим партнерам. Мне даже пришло в голову, не съездить ли к адвокату другой стороны, но эту мысль я, конечно, отвергла. Потом я вспомнила про Ниро Вулфа, встала, надела пальто, шляпу и приехала. Это очень важно. Понимаете ли вы, как это важно?

— Возможно, вы правы, — кивнул я. — Зависит от характера дела. Мистер Вулф, возможно, согласился бы за него взяться и не зная имени предполагаемого предателя, но что за дело ведет ваша фирма, ему необходимо знать. Есть вещи, с которыми он не хочет соприкасаться даже косвенно. Что за дело?

— Я не хочу… — Она не договорила. — Ему действительно это нужно знать?

— Разумеется. Но так или иначе, вы сказали название своей фирмы и сказали, что клиент противоположной стороны женщина, так что я мог бы… Впрочем… Я читаю газеты. Ваш клиент

Мортон Сорелл?

— Да.

— А клиент противоположной стороны — его жена, Рита Сорелл?

— Да.

Я взглянул на свои часы и, так как они показывали 17:39, встал, сказал ей: «Скрестите пальцы и сидите смирно» — и направился из кабинета в прихожую. Появились два новых фактора, и эти факторы теперь доминировали над остальными: если первый в новом году взнос на наш депозит пополнится из кошелька Сореллов, это будет отнюдь не пустячок; а дела, к которым Вулф не хотел иметь отношение даже косвенно, — это дела о разводе. Задачка была не из простых, и потому, пока я взбегал по лестнице в оранжерею под крышей старого особняка из бурого песчаника, извилины мои работали активнее, чем ноги. Перед дверью оранжереи я остановился не для того, чтобы отдышаться, а чтобы продумать свой выход, но продумывать не стал, так как решение все равно будет зависеть от его настроения, и вошел. Вы, наверное, считаете, что невозможно пройти между скамьями, на которых стоят орхидеи во всех трех помещениях оранжереи — прохладном, тропическом и умеренном, — не

заметив их яркого великолепия, но в тот раз я это сумел, то есть не глядя протопал мимо них в горшечную.

Вулф сидел на скамейке у стенки и разглядывал в лупу псевдобульбу. А Теодор Хорстман, четвертый обитатель нашего дома, весивший ровно вдвое меньше Вулфа — 137 фунтов против 270, — открывал пакет с осмундой.

— Прошу прощения за то, что прерываю, но у меня вопрос.

Вулфу понадобилось десять секунд, чтобы смириться с тем, что он меня слышал, после чего опустил лупу и спросил:

— Сколько времени?

— Без девятнадцати шесть.

— Подожди девятнадцать минут.

— Я подожду, но есть одна загвоздка. Если вы спуститесь в кабинет и обнаружите там ее без предупреждения, то ничего не выйдет.

— Кто там?

— Женщина. Зовут Берта Аарон. Пришла без приглашения. Она в сложном положении, а сложность для нас новая. Я поднялся предупредить, чтобы вы сразу сказали, спуститься мне и выставить ее или спуститесь вы и послушаете, в чем дело.

— Ты мне мешаешь. Ты нарушил наш уговор.

— Знаю, но я уже извинился, а так как я все равно помешал, то доложу. Она личный секретарь Ламонта Отиса, старшего партнера…

Я начал рассказывать, а он, по крайней мере, не разглядывал в лупу псевдобульбу. В какой-то момент у него даже заблестели глаза. Он не раз заявлял — мне лично, — что единственная сила, которая заставляет его работать, — это стремление жить так, как он считает приемлемым, в собственном особняке на Западной Тридцать пятой улице Манхэттена, с Фрицем в роли повара, с Теодором в роли орхидейной няньки и со мной в роли козла (слово не его), но тогда блеск в глазах не имел отношения к возможному гонорару, так как я не успел сказать про Сорелла. Он появился в тот момент, когда я сказал про сложность нового рода. С какой мы не сталкивались.

Тут я подошел к самой сложной части:

— Между прочим, есть одна маленькая деталь, которая вам, наверное, не понравится, но она второстепенная. Дело, с которым она к нам пришла, связано с клиентом ее фирмы Мортоном Сореллом. Вы о нем слышали.

— Разумеется.

— А клиент противоположной стороны, с ко-

торым встретился партнер Отиса, — это миссис Мортон Сорелл. Вы, может быть, помните, что высказались о ней примерно месяц назад после статьи в утренней газете. Там говорилось, что она хочет получать за право на раздельное проживание тридцать тысяч в месяц, но в городе говорят, что он добивается развода, а она за это требует тридцать миллионов, и, вероятно, именно это дело их фирмы имеет в виду мисс Аарон. Но в любом случае это — детали. Мисс Аарон хочет только…

— Нет. — Он посмотрел на меня сердито. — Так вот почему ты сюда прискакал.

— Я не скакал. Я шел.

— Ты прекрасно знаешь, что я не возьмусь за это дело.

— Я знаю, что вы не стали бы искать поводы для развода, и я не стал бы. Знаю, что вы не будете искать для жены улики против мужа, и наоборот, но кто нас об этом просит? Вам не придется даже…

— Нет! Нет, не хочу. Вполне возможно, что центральная точка здесь — грызня между супругами. Не хочу! Выпроводи ее.

Что ж, я сделал что-то не так. Или не сделал. Затея была безнадежной с самого начала и закончилась бы неудачей, как бы я ни старался. В

любом случае она провалилась. Я этого не люблю и решил, что хуже не будет, если еще немного попытаюсь его переубедить, чем и занимался добрых десять минут, но решение его не изменилось, и атмосфера не стала лучше. Он закончил этот разговор, сказав, что идет к себе за другим галстуком, а я не буду ли так любезен позвонить ему по внутреннему телефону и дать знать, когда она уйдет.

Пока я спускался, меня терзало искушение. Хотелось ему позвонить и сказать, что не она ушла, а что мы уходим, что я беру отгулы и собираюсь ей помочь. Искушение было не новым. Когда-то я чувствовал подобное, хотя, должен признать, в прежние разы это чувство было несколько приятнее. Во-первых, она могла взять и отвергнуть мои услуги, а мне одного провала за день достаточно. Потому, спустившись и направляясь в кабинет, я постарался придать своему лицу такое выражение, чтобы она сама сразу поняла, с чем я вернулся. Но, войдя в кабинет, я его изменил — вернее, оно само изменилось, — а я встал столбом. На полу я увидел то, чего раньше не было: большой кусок жадеита, который Вулф использовал вместо пресс-папье, хотя оно стояло там же на столе, и Берту Аарон, которая до моего

ухода сидела в кресле.

Она лежала на боку — одна нога прямая, другая согнута. Я подошел, сел рядом на корточки. Губы у нее посинели, язык вывалился, открытые глаза выползли из орбит, а на шее был галстук Вулфа, завязанный сбоку узлом. Она и в самом деле ушла. Но в случае удушения, если быстро оказать помощь, шанс есть, и потому я выхватил из своего стола ножницы. Галстук был завязан так туго, что я с трудом поддел его пальцем. Разрезав галстук, я перевернул ее на спину. «Сумасшедший дом, — подумал я, — умерла», — но оторвал от ковра несколько ворсинок, поднес к ноздрям и губам и на двадцать секунд сам перестал дышать. Дыхания не было. Я нажал на ноготь, а когда перестал давить, ноготь остался белым. Кровообращения не было. Но я все еще надеялся, что ей можно помочь, если быстро найду врача, минуты, скажем, за две, и потому прошел к своему столу и набрал номер телефона доктора Волмера, чей дом находился в одной минуте ходьбы от нас. Док оказался на вызове.

— К черту все! — сказал я громче, чем было необходимо, потому что меня никто не слушал, и сел, чтобы перевести дух.

Я сидел и смотрел на нее, может, минуту, только

лишь чувствуя, ни о чем не думая. Любая мысль чертовски раздражала. Раздражался на Вулфа, а не на себя, потому что нашел ее в десять минут седьмого, а если бы он спустился со мной ровно в шесть, мы могли бы ее спасти. Потом я потянулся к внутреннему телефону и позвонил, а когда он ответил, сказал:

— О'кей, спускайтесь. Ее больше нет, — и положил трубку.

Из оранжереи он всегда спускается в лифте, но его комната находится лишь на этаж выше. Когда я услышал, как у него открылась, а после закрылась дверь, то поднялся с места и, скрестив на груди руки, встал к входу лицом, в шести дюймах от ее головы. Послышался звук его шагов, а потом он появился. Переступил порог, остановился, вытаращил глаза на Берту Аарон, перевел взгляд на меня и заорал:

— Ты сказал, что ее нет!

— Да, сэр. Нет. Она умерла.

— Что за вздор!

— Нет, сэр, не вздор. — Я сделал шаг в сторону. — Смотрите сами.

Он подошел ближе, все еще негодуя, посмотрел на Берту Аарон секунды три, не больше. Обогнул нас с ней, подошел к своему изготовленному на

заказ большому креслу, сел за стол, сделал глубокий вдох, выдох.

— Полагаю, — произнес он без крика, — что, когда ты пошел ко мне наверх, она была жива.

— Да, сэр. Сидела вот в этом кресле. — Я ткнул пальцем. — Одна. И пришла одна. Дверь была, как всегда, на замке. Фриц, как вам известно, ушел за покупками. Когда я увидел ее, она лежала на боку, и я перевернул ее после того, как срезал галстук, чтобы проверить, вдруг дышит. Я позвонил доку…

— Какой галстук?

Я снова ткнул пальцем:

— Этот, который вы оставили на столе. Был у нее на шее. Похоже, ее сначала оглушили этим пресс-папье, — я снова ткнул пальцем, — но судя по лицу, ее задушили галстуком. Я разрезал…

— Ты смеешь предполагать, что ее задушили моим галстуком?

— Я не предполагаю, а констатирую факт. Галстук был затянут скользящим узлом, потом обмотан вокруг шеи второй раз и завязан женским узлом. — Я подошел к тому месту, где бросил галстук, поднял и положил Вулфу на стол. — Смотрите сами. Осмелюсь предположить, что, если бы он не был здесь под рукой, убийце пришлось бы

употребить что-нибудь другое, может быть, свой носовой платок. А также, если бы мы спустились немного раньше…

— Замолчи!

— Да, сэр.

— Это невыносимо.

— Да, сэр.

— Я этого не потерплю.

— И не нужно, сэр. Я выброшу галстук, и мы скажем Кремеру, что не важно, чем убийца воспользовался, он, наверное, постоял, убедился, что она мертва, а после унес это с собой.

— Помолчи. Она же сказала тебе, что никто не знал о ее визите к нам.

— Ну конечно. Шансов у нас ни одного, и вы это знаете. Мы влипли. Я не стал звонить, пока вы не спуститесь, только из вежливости. Если я и дальше буду тянуть, станет только хуже, потому что мне все равно придется назвать им точное время, когда я нашел ее. — Я посмотрел на свое запястье. — Прошла двадцать одна минута. Не хотите ли позвонить сами?

Он не ответил. Он смотрел на галстук, стиснув зубы и сжав губы так, что их не было видно. Из вежливости я дал ему пять секунд, после чего ушел в кухню, подошел к столу, за которым зав-

тракал, и набрал номер.

Глава 2

Инспектор Кремер, глава отдела по расследованию убийств Западного Манхэттена, дочитал последнюю страницу моих показаний, которые я отпечатал на машинке и подписал, положил на предыдущие, постучал по ним пальцем и сказал:

— Гудвин, я по-прежнему считаю, что ты лжешь.

Времени было четверть двенадцатого. Мы сидели в столовой. Толпа экспертов закончила изучать кабинет и растаяла, освободив помещение, но особого желания возвращаться туда я не испытывал. Во-первых, они унесли ковер, а также галстук Вулфа, жадеит и еще кое-что. Берту Аарон, конечно, тоже унесли, так что там я больше бы не увидел ее, но даже с учетом этого обстоятельства мне было приятнее сидеть в столовой. Когда закончили снимать отпечатки пальцев, мне принесли туда из кабинета пишущую машинку, и я отпечатал свои показания.

Спустя почти пять часов все наконец ушли, остались только сержант Пэрли Стеббинс, который в тот момент разговаривал по телефону в кабинете, и Кремер. Фриц, совершенно несчаст-

ный, допивал в кухне третью бутылку вина. Мало того что он как домоправитель отвечал за дом, а в доме произошло убийство — и этот факт был оскорбительным сам по себе, — еще и Вулф отказался от обеда. И не только от обеда, а вообще от еды. Как ушел к себе часов в восемь, так там и сидел. Фриц поднимался к нему с подносом два раза, а Вулф только рявкал. Когда в 22:30 я принес Вулфу свои показания, потому что он тоже должен был их подписать, и сказал, что внизу снимают ковер, он возмутился, но ничего не предпринял. Так что, учитывая обстановку и мои собственные эмоции, не было ничего удивительного в том, что я, услышав последние слова Кремера, ответил ему без обиняков:

— Я давно пытался вспомнить, кого вы мне напоминаете. Теперь вспомнил. Как-то раз в зоопарке я видел одно животное в клетке. Называется на букву «б». Арестуете меня за это?

— Нет. — Большое круглое лицо инспектора к вечеру всегда становится краснее, чем днем, и седые волосы от этого кажутся белее. — Прибереги свои остроты. Ты не стал бы врать ни о чем таком, что мы можем проверить, но невозможно проверить то, что она тебе рассказала. Ее не спросишь. Верю, что вы с Вулфом никогда не

имели дела ни с ней, ни с кем-либо, связанным с этой юридической фирмой, но вы ведь способны что-нибудь утаить. Чтобы после использовать. Ты хочешь, чтобы я поверил…

— Прошу прощения. Мне без разницы, во что вы верите. Мистеру Вулфу — тоже. Вы даже представить себе не можете, до какой степени нам не хотелось вам звонить, но у нас не было выбора, и мы вас вызвали и сообщили обо всем, что тут произошло. Показания перед вами. Но если вы лучше меня знаете, о чем мы с ней говорили, дело ваше.

— Ты меня перебил.

— Ага. Перебил.

— Говоришь, она рассказала о встрече партнера Отиса в дешевом ресторанчике… или закусочной… с клиентом противной стороны, назвала день, когда их видела, сообщила, как поговорила с ним сегодня, а также все прочее, включая имя миссис Сорелл, но не назвала имени партнера. Вот в это я не верю. — Он побарабанил по листкам с моими показаниями, подался вперед. — И вот что еще я тебе скажу, Гудвин. Если вы хотите использовать это в личных целях ради гонорара, если вас с Вулфом наняли расследовать это убийство и вы собрались использовать информацию,

которую утаили от меня, вы у меня дорого за это заплатите, готов глаз отдать!

Я смотрел на него, склонив голову набок:

— Послушайте, вы явно не понимаете. Об этом уже сказали по радио, а завтра напишут во всех газетах, что женщина, которая пришла к Ниро Вулфу за советом, убита в его кабинете, задушена его собственным галстуком, пока он развлекался со своими орхидеями и беседовал с Арчи Гудвином. Над нами кони в конюшне и те смеются. Мистер Вулф отказался от обеда, даже не смотрел на еду. Мы поняли, что так и будет, в ту же секунду, когда увидели ее на полу. Если бы мы знали, кто это, если бы она назвала имя, что бы мы сделали? Вам следовало бы знать, раз уж вы утверждаете, что знаете нас. Я бы тотчас пошел за убийцей. Мистер Вулф вышел бы из кабинета, закрыл бы за собой дверь, отправился бы в кухню, когда вернулся Фриц, и пил бы там свое пиво. Когда он пришел бы в кабинет и обнаружил тело, зависело бы от того, когда и что сказал бы я. При определенном везении я привел бы сюда убийцу раньше, чем приехали бы вы и все ваши ученые эксперты. Это не изменило бы того факта, что ее задушили его галстуком, но все-таки принесло бы какое-то удовлетворение. Я говорю это сейчас

лишь для того, чтобы показать, что вы нас знаете отнюдь не так хорошо, как вам кажется. А верите вы мне или нет, мне без разницы.

Его цепкие серые глаза прищурились.

— Значит, пошел бы и привел. Того, кто ее убил. А-а? Как он узнал, что она здесь? Как он в дом вошел?

Тут я произнес одно слово, которое здесь опущу, и добавил:

— Опять? Мы уже говорили об этом со Стеббинсом, Роуклиффом и с вами. Теперь все сначала?

— Черт возьми! — Он сложил листки с моими показаниями, сунул в карман, отодвинул стул, встал, рявкнул: — Вы дорого за это заплатите, оба! — и вышел.

По пути к выходу он из прихожей что-то сказал Стеббинсу, который все еще был в кабинете. Упоминаю об этом, чтобы вы поняли, до чего я был выбит из колеи, если даже не пошел его проводить и убедиться, что они взяли только то, что им можно было взять. Вы, наверное, подумали, что Пэрли, проведя в доме пять часов, заглянул в столовую, чтобы попрощаться, — ничего подобного. Я услышал, как хлопнула входная дверь, — это ушел Пэрли. Кремер никогда дверью не хлопает.

Я поглубже устроился в кресле. Без двадцати

двенадцать я сказал вслух:

— Наверное, пойду пройдусь, — но на самом деле гулять мне не хотелось.

В 23:45 я встал, взял копии своих показаний, пошел в кабинет и положил их в ящик стола. Осмотревшись, признал, что кабинет они оставили в довольно приличном виде. Принес из столовой пишущую машинку, поставил на место, проверил дверцу сейфа, вышел в прихожую, убедился, что входная дверь заперта, закрыл на цепочку и пошел в кухню. Фриц сидел на моем месте, где я обычно завтракаю, уткнувшись лбом в край стола.

— Напился, — сказал я.

Он поднял голову:

— Нет, Арчи. Я хотел, но не вышло.

— Иди спать.

— Нет. Он голодный.

— Может быть, он теперь навсегда потерял чувство голода. Спокойной ночи.

Я вышел, поднялся на один этаж, повернул налево, постучал в дверь, услышал нечто среднее между рыком и стоном и вошел. Вулф, полностью одетый, при галстуке, сидел в большом кресле с книгой.

— Все ушли, — сообщил я. — Последними —

Кремер и Стеббинс. Фриц несет в кухне вахту в надежде, что вы захотите поесть. Позвонили бы ему. А у меня есть ли альтернатива тому, чтобы пойти спать?

— Ты сможешь уснуть? — спросил он.

— Наверное. Я сплю каждую ночь.

— Не могу читать. — Он отложил книгу. — Ты когда-нибудь видел, чтобы я был вне себя?

— Нужно заглянуть в словарь. Что вы имеете в виду?

— В ярости. В бешенстве. В гневе.

— Нет, такого не видел.

— А вот сейчас я именно это и чувствую. Мне мешает. Не могу ясно мыслить. Одно знаю точно: я намерен разоблачить этого мерзавца раньше полиции. Пусть Сол, Орри и Фред придут завтра к восьми. Не имею понятия зачем, но к утру придумаю. Обзвони их и ложись спать, если можешь.

— Могу и не спать, если есть дело поинтереснее.

— Не сегодня. Гнев, он как фурункул в мозгах, черт возьми! Мысли путаются, как давно не бывало. Никогда бы не подумал…

Тут раздался звонок в дверь. Теперь, когда армия агрессоров от наших рубежей отступила, так как Кремер не позволил войти в дом ни репор-

терам, ни фотографам, этого следовало ожидать. Спускаясь вниз от Вулфа, я подумывал, не отключить ли на ночь звонок, и уже решил было так и сделать. Фриц стоял на пороге кухни и при виде меня с облегчением вздохнул. Он успел включить на крыльце свет.

Если посетитель и был репортером, то явно ветераном газетного дела. Пришел не один, а с подкреплением либо с подругой, которую взял с собой, чтобы не скучно было ходить по ночам в гости. Я не спешил открывать и разглядывал их в одностороннее стекло. Он был ростом шесть футов, в хорошо скроенном и хорошо подогнанном темно-сером пальто, со светло-серым шерстяным шарфом и в серой фетровой шляпе, с тощим длинным лицом, изрезанным четкими линиями. Она, возможно, была его внучкой, маленькой и хорошенькой, но ее я рассмотреть не смог, так как шубка была застегнута, а отороченная мехом шляпка-клош скрывала лицо, оставляя для обзора лишь щеки и подбородок. Я снял цепочку, открыл дверь и сказал:

— Слушаю, сэр.

— Меня зовут Ламонт Отис. Это дом мистера Ниро Вулфа?

— Верно.

— Я должен встретиться с ним. По поводу моего секретаря, мисс Берты Аарон. В полиции мне сообщили, что произошло. А это мисс Энн Пейдж, моя коллега, наш сотрудник. Полагаю, при данных обстоятельствах мой визит более чем оправдан. Надеюсь, мистер Вулф не откажет меня принять.

— Я тоже надеюсь, — согласился я. — Но если не возражаете, сначала…

Я вышел за порог, подошел к ступенькам и крикнул:

— Есть там кто? Джиллиан? Мёрфи? Подойдите на минутку!

Из тени дома на противоположной стороне улицы возникла фигура. Я разглядел его, пока он шел к нам через дорогу, а когда подошел, сказал ему:

— А-а, Уайли. Поднимитесь, пожалуйста.

Уайли стоял внизу перед нашим крыльцом в семь ступенек.

— Чего ради? — спросил он.

— Могу ли я узнать, с какой целью? — поинтересовался Ламонт Отис.

— Можете. Инспектор полиции Кремер грозился отдать глаз, если мы сделаем что-то не так, и мне было бы стыдно, случись это по моей вине. Так что буду очень признателен, если вы ответите

на простой вопрос в присутствии полицейского: просил ли вас сюда приехать мистер Вулф или я?

— Разумеется, нет.

— Приняли ли вы решение явиться сюда самостоятельно?

— Да. Но я не…

— Прошу прощения. Слышали, Уайли? Включите в отчет. Это спасет Кремеру лишние нервы. Благодарю за…

— Кто он такой? — потребовал от меня ответа детектив.

Этот вопрос я оставил без ответа. Вернулся в дом, пригласил посетителей войти, запер дверь и закрыл ее на цепочку. Отис позволил мне взять у него пальто и шляпу, но Энн Пейдж раздеваться не стала. Отопление на первом этаже к ночи отключали. В кабинете она, усаживаясь в желтое кресло, шубку расстегнула, но не сняла. Я подошел к термостату на стене, установил реле на семьдесят[1], подошел к своему столу и позвонил Вулфу по внутреннему телефону. Следовало бы подняться за ним, так как он вполне мог отказаться встречать посетителей, пока у него в мозгах прыщ, но я уже раз оставил посетительницу без

---

[1] Сноски: 1

70 градусов по Фаренгейту — 21,1 градуса по Цельсию.

присмотра, и с меня было достаточно.

— Да? — рыкнул в трубке Вулф.

— Пришел мистер Ламонт Отис. А также мисс Энн Пейдж, тоже адвокат. Он думает, что их визит в этот час при данных обстоятельствах можно считать оправданным.

Вулф не ответил. Секунд пять в трубке висела тишина, а затем он отключился. Держать возле уха немую трубку глупо, потому я опустил ее, но лицом к гостям не повернулся. На этот раз тут и деньгами не пахло. Я посмотрел на свои часы. Если через пять минут не придет, я сам пойду за ним. Развернувшись, я сказал Отису:

— Пожалуйста, подождите немного.

Он кивнул:

— Это произошло в этой комнате?

— Да. Она лежала там.

Я показал на пол в нескольких дюймах от ног Энн Пейдж. Отис сидел в красном кожаном кресле перед столом Вулфа.

— Там был ковер, но его забрали на экспертизу. Они, конечно… Прошу прощения, мисс Пейдж. Мне не следовало показывать на место.

Она отодвинулась вместе с креслом назад и закрыла глаза.

Сглотнула и снова открыла глаза. При том

освещении они казались черными, хотя вполне могли оказаться и темно-фиолетовыми.

— Вас зовут Арчи Гудвин, — произнесла она.

— Точно.

— Это вы… вы ее нашли.

— Точно.

— Она… Ее… Как?..

— Ее ударили по затылку куском жадеита и задушили галстуком, который случайно оказался здесь на столе. Никаких признаков борьбы. От удара она, вероятно, потеряла сознание, так что…

Поскольку в этот момент я говорил, то не услышал шагов Вулфа на лестнице. Он вошел, остановился, на одну восьмую дюйма наклонил голову в поклоне, приветствуя Энн Пейдж, потом — Отиса, подошел к своему креслу, сел за стол и нацелился взглядом на Отиса:

— Вы и есть мистер Ламонт Отис?

— Именно.

— Должен принести свои извинения. Не могу подобрать слов. Ваша бесценная доверенная сотрудница умерла насильственной смертью под моей крышей. Вы ведь наверняка высоко ее ценили и доверяли ей?

— Да.

— Глубоко сожалею. Если вы пришли меня упрекнуть, я готов это принять.

— Я пришел не для того, чтобы вас упрекать. — При более ярком свете четкие линии лица Отиса казались морщинами. — Я пришел выяснить, что произошло. В полиции и в офисе окружного прокурора мне сообщили, каким образом ее убили, но не объяснили, зачем она пришла к вам. Думаю, знают, но умалчивают. Полагаю, я имею право знать. Берта Аарон была моим доверенным секретарем много лет, а я, доверяя ей все, даже не подозревал, что у нее могли быть затруднения, которые заставят ее обратиться к другому человеку. Почему она пришла к вам?

Вулф потер нос пальцем и посмотрел на него оценивающе:

— Сколько вам лет, мистер Отис?

Энн Пейдж, похоже, поперхнулась. Ее старший коллега, который наверняка за свою карьеру сумел легко отклонить тысяч десять неуместных вопросов, сказал просто:

— Мне семьдесят пять. Но к чему это?

— Не хочу, чтобы мне еще раз пришлось извиняться за то, что у меня в кабинете кто-то умер, теперь по моей вине. Мистеру Гудвину мисс Аарон сказала, что она, столкнувшись с проблемой,

не обратилась к вам, потому что боялась вас огорчить. Точные слова, Арчи?

Я всегда был готов:

— «У него слабое сердце, и это может его убить».

Отис фыркнул:

— Чепуха! У меня и в самом деле стало барахлить сердце, так что пришлось снизить темпы, но для того, чтобы меня убить, нужно больше, чем просто проблема. Я всю жизнь имею дело с проблемами, а среди них попадаются сложные.

— Она преувеличивала, — заявила Энн Пейдж. — То есть мисс Аарон. Она была так предана мистеру Отису, что преувеличивала опасность его болезни.

— Почему вы его сопровождаете? — поинтересовался Вулф.

— Не из-за его здоровья. Мы у него дома работали над письмом, когда позвонили и сообщили о Берте, а когда он решил поехать к вам, то попросил меня его сопровождать. Я умею стенографировать.

— Вы слышали слова мисс Аарон, которые передал мистер Гудвин. Если я скажу мистеру Отису то, что боялась сказать она, возьмете ли вы на себя ответственность за последствия?

Тут Отис взорвался:

— Черт возьми, я возьму на себя ответственность! Это мое сердце!

— Сомневаюсь, — возразила Энн Пейдж, — что последствия от того, что вы скажете, будут хуже, чем если не скажете. Ответственность на себя я не возьму, но буду свидетельствовать в том, что он настаивал.

— Я не только настаиваю, — сказал Отис. — Я заявляю о своем праве на информацию, поскольку она наверняка касается меня.

— Хорошо, — согласился Вулф. — Мисс Аарон приехала без предварительного звонка сегодня — вернее, уже вчера — в двадцать минут шестого. Примерно двадцать минут она беседовала с мистером Гудвином, после чего он поднялся ко мне наверх доложить о ней. В кабинете он отсутствовал полчаса. Она в это время находилась на первом этаже одна. Какую картину мистер Гудвин увидел, когда вернулся, вам известно. На этот счет он дал полиции подробные показания, в том числе и о содержании их беседы. — Вулф повернул ко мне голову. — Арчи, дай мистеру Отису копию показаний.

Я достал из стола бумаги и протянул Отису. На секунду мне захотелось встать с ним рядом

на случай, если Берта Аарон не ошиблась и ему в самом деле может понадобиться помощь, но оттуда мне было не видно выражения его лица, потому я вернулся на свое место. Впрочем, человек, который полвека проработал адвокатом, умел управлять своим лицом. Один раз я заметил, как у него немного напряглась челюсть, и еще — как дрогнул мускул на шее. Отис прочел показания дважды: сначала бегло, потом медленно. Закончив, он аккуратно сложил листки и с немного рассеянным видом принялся убирать их в нагрудный карман пиджака.

— Нет! — воскликнул Вулф. — Я поделился с вами информацией, однако это копия показаний. Вы не можете ее забрать.

Отис не обратил на его слова внимания. Он перевел взгляд на свою помощницу, и мускул на шее у него снова дрогнул.

— Зря я взял вас с собой, Энн, — сказал он. — Вы должны уйти.

Она посмотрела ему в лицо:

— Поверьте, мистер Отис, на меня можно положиться. В любом вопросе. Поверьте. Если дело настолько плохо, вы не должны брать все на себя.

— Должен. И в этом вопросе вы мне не поможе-

те. Вам нужно уйти.

— Можете подождать в гостиной, мисс Пейдж, — предложил я. — Там хорошая звукоизоляция.

Ей это не понравилось, но она подчинилась. Я открыл смежную дверь в гостиную, включил свет, после чего вышел через другую дверь в прихожую, запер ее, а ключ положил в карман. В кабинете Отис спросил у меня:

— Насколько тут хорошая звукоизоляция?

— Хоть кричите, там не слышно, — ответил я.

Он посмотрел на Вулфа:

— Неудивительно, что мисс Аарон посчитала эту информацию для меня убийственной. Говорите, у полиции это есть?

— Есть. Разговор мы продолжим после того, как вы вернете копию. Мистер Гудвин ничем не может подтвердить свои слова. Эти бумаги для него опасны, и он написал их исключительно под давлением полиции.

— Но мне нужно…

— Арчи! Забери…

Я поднялся. Разумеется, для его сердца это явится испытанием. Но едва я сделал шаг в его сторону, как он потянулся к карману, а когда я подошел, он сам достал бумаги и протянул мне.

— Так-то лучше, — проворчал Вулф. — Я при-

нес вам свои извинения и соболезнования, мы предоставили вам всю информацию, которой владеем. Добавлю еще, что, во-первых, ни я, ни мистер Гудвин не раскроем без вашего согласия ни один факт, имеющийся в показаниях, третьим лицам; а во-вторых, моя самооценка серьезно пострадала, потому я очень надеюсь получить моральную компенсацию, разоблачив убийцу. Разумеется, полиция тоже будет его искать, но, по моему мнению, это лично моя задача. Я буду рад вашей помощи, хотя не в качестве клиента. Денег я от вас не приму. Я понимаю, что сейчас вы в состоянии шока, вы потрясены и убийством, и той катастрофой, которая грозит вашей фирме, но, когда вы придете в себя, вам, возможно, захочется свести ущерб к минимуму, самостоятельно разобравшись с предателем и позволив преступнику уйти от ответа. Если при этом вы будете действовать с известной долей осторожности, то вам, возможно, удастся одурачить полицию, но не меня.

— Вы делаете абсолютно необоснованное предположение, — сказал Отис.

— Я не делаю никакого предположения. Я лишь сообщаю о своих намерениях. Основная версия полиции, а также и моя, очевидна: мисс

Аарон убил кто-то из ваших сотрудников или партнеров. Конечно, закон не требует, чтобы в ходе судебного процесса обсуждались мотивы преступления, но в данном случае это неизбежно. Можете ли вы утверждать, что не попытаетесь этому воспрепятствовать? Не будете считать своей главной задачей спасение репутации фирмы?

Отис открыл рот и снова закрыл.

— Я так и подумал, — кивнул Вулф. — В таком случае советую постараться мне помочь. Если вы согласитесь, у меня будет два обязательства: поймать убийцу и сделать так, чтобы ваша фирма пострадала как можно меньше. Если нет, обязательство у меня будет только одно. Что до полиции, сомневаюсь, чтобы они ждали от вас сотрудничества, поскольку они не глупы. Они, конечно, понимают, что у вас в этом деле есть более глубокий интерес, чем поиск справедливости. Ваше решение, сэр?

Отис сидел, подавшись в кресле вперед, и разглядывал тыльную сторону левой ладони, которая обхватывала колено. Изучив ее достаточно, он перевел взгляд на правую, а когда изучил и эту, поднял голову:

— Вы употребили слово «версия». Факт нам известен один: некто… возможно, имеющий

отношение к моей фирме… убил мисс Аарон. Это все. Откуда он узнал, что она здесь? Она же сказала: никто не знал, куда она направляется.

— Он мог просто проследить за ней. Вероятно, она приняла решение после разговора с ним. Арчи?

— Если она пошла пешком, — сказал я, — это заняло от пятнадцати до двадцати пяти минут, в зависимости от ее темпов. В такое время дня такси поймать трудно, а в центре они еле ползут. Проследить же за ней на улице было бы легче легкого.

— Как он мог попасть в дом? — требовательно спросил Отис. — Незаметно прошмыгнул мимо, когда вы ее впустили?

— Нет. Вы прочли показания. Он мог видеть, как она вошла сюда, мог знать, что это дом Ниро Вулфа. Предположим, он позвонил сюда из телефонной будки, а трубку сняла она. Зазвонил телефон. — Я похлопал по своему аппарату. — Я ушел, а она, много лет работавшая секретарем, машинально сняла трубку. Я не перевел звонки, и потому звонка в оранжерее не было. Он должен был зазвонить в кухне, но Фриц отправился за покупками. Она ответила на звонок, и он сказал ей, что им нужно встретиться немедленно, он все

объяснит, и тогда она велела ему прийти сюда. Она встретила его и впустила в дом. Вначале он наверняка мог лишь надеяться как-нибудь потянуть время, но, выяснив, что, кроме нее, на всем этаже никого нет и что она еще не встретилась с мистером Вулфом, он принял другое решение. На все про все хватило бы двух минут, если не меньше.

— Это ваши домыслы.

— Конечно, меня тут не было. Но все сходится. Если у вас есть версия получше, я готов сесть и стенографировать.

— Полиция снимала здесь отпечатки пальцев?

— Само собой. Но на улице ниже нуля, и думаю, ваши сотрудники все носят перчатки.

— По вашей версии, он узнал, что она не встретилась с Вулфом, но она ведь все рассказала вам.

— Ему она об этом не сообщила. Он с двух слов мог понять, что она ждет мистера Вулфа. Либо так, либо она сказала, но он все равно ее убрал. Первый вариант логичнее и больше мне нравится.

Некоторое время Ламонт Отис разглядывал меня, потом закрыл глаза и подался вперед. Открыл, перевел взгляд на Вулфа:

— Мистер Вулф, я оставлю без комментариев ва-

ше предположение, будто я способен предпочесть личные соображения свершению правосудия. Вы попросили о помощи. Как я могу помочь?

— Предоставьте информацию. Ответьте на мои вопросы. Вы опытный человек, и вы сами понимаете, о чем я могу спросить.

— Мне проще будет это понять, когда я услышу вопросы. Начинайте, посмотрим.

Вулф поднял глаза на часы на стене:

— Сейчас почти час ночи, а это затянется. Мисс Пейдж наверняка устанет ждать.

— Конечно, — согласился Отис и посмотрел на меня. — Не попросите ли ее вернуться?

Я встал и направился к смежной двери между кабинетом и передней гостиной. Открыл и хотел было что-то сказать, но остался стоять с разинутым ртом. В гостиной никого не было. Из распахнутого окна тянуло холодом. Направляясь к нему, я уже готов был увидеть ее на асфальте, с каким-нибудь моим галстуком на шее, хотя я своих вещей не разбрасываю. К моему облегчению, под окном было пусто.

Глава 3

За моей спиной из кабинета раздался рык:

— Арчи! Что, черт возьми, ты там делаешь?!

Я закрыл окно, окинул взглядом гостиную в поисках следов борьбы или оставленной нам записки. Не увидел ни того ни другого и вернулся.

— Ее нет, — сказал я. — Записки тоже. Когда я…

— Зачем ты открыл окно?

— Я не открыл, а закрыл. Я ее там запер, чтобы она не вышла и не услышала чего не нужно, так что, если ей всего лишь надоело ждать, выход у нее был только через окно.

— Она сбежала? — не поверил Отис.

— Да, сэр. Это лишь мои домыслы, но все сходится. Окно открыто, а ее нет ни в гостиной, ни под окном гостиной. Я посмотрел.

— Не могу поверить! Мисс Пейдж, такая здравомыслящая, надежная… — Он не договорил. — Нет… Нет! Я больше не знаю, кто у нас надежный. — Он положил локоть на подлокотник, оперся лбом на руку. — Не дадите ли мне стакан воды?

Вулф предложил бренди, но Отис сказал, что ему нужна вода, и я пошел в кухню, где налил ему

стакан. Он достал из кармана маленькую металлическую коробочку, вынул из нее две таблетки и запил их.

— Помогают? — спросил Вулф. — Таблетки.

— Да. Таблетки-то надежные. — Он вернул мне стакан.

— Ну раз ее нет, может быть, мы продолжим?

— Конечно.

— Не догадываетесь ли вы, почему мисс Пейдж сбежала?

— Нет. Это что-то невероятное. Черт возьми, Вулф, я вообще ни о чем не догадываюсь! Неужели вы не видите, как я растерян?

— Вижу. Может быть, нам отложить беседу?

— Нет!

— Хорошо… Позволю себе сделать предположение, что мисс Аарон убита сотрудником вашей фирмы… Назовем его Икс. Мое предположение строится на том, что в беседе с мистером Гудвином она говорила искренне и приводила факты, соответствующие действительности. Не могли бы вы опротестовать мое предположение?

Отис посмотрел на меня:

— Нужны детали. О чем она вам сказала, я знаю из показаний, манера там описана в самом деле похожая, но вот как она говорила… голос,

интонация? Не показалось ли вам, что она… в некоторой степени… э-э-э… выбита из колеи? Немного не в себе?

— Нет, сэр, — отвечал я. — Она сидела — спина прямая, ноги вместе, смотрела мне в лицо.

— Похоже на нее, — кивнул он. — Очень похоже. — Он обратился к Вулфу: — Здесь и сейчас, в частной беседе, мне нечего опротестовывать.

— Следующее предположение: ее убил Икс.

— Это я не могу ни опротестовать, ни принять.

— Пф! Вы же не страус, мистер Отис. Далее: если мисс Аарон не исказила фактов, то из этого должно следовать, что Икс обладал информацией, которая могла существенно укрепить позицию миссис Сорелл в ее тяжбе с мужем, то есть с вашим клиентом. Верно ли это?

— Разумеется. — Отис хотел что-то добавить, но передумал, потом снова передумал и все же сказал: — Опять же только здесь и сейчас, в частной беседе: два слова о судебной тяжбе. Это шантаж. Формально — нет, конечно, но по сути шантаж. Ее требования надуманны и непомерны. Это грабеж.

— А кто-то из ваших партнеров дает ей в руки оружие. Как по-вашему, кто он? Или они?

Отис покачал головой:

— Я не буду отвечать на этот вопрос.

Вулф поднял брови:

— Сэр? Если вы согласились помочь, это самое меньшее, что можно сделать. Если вы решили отвергнуть мое предложение, так и скажите, я справлюсь сам. Полиция найдет ответ на него как на один из основных вопросов не сегодня-завтра. У меня уйдет больше времени.

— Конечно больше, — отозвался Отис. — Вы забыли сказать еще об одном. Вы исходите из того, что Гудвин честно и правдиво передал слова мисс Аарон.

— Пф! — Вулф скривился. — Вздор! Если вы надеетесь подвергнуть сомнению слова мистера Гудвина, вы и в самом деле не в форме. Лучше идите домой. Если к вам снова вернется способность мыслить и вы захотите со мной связаться, я буду на месте. — Он отодвинул от стола кресло.

— Нет! — Отис протянул к нему руку. — Господи, Вулф, я выбит из колеи! Сам не знаю, что говорю! Я способен мыслить.

— Тогда воспользуйтесь этим. Кто из ваших партнеров имеет возможность передать важную информацию миссис Сорелл?

— Все. Наш клиент по некоторым пунктам уязвим, ситуация чрезвычайно сложная, так что

мы часто совещались все вместе. Я имею в виду, конечно, троих основных партнеров. Это может быть только кто-нибудь из них, во-первых, потому, что никто из ассоциированных партнеров не владел конфиденциальной информацией, а главное, потому, что мисс Аарон в разговоре с Гудвином назвала его партнером. Она не назвала бы так любого адвоката. Партнерами она называла только своих и могла иметь в виду либо Фрэнка Эдея, либо Майлза Хайдекера, либо Грегори Джетта. И это невероятно!

— «Невероятно» в буквальном смысле или в риторическом? Вы не верите мисс Аарон или — из отчаяния — мистеру Гудвину? Ответьте здесь и сейчас, в частной беседе.

— Верю!

Вулф перевернул руку на столе ладонью вверх:

— Тогда ближе к делу. Это одинаково невероятно в отношении всех троих или же для кого-то менее?

Весь следующий час Отис то и дело отказывался отвечать, повторив свое «нет» по меньшей мере дюжину раз, а в некоторых вещах — например, в чем же именно состояла уязвимость Мортона Сорелла, — он уперся напрочь, тем не менее информации набралось на девять страниц моего

блокнота.

Фрэнк Эдей, пятьдесят пять лет, женат, имеет двоих сыновей и дочь, жена живет и здравствует, ему принадлежат двадцать семь процентов от прибыли фирмы. (Доля Отиса — сорок процентов.) Он всегда полон блестящих идей, но не любит рутины, в суде выступает редко. Именно он четыре года назад составил проект брачного соглашения, которое подписали перед венчанием Мортон Сорелл и Рита Рэмзи. Финансовое положение стабильное. Отношения с женой и детьми средние. Заинтересованность в других женщинах, безусловно, имеется, но в пределах разумного. Знакомство с миссис Сорелл было, насколько знал Отис, коротким.

Майлз Хайдекер, сорок семь лет, женат, жена живет и здравствует, детей нет, доля в фирме двадцать два процента. Его отец, ныне покойный, был членом первого правления фирмы. Специализируется на ведении дел в суде и берет самые важные дела. Два года назад именно он защищал миссис Сорелл по просьбе Мортона Сорелла, когда на нее подал в суд ее бывший агент. Хайдекер не любит транжирить деньги, скопил немалый капитал. Отношения с женой неясные; на первый взгляд, все хорошо. Интересы: работа, шахматы и

закулисная политика, нет времени на интрижки с женщинами, в том числе с миссис Сорелл.

Грегори Джетт, тридцать шесть лет, холост, стал партнером недавно, доля в фирме одиннадцать процентов; получил ее после двух успешно проведенных дел с участием крупных корпораций. В одной из них Мортон Сорелл владеет контрольным пакетом, потому в течение этого года Джетт был довольно частым гостем в доме Сореллов на Пятой авеню, но заметного внимания к хозяйке не проявлял. Вопрос о финансовом положении Джетта был одним из тех, на которые Отис не хотел отвечать, но в конце концов ответил таким образом: Джетт мало заботится о балансе доходов и расходов, и в данное время его счет в компании находится ниже красной черты. Вскоре после того, как он вошел в правление, примерно два года назад, вложил крупную сумму — по мнению Отиса, тысяч сорок долларов — в спектакль на Бродвее, спектакль провалился. Там играла его подруга. Были у него другие траты на подруг или друзей, Отис либо не знал, либо скрыл. Сказал лишь, что, насколько он понял, главным образом по отдельным высказываниям Берты Аарон, в последнее время Джетт проявляет к Энн Пейдж больше внимания, чем того требуют профессио-

нальные отношения.

Но, когда Вулф спросил, не может ли быть такое, что Энн Пейдж сбежала, поскольку подозревает или даже знает, кто предатель, Отис эту идею отверг. Ему и так-то трудно было принять тот факт, что кто-то из его партнеров оказался подлецом, а потому заподозрить еще и сотрудницу было выше его сил. С Энн Пейдж он разберется сам, у нее наверняка есть разумное объяснение.

Информацию о миссис Мортон Сорелл Отис выдал без колебаний. Что-то нам было уже известно, это знали все, кто читает прессу: до замужества Рита Рэмзи, почти подростком, блестяще сыграла в бродвейском шоу «Дотянись до Луны», а после, с не меньшим триумфом, еще в двух постановках, покорила Голливуд, два года покоряла Мортона Сорелла, вышла за него замуж и оставила сцену. Но к общеизвестным фактам Отис добавил и еще кое-что, на что лишь намекали в газетных сплетнях: через год брак дал трещину, Риту, как выяснилось, интересовали деньги Сорелла, а не Сорелл, и она не собиралась решать вопросы в соответствии с брачным контрактом. Ей хотелось прибрать к своим нежным лапкам бóльшую половину имущества, и она тщательно к этому подготовилась, собрав определенные доказатель-

ства, но и Сорелл поумнел и потому пришел за советом к своим адвокатам, которыми и являлись Отис, Эдей, Хайдекер и Джетт, а они загнали ее в ловушку… вернее, считали, что загнали. Так считал и Отис, пока не прочел мои листочки с показаниями. Теперь он не знал, что и думать.

Но он был все еще жив. А к двум часам ночи, когда собрался уходить, Отис даже немного пришел в себя. Больше не нервничал, как вначале, когда попросил воды, чтобы запить таблетки. Без обиняков отверг предложение Вулфа, но согласился подождать тридцать два часа, то есть до десяти утра среды, и ничего до тех пор не предпринимать, не получив сообщения от Вулфа. Единственное, что он все-таки за это время сделает, — побеседует с Энн Пейдж, велит ей никому не рассказывать о том, что прочел мои показания, и выяснит, почему она сбежала. Он считал, что в полиции ему про мои показания не скажут, а если скажут, то он ответит, что не верит на слово, ему нужны доказательства. Он, конечно, спросил, каковы намерения Вулфа, но Вулф ответил, что сам не знает и, скорее всего, примет решение после завтрака.

Когда я, подав пальто Отису и заперев за ним дверь, вернулся в кабинет, Фриц уже стоял там.

— Нет, — мрачно говорил Вулф, — ты прекрасно знаешь, я почти никогда не ем ночью.

— Но вы не обедали. Омлет… Или хотя бы…

— Нет! Черт возьми, лучше умереть с голоду! Иди спать!

Фриц повернулся ко мне, я покачал головой, и он ушел.

— Звонить Солу, Фреду и Орри? — спросил я.

— Нет. — Он вдохнул через нос и сделал выдох через рот. — Я сам не знаю, что делать, так что, черт возьми, я им могу поручить?!

— Риторика, — произнес я.

— Не риторика. Логика. Есть вещи очевидные. Неужели они могут найти дешевый ресторан или забегаловку, где те двое встретились? Как им это поручить? Сколько этих забегаловок в городе?

— О-о… Наверное, тысяча… Больше.

Вулф хрюкнул:

— Или поручить опросить персонал в их офисе, чтобы выяснить, кто из троих партнеров вчера днем беседовал с мисс Аарон? Кто из партнеров ушел вскоре после нее? У кого из троих нет алиби с пяти часов вечера до десяти минут седьмого? Отыскать телефонную будку, из которой он звонил сюда? Выяснить, у кого какие отношения с миссис Сорелл? Все это правильные, надежные

направления для следствия, и уже завтра утром мистер Кремер и окружной прокурор отправят на поиски этих следов сотню своих людей.

— Две сотни. Дело-то будет громкое.

— Так что давать подобные задания троим… четверым, считая тебя… глупо. Наверное, можно было попросить мистера Отиса, чтобы он организовал нам здесь встречу с Эдеем, Хайдекером и Джеттом. Он мог бы сказать им просто, что нанял меня расследовать это убийство, так как оно произошло в моем доме.

— Вряд ли удастся. Завтра они весь день проведут в офисе окружного прокурора. Вызовут.

Вулф закрыл глаза, поджал губы. Я взял копию своих показаний, которые мне вернул Отис, достал из стола вторую, открыл сейф и положил их туда. Я уже закрыл сейф и вертел колесико, когда Вулф произнес:

— Арчи…

— Да, сэр.

— Они примутся за миссис Сорелл?

— Вряд ли. Не сейчас. С какой стати? Кремер ведь предупредил — и с его стороны это была любезность, — что нас возьмут за жабры, если мы проболтаемся о разговоре с Бертой Аарон, а значит, он намерен сам пока помалкивать, а

если они сейчас займутся миссис Сорелл, то все станет понятно.

Он кивнул:

— Она молода и красива.

— Ага. Я видел ее только на сцене. А вы видели фотографии.

— Ты же умеешь общаться с красивыми молодыми женщинами.

— Ну да. Тают передо мной, как шоколадки на солнце. Но если вы думаете, что, стоит мне к ней попасть и спросить, с кем это из партнеров она встречалась на прошлой неделе в какой-то забегаловке, она разомлеет и тут же все выложит, то вы слишком высокого обо мне мнения. Наверняка придется потратить час, если не больше.

— Можешь привезти ее сюда?

— Наверное. Может быть. Полюбоваться орхидеями?

— Не знаю. — Он отодвинулся от стола и поднялся. — Я устал. Придешь ко мне в восемь.

Он направился к двери.

Глава 4

В тот вторник я вышел из дому в 10:17, прошагал четырнадцать коротких кварталов в северном направлении, затем — шесть длинных в восточном и вошел в холл «Черчилля». Я не стал ловить такси, а пошел пешком по двум причинам: я спал меньше пяти часов и моему организму требовался кислород, особенно в той его части, что выше шеи, а кроме того, раньше одиннадцати часов утра миссис Мортон Сорелл, урожденная Рита Рэмзи, вряд ли приняла бы посетителя. Выяснил же я, что она, покинув два месяца назад супружеский кров, поселилась в апартаментах в «Черчилль тауэрс», сделав один короткий звонок в «Газетт» Лону Коэну.

В кармане у меня лежал простой белый конверт, запечатанный и надписанный от руки: «Для миссис Мортон Сорелл. Лично, конфиденциально». Внутри конверта лежал листок, где — так же от руки — я написал: «Нас видели в тот вечер в закусочной. Связываться по телефону опасно. Человеку, который принесет эту визитку, можно доверять».

Без подписи.

Было без двенадцати одиннадцать, когда в холле отеля я вручил на ресепшен конверт с просьбой сразу же отнести его наверх, а когда клерк, вернувшись, пригласил меня пройти к лифту, до одиннадцати оставалось целых три минуты. Девять минут ожидания заставили меня понервничать. Если бы трюк не сработал и меня велели выставить вон, в запасе у меня ничего больше не было. Так что, когда лифт пошел вверх, я прочувствовал подъем во всех смыслах, а когда на тридцатом этаже лифтер открыл дверь и я увидел, что она сама вышла меня встретить, мне даже захотелось поприветствовать ее улыбкой, но я сдержал свой порыв.

В руке она держала мой листок.

— Это вы прислали? — спросила она.

— Я его принес.

Она оглядела меня с ног до головы и с головы до ног:

— Могла ли я вас где-то видеть? Как вас зовут?

— Гудвин. Арчи Гудвин. Возможно, вы видели мое фото в газете.

— О-о! — Она кивнула. — Разумеется. — Она махнула листком. — Что все это значит? Это невероятно! Где вы его взяли?

— Сам написал.

Я вышел из лифта, почувствовав аромат ее утренней ванны или духов, которыми пропахло ее желтое одеяние, очень непринужденное надо сказать.

— Должен также сознаться, я вас обманул, миссис Соррел. Я давно вами восхищаюсь. Вы единственная, кого я храню в своем сердце. Одна ваша улыбка — только для меня, — и я был бы на седьмом небе. Я не пытался раньше встретиться с вами, так как не смел ни на что надеяться, но сейчас, когда вы ушли от мужа, я подумал, что если сделаю для вас что-нибудь… например, окажу какую-нибудь небольшую услугу… то смогу заслужить вашу улыбку. Я должен был вас увидеть, чтобы это сказать, а записка — всего лишь уловка, позволившая мне попасть к вам. Я все там выдумал. Я старался написать нечто такое, что могло бы вызвать ваше любопытство. Пожалуйста, пожалуйста, простите!

Она улыбнулась своей знаменитой улыбкой, причем только для меня, и сказала:

— Вы меня обескураживаете, мистер Гудвин, просто обескураживаете. Вы так мило все объяснили. Значит, вы пришли оказать мне какую-то конкретную услугу?

Вынужден отдать ей должное. Она прекрасно

знала, что я вру ей в глаза. Что ничего я не выдумал. Что я лицензированный детектив и явился по делу. Но даже глазом не моргнула… Впрочем, нет, моргнула. Взмахнула длинными темными ресницами, своими, не купленными, которые составляли изумительный контраст с волосами цвета кукурузного шелка, когда начинает созревать початок, тоже своими, не купленными, на мгновение опустив глаза, чтобы спрятать радостный блеск, сверкнувший при виде меня. Вне сцены она оказалась так же хороша, как и на сцене, и я был вынужден это признать.

— Нельзя ли мне войти? — поинтересовался я. — Раз уж вы мне улыбнулись?

— Разумеется.

Она отступила в сторону, и я вошел. Она подождала, пока я сниму пальто и шляпу и положу их на кресло, а потом провела из прихожей в большую гостиную с окнами, выходившими на восток и на юг, и предложила сесть.

— Немногим выпадает такой шанс, — сказала она, садясь сама. — Знаменитый детектив предлагает свои услуги. Что же именно вы могли бы для меня сделать?

— Ну… — произнес я и тоже сел. — Я умею пришивать пуговицы.

— Это я и сама умею.

Она улыбнулась. Глядя на ее улыбку, никто в жизни бы не подумал, что эта женщина — чемпион по высасыванию крови. Даже я чуть было не усомнился. Приятно было осознавать, что улыбка адресована только мне.

— Могу ходить за вами следом с галошами, — предложил я, — на случай, если вдруг пойдет снег.

— Я редко хожу пешком. Лучше с оружием. Вы напомнили о моем муже. Я всерьез думаю, что он способен кого-нибудь нанять, чтобы меня убить. Вы красавчик… просто настоящий красавчик. А вы храбрый?

— Зависит от обстоятельств. Если вы будете на меня смотреть, то, наверное, да. Между прочим, раз уж я все равно к вам попал — я никогда не забуду этот день, — то позвольте спросить кое о чем. Вы сказали, что видели в газете мою фотографию, а значит, прочли, вероятно, о том, что вчера произошло в особняке Ниро Вулфа. Была убита женщина. Берта Аарон. Прочли?

— Не до конца. — Она скривилась. — Не люблю читать про убийства.

— Но кто она такая, прочли? Личный секретарь Ламонта Отиса, старшего партнера юридической

фирмы «Отис, Эдей, Хайдекер и Джетт».

Она покачала головой:

— Не обратила внимания.

— Я-то думал, что обратили, потому что это адвокаты вашего мужа, о чем вам, конечно, известно.

— О-о! — Глаза у нее расширились. — Конечно. Я не заметила.

— Наверное, вы до этого места не дочитали. Иначе не могли бы не заметить, так как со всеми ими знакомы лично. Так вот о чем я хотел спросить: были ли вы знакомы с Бертой Аарон?

— Нет.

— Я-то думал, знакомы, потому что она была секретарем у Отиса, а Отис и его партнеры много лет ведут дела вашего мужа, а однажды даже вели ваше. Вы с ней никогда не встречались?

— Нет. — Она больше не улыбалась. — Кажется, вам многое известно об этой фирме и о моем муже. Вы так мило говорили, что восхищаетесь мной и что храните меня в своем сердце. Значит, вас послали они или Ниро Вулф, которого они наняли. Так?

— Нет. Не так.

— Наняла фирма, что одно и то же.

— Нет. Никто его не нанял, он работает на себя.

Он…

— Ложь!

— Я так часто по работе использую ложь, что не могу позволить себе расходовать ее без дела. Мистер Вулф очень огорчился из-за того, что убийство произошло у него в кабинете, и он не желает прощать подобную наглость. Его никто не нанял, и никто не сможет нанять, пока мы не узнаем, кто виновник. Мистер Вулф подумал, что вы могли быть знакомы с Бертой Аарон и сообщить о ней что-нибудь, что помогло бы нам.

— Увы, нет.

— Очень плохо. Но я по-прежнему восхищаюсь вами.

— Вот и восхищайтесь. Вы мне нравитесь, вы красавчик. — Она снова улыбнулась. — Мне пришла в голову одна мысль. Не захочет ли Ниро Вулф, чтобы его наняла я?

— Надо подумать. Он берется не за всякую работу, а если возьмется, обдерет вас как липку. Он если и хранит что-то в сердце, в чем я сомневаюсь, то это отнюдь не прекрасный женский образ… или милый. О чем вы хотите его спросить?

— Об этом я скажу ему.

Она смотрела мне в глаза, опустив свои длинные ресницы ровно настолько, чтобы взгляд был

выразительнее, и мне снова пришлось отдать ей должное. Можно было подумать, будто она понятия не имеет, что я знаю, что она что-то скрывает, и что я сам тоже что-то скрываю. Она была чертовски хороша, и, глядя в ее глаза, я всерьез подумал, что она и в самом деле поверила, будто я просто случайно сочинил ту записку.

— Чтобы задать ему вопрос, — сказал я, — нужно записаться на прием. Он никогда не выходит по делу из дому. — Я достал визитку и протянул ей. — Здесь адрес и номер телефона. Но, если хотите это сделать сейчас, я с радостью захвачу вас с собой, и возможно, он пойдет навстречу. До часу у него свободное время.

— Любопытно. — Она улыбнулась.

— Что именно?

— Ничего. Разговариваю сама с собой. — Она покачала головой. — Сейчас не пойду. Может быть… Я должна подумать. — Она поднялась. — Очень жаль, что ничем не могу помочь, в самом деле жаль, но я никогда не встречалась с… Как ее звали?

— Берта Аарон. — Я встал.

— Никогда не слышала. — Она бросила взгляд на визитку, которую я вручил ей. — Возможно, я позвоню вам сегодня. Я должна подумать.

Она прошла следом за мной в прихожую, а когда я потянулся к двери, подала руку, и я пожал ее. Пожатие у нее было крепкое.

Когда выходишь из лифта в холл отеля «Черчилль тауэрс», есть три возможности. Пойти направо к главному входу. Пойти налево, потом направо к боковому или налево и еще раз налево к другому боковому. Я пошел через главный, остановился и минуту постоял на тротуаре, чтобы надеть пальто и дернуть себя за ухо, после чего не торопясь направился в сторону центра. На углу рядом со мной пристроился низкорослый человек, с большим носом, похожий, на первый взгляд, на полотера, который зарабатывает сорок баксов в неделю. На самом деле Сол Пензер — лучший оперативник Нью-Йорка, и стоит он десять долларов в час.

— Детективов не видно? — спросил я у него.

— Знакомых — нет и, полагаю, незнакомых тоже. Попал к ней?

— Ага. Не похоже, что ею уже занялись. Я подбросил ей кое-что, так что можете начать шевелиться. Мальчики на месте?

— Да. Фред у северного входа, Орри у южного. Надеюсь, она пойдет через главный.

— Как и я. До встречи.

Он развернулся и исчез, а я сделал шаг к проезжей части и подозвал такси. Когда оно остановилось на Тридцать пятой улице возле старого особняка из бурого песчаника, было 11:40.

Поднявшись по семи ступенькам, я открыл своим ключом дверь, оставил на вешалке в прихожей пальто и шляпу и направился в кабинет. Вулф уже должен был сидеть за столом и читать очередную книгу, поскольку утреннее свидание с орхидеями заканчивается в одиннадцать. Но его там не было. Кресло за письменным столом пустовало, а в красном кожаном сидел незнакомец. Я встал перед ним и сказал: «Доброе утро». Он тоже сказал: «Доброе утро».

Выше плеч это был поэт. С мечтательным взглядом глубоко посаженных глаз, с большим обиженным ртом, с острым подбородком, но поэту пришлось бы долго продавать свои стихи, чтобы купить такой костюм, рубашку и галстук, не говоря уже о туфлях ручной работы из Лондона. Поглазев на него достаточно, чтобы все это разглядеть, я решил не спрашивать у него, где Вулф, а потому снова вышел и повернул налево к кухне, где в нише в конце коридора и увидел Вулфа, стоявшего возле дырки в стене. Дырка у нас проделана на уровне глаз. В кабинете ее

прикрывает пейзаж с водопадом. А тут она ничем не прикрыта, и через эту дырку очень удобно не только слушать, но и смотреть, что происходит за стенкой.

Но я там не остановился, а толкнул распашную дверь в кухню, придержал створку, чтобы Вулф вошел, и отпустил.

— Вы забыли галстук на столе оставить, — сказал я.

— О галстуке поговорим в другой раз, — хмыкнул он. — Это Грегори Джетт. Утро он провел в офисе окружного прокурора. Я нашел предлог выйти, потому что сначала хотел послушать тебя, и решил понаблюдать за ним, пока жду.

— Отличная мысль! Вдруг бы он взял да и сказал сам себе: «Надо же, а ковра-то нет». Не сказал?

— Не сказал. Встретился с той женщиной?

— Да, сэр. Настоящий бриллиант. Теперь нет никаких сомнений по поводу основного факта: Берта Аарон не могла ошибиться, кто-то из партнеров беседовал именно с миссис Сорелл.

— Она призналась?

— Нет, сэр, но подтвердила это. Мы проговорили минут двадцать, и она только в первые полминуты сказала про мою записку, что это бред, и спросила, откуда я ее взял, а после ни разу

о ней не вспомнила. Зато дважды назвала меня красавчиком, шесть раз улыбнулась, сказала, что не знает Берту Аарон, и поинтересовалась, не захотите ли вы работать на нее. Может быть, она нам позвонит, чтобы договориться о встрече. Передать дословно?

— Дословно — позже. Парни на месте?

— Ага. Перед уходом я поболтал с Солом. Пустая трата времени. Она не дура — вот только не это. Для нее, конечно, было ударом услышать, что их видели в ресторанчике, но паниковать она не станет. К тому же она, конечно, не знает, как мы на нее вышли. Может быть, она не догадывалась, что между их встречей и убийством Берты Аарон есть связь. Может быть, и сейчас не догадывается… хотя вряд ли. Когда догадается — если догадается, — она поймет также и то, что Берту Аарон убил человек, с которым она встречалась вечером в прошлый понедельник. С такой мыслью жить непросто, но она справится. Она крепкая штучка, а на кону тридцать миллионов долларов. Если бы вы видели, как она улыбалась, когда назвала меня красавчиком — и, возможно, сказала искренне, хотя нос у меня приплюснутый, — вам бы и в голову не пришло, что две минуты назад она прочла записку, где

я без обиняков выкладываю ее главный секрет. Настоящий бриллиант! Будь у меня тридцать миллионов, с удовольствием пригласил бы ее на ланч. Так что беспокоит Грегори Джетта?

— Не знаю. Посмотрим. — Он толкнул дверь и вышел, а я последовал за ним.

Пока Вулф шествовал мимо красного кожаного кресла, Джетт сказал:

— Я ведь предупредил, что у меня срочное дело. Вы довольно невежливы, не так ли?

— В меру. — Вулф устроился поудобнее в кресле и посмотрел на Джетта. — Срочное дело, сэр, если и есть, то у вас, а не у меня. Я тут при чем?

— Очень даже при чем. — Глубоко посаженные мечтательные глаза обратились ко мне. — Вас зовут Гудвин? Арчи Гудвин? — (Я сказал «да».) — Вчера вы дали показания полиции по поводу вашего разговора с Бертой Аарон, а копию показали нашему старшему партнеру Ламонту Отису.

— Неужели? — вежливо произнес я. — Я тут просто сотрудник. Я делаю только то, что велит мистер Вулф. Спросите у него.

— Я не спрашиваю, я констатирую. — Он повернулся к Вулфу. — Я хочу увидеть эти показания. Мистер Отис — старый человек, у него слабое сердце. Он испытал настоящее потрясение, когда,

узнав о трагической гибели своего секретаря, убитой здесь, в вашем кабинете, при обстоятельствах, которые, насколько мне известно, трудно поставить в заслугу и вам, и Гудвину. Вы не могли не видеть, что он потрясен, как и то, что он стар. Знакомить его с этими показаниями — безответственный поступок, достойный порицания. Как его коллега, его партнер, я хочу знать, что там.

Вулф откинулся к спинке кресла и опустил голову:

— Н-да… Нахальство против нахальства. Раз уж вы так неустрашимы, придется надеть нагрудник. Я отвергаю ваше заявление о существовании подобного документа. Дальше что?

— Чепуха! Я знаю, что он существует.

— Чем докажете? — Вулф помахал пальцем. — Мистер Джетт, это нелепо. Кто-то рассказал вам про показания, иначе нужно быть полным идиотом, чтобы явиться сюда и кричать на меня. Кто рассказал и когда?

— Человек, которому я полностью доверяю.

— Лично мистер Отис?

— Нет.

— Как ее зовут?

Джетт прикусил нижнюю губу. Пожевав ее немного, он принялся за верхнюю. У него были

хорошие белые зубы.

— Вероятно, вы тоже испытали некое потрясение, — сказал Вулф, — если решили, будто можете требовать подобные вещи, не раскрывая источника. Ее зовут Энн Пейдж?

— Имя я могу вам назвать только конфиденциально.

— Нет. Как предоставленные на мое усмотрение личные, не конфиденциальные сведения. Я по-прежнему отрицаю существование показаний.

— Черт возьми! — Джетт хлопнул по подлокотнику. — Она пришла с ним вместе! Она сама видела, как Гудвин дал ему показания! Видела, как он читал!

— Так-то лучше, — кивнул Вулф. — Когда мисс Пейдж рассказала вам об этом? Утром?

— Нет. Ночью. Она мне позвонила.

— В котором часу?

— Около двенадцати. Немногим позже.

— Она ушла отсюда вместе с мистером Отисом?

— Черт возьми, вы прекрасно знаете, что нет! Она выбралась через окно.

— И немедленно позвонила вам. — Вулф выпрямился. — Если вы хотите доверить мне личную информацию, то должны обосновать причину.

Тогда я, возможно, скажу, о чем идет речь в показаниях мистера Гудвина, а возможно, и нет. Я не принимаю вашего объяснения, будто вы пришли, руководствуясь заботой о мистере Отисе. Вы должны объяснить не только свое беспокойство, но и тот факт, что мисс Пейдж сбежала через окно. Вы…

— Она не сбежала! Просто Гудвин ее запер!

— Он отпер бы дверь по первому требованию. Вы сказали, у вас срочное дело. Какое, к кому? Вы испытываете мое терпение. Вы опытный юрист и не можете не понимать, что не стоит кормить меня ерундой.

Джетт посмотрел на меня. Я выдвинул подбородок и стиснул губы, показывая, что ерунда и мне неинтересна. Он повернулся к Вулфу:

— Хорошо. Если другого выхода нет, я сообщу вам личную информацию, полагаясь на ваше благоразумие. Когда Отис велел мисс Пейдж уйти, она заподозрила, что мисс Аарон что-то рассказала Гудвину обо мне. Подумала…

— Почему о вас? Не было и намека на это.

— Потому что он сказал ей: «В этом вопросе вы мне не поможете. Вам нужно уйти». Она подумала, будто он знает, что не может доверять ей в том, что касается меня. Это и в самом деле так…

Надеюсь, что так. Мы с мисс Пейдж помолвлены. Мы не объявляли о помолвке, но, вероятно, наш взаимный интерес друг к другу не является секретом, поскольку мы не делали из него секрета. Ко всему прочему, мисс Пейдж считает, что мисс Аарон могла знать или, по крайней мере, подозревать об одном… э-э-э… эпизоде, который имеет ко мне отношение. Эпизоде, который мистер Отис безусловно осудил бы. Вы сказали, что мне следует объяснить и мое беспокойство о мистере Отисе, и побег мисс Пейдж через окно. Это и есть объяснение.

— Что это за эпизод?

— Не скажу даже конфиденциально, — покачал Джетт головой.

— Его характер?

— Абсолютно личный.

— Касался ли он каким-нибудь образом интересов вашей компании или партнеров?

— Нет. Сугубо личное дело.

— Затрагивал ли он вашу профессиональную репутацию или лояльность?

— Нет.

— Была ли в нем замешана женщина?

— Да.

— Как ее зовут?

Джетт снова покачал головой:

— Я не подлец, мистер Вулф.

— Была ли это миссис Мортон Сорелл?

Джетт разинул рот и три вдоха-выдоха сделал с отвисшей челюстью. Потом снова обрел дар речи:

— Вот, значит, как. Мисс Пейдж права. Я хочу… Я требую, чтобы вы дали мне прочесть эти показания.

— Не сейчас, сэр. Возможно, позже. Так вы утверждаете, что эпизод с миссис Сорелл никаким образом не касался ни интересов вашей компании, ни вашей профессиональной репутации?

— Конечно. Это исключительно личная история, причем короткая.

— Когда она случилась?

— Примерно год назад.

— Когда вы в последний раз виделись с миссис Сорелл?

— Примерно месяц назад, на вечеринке. Мы не разговаривали.

— Когда вы в последний раз встречались один на один?

— Почти год назад.

— Но вас до сих пор всерьез беспокоит, чтобы

об этом не узнал мистер Отис?

— Естественно. Мистер Сорелл — наш клиент, а его жена сейчас является противной стороной в одном важном деле. Мистер Отис мог бы подумать, будто тот эпизод не был случайным. Он не сказал мне ни слова о показаниях, а я не могу спросить прямо, так как он велел мисс Пейдж никому о них не рассказывать, а она промолчала о том, что уже мне рассказала. Мне нужно их видеть. Я имею право!

— Не начинайте сначала. — Вулф, устроив локти на подлокотниках, сцепил пальцы. — Я вот что вам скажу: в показаниях мистера Гудвина нет ни одного слова, которое явно или косвенно говорило бы про ваш эпизод. Так что можете выбросить из головы. Кроме того…

Раздался звонок в дверь.

Глава 5

Я ошибся на их счет. Когда я увидел их через одностороннюю стеклянную панель, то сообразил, кто они, но перепутал этикетки. Я решил, что высокий, широкоплечий, в темно-синем, сшитом на заказ пальто честерфилде и мягкой фетровой шляпе, — это Эдей, пятидесяти пяти лет от роду; тот, что пониже, плотный, в коричневом пальто с поясом, — Хайдекер, сорока семи лет. Но, когда я открыл дверь и Честерфилд сказал, что им нужно увидеть Ниро Вулфа, а я спросил, кто они такие, он ответил:

— Этого джентльмена зовут Фрэнк Эдей, а я Майлз Хайдекер. Мы…

— Я знаю, кто вы. Входите.

Поскольку внимание положено уделять старшим, я помог Эдею снять пальто и повесил его на вешалку, а Хайдекер сам снял свой честерфилд, после чего я отвел их в гостиную и предложил сесть. Если бы я открыл смежную дверь, то в гостиной услышали бы голос Джетта, и как бы он после этого стал доверять Вулфу? Потому я прошел в кабинет через прихожую, а там подошел к своему столу, написал в блокноте «Эдей

и Хайдекер», вырвал этот листок и отдал Вулфу. Вулф взглянул на записку, потом на Джетта:

— Мы зашли в тупик. Вы не желаете отвечать на дальнейшие вопросы, пока я не расскажу, о чем идет речь в показаниях мистера Гудвина, а я не намерен ничего рассказывать. Пришли мистер Эдей и мистер Хайдекер. Вы останетесь или уйдете?

— Эдей? — Джетт поднялся. — Хайдекер? Пришли сюда?

— Да, сэр. Незваные и негаданные. Если хотите, можете незаметно уйти.

Он явно хотел лишь увидеть мои показания. Не хотел уходить и остаться тоже не хотел. Когда стало понятно, что сделать выбор ему не под силу, Вулф принял решение сам. Он кивком показал мне на смежную дверь, и я пошел, открыл ее и пригласил войти новых гостей. Потом отступил в сторону и смотрел, как они удивились при виде Джетта, как представлялись Вулфу, какие бросали взгляды. Я так до конца и не смог расстаться с мыслью, что если рядом с тобой стоят три человека и ты точно знаешь, что один из них убийца, особенно если убийство он совершил в этой самой комнате меньше суток назад, то это в чем-то проявится, нужно лишь внимательно

смотреть. По опыту я знал, что все это чушь, и если ты заметишь что-то, что будто бы указывает на кого-то, то, скорее всего, не на того, и все же я не мог от нее отмахнуться. Я был так занят своими наблюдениями, что подошел к своему столу и сел, только когда Джетт снова опустился в красное кожаное кресло, а его партнеры — в два желтых к Вулфу лицом, и Хайдекер, высокий и широкоплечий человек, заговорил первым.

Смотрел он при этом на Джетта.

— Мы сюда пришли, — произнес он, — чтобы получить информацию, как, наверное, и ты, Грег. Разве что в офисе окружного прокурора ты узнал больше, чем мы.

— Черт, я там мало что узнал! — отозвался Джетт. — Я даже не смог найти Хоуи, с которым вместе учился. Мне не ответили ни на один вопрос, только спрашивали. На какие-то я не ответил, а им и не следовало задавать вопросы о наших клиентах. На правомерные, конечно, ответил: какие у меня были отношения с Бертой Аарон, где я находился вчера. И не только я. Не видел ли я, как кто-то долго разговаривал с Бертой, не ушел ли вместе с ней или вскоре после нее. Они явно думают, что убийца кто-то из нашей компании, хотя не объяснили почему. По

крайней мере, не объяснили мне.

— Мне тоже, — отозвался Эдей; плотный, небольшого роста, он говорил высоким голосом, который очень ему подходил.

— Мне тоже, — сообщил Хайдекер. — Что тебе сказал Вулф?

— Немного. Я пришел недавно. — Джетт посмотрел на Вулфа.

Вулф прокашлялся:

— Полагаю, джентльмены, вы явились с той же целью, что и мистер Джетт. Он хотел бы получить любую информацию, которая могла бы прояснить то, что случилось, а в особенности причину, почему мисс Аарон обратилась ко мне. Он считает, что…

Хайдекер перебил:

— Вот именно. Зачем она приходила?

— Прошу прощения. Он считает, что, принимая во внимание все обстоятельства, ее, скорее всего, убили, опасаясь разоблачения, и это вполне правдоподобно. Но, разумеется, с вами об этом говорили и в полиции, и в офисе окружного прокурора. Разве вам не сообщили, что мы не встретились?

— Нет, — ответил Эдей. — Мне ничего не сказали.

— Мне тоже, — сказал Хайдекер.

— В таком случае скажу я. Она пришла без предварительной договоренности. Мистер Гудвин открыл ей дверь. Она хотела встретиться со мной, чтобы обсудить важный конфиденциальный вопрос. Я был у себя, и мистер Гудвин поднялся ко мне доложить о ее визите. Мы не сразу решили, как поступить, а когда спустились, ее тело лежало вот здесь. — Он указал на место возле ног Хайдекера. — Так что и я не знаю, зачем она приходила, поскольку не видел ее живой.

— Тогда я ничего не понимаю, — заявил Эдей; человек блестящих идей включил мозги. — Если она ничего вам не рассказала, то вы ничего не могли сообщить полиции или окружному прокурору. Но раз причина неизвестна, то почему же они думают, будто ее убил кто-то из наших сотрудников? Допускаю, что они могли узнать это от кого-нибудь другого, но каким образом его так быстро нашли? Меня вызвали утром, в семь часов. А из их вопросов я делаю вывод: они считают это не просто версией, полиция уверена, что это так.

— Безусловно, — согласился Хайдекер. — Мистер Гудвин, вы ее впустили. Она пришла одна? — Он блестяще умел вести перекрестный допрос.

— Да. — Я не добавил «сэр», поскольку мы были все-таки не в суде.

— Никого не заметили поблизости? На тротуаре?

— Никого. Уже стемнело, конечно. Она пришла в пять двадцать. Заход солнца пятого января был в четыре сорок шесть. — Черт возьми, он даже не собирался меня ловить!

— Вы проводили ее в эту комнату?

— Да.

— Могли вы оставить наружную дверь незапертой?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да. Если у меня и есть привычка, доведенная до автоматизма, то это запирать входную дверь и проверять, хорошо ли она заперта.

— Автоматизм — опасная вещь, мистер Гудвин. Иногда он подводит. Когда вы привели ее в эту комнату, вы сели?

— Да.

— Куда?

— Туда же, где сижу сейчас.

— А она?

— В кресло рядом с вашим. Фута на три ближе ко мне.

— Что же она сказала?

— Что хочет поговорить с Ниро Вулфом по важному срочному делу… Нет, это она сказала в дверях. Тут она сказала, что дело у нее в высшей степени конфиденциальное.

— Она так и сказала: дело?

— Да.

— Что еще?

— Что ее зовут Берта Аарон, что она личный секретарь мистера Ламонта Отиса, а он старший партнер юридической конторы «Отис, Эдей, Хайдекер и Джетт».

— Что еще?

Я, конечно же, с самого начала знал, что в какой-то момент придется солгать, а тут решил, что время пришло.

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— Вы доверенное лицо Ниро Вулфа. Он был занят другими делами. Неужели вы думаете, я поверю, будто вы не настояли на том, чтобы узнать, что у нее за дело, прежде чем идти к нему с докладом?

Зазвонил телефон.

— Не думаю. Как хотите, — ответил я, повернул-

ся, снял трубку и сказал: — Кабинет Ниро Вулфа, говорит Арчи Гудвин.

Голос я узнал сразу.

— Мистер Гудвин, это Рита Сорелл. Я решила…

— Не отключайтесь, пожалуйста. Одну секунду. — Я прикрыл трубку ладонью и сообщил Вулфу: — Это та самая женщина, которой вы послали открытку. Которая назвала меня красавчиком. — Он потянулся к своему аппарату и взял трубку, а я продолжил разговор. — Ладно. Так что вы решили?

— Решила, что лучше рассказать вам то, о чем вы меня сегодня спрашивали. Решила, что вы для меня слишком умны, не говоря о том, о чем вы написали в записке, ведь вы ради этого и пришли. Когда вы сказали, будто все выдумали, сочинили, чтобы вызвать мое любопытство, вы ведь не ждали, что я поверю. Вы умны. Нет смысла скрывать, раз уж вы все знаете. Да, вечером на прошлой неделе я ужинала в небольшом ресторане с одним человеком.

— В понедельник.

— Совершенно верно. А вы хотите знать, кто это был. Не так ли?

— Да, это могло бы нам помочь.

— Я и хочу помочь. Вы красавчик. Это был Гре-

гори Джетт.

— Премного благодарен. Если вы хотите помочь...

Она положила трубку.

Глава 6

Я тоже положил трубку и крутнулся в своем кресле к Вулфу. Вулф отодвинул телефон к краю стола и произнес:

— Черт возьми, до чего же она неприятная!

— Да, сэр.

— Видимо, придется потерпеть.

— Да, сэр. Или пристрелить.

— Этого не хотелось бы. — Вулф встал. — Джентльмены, вынужден извиниться и вас оставить. Идем, Арчи.

Он направился к двери, и я последовал за ним. В прихожей он свернул налево, толкнул распашную дверь в кухню.

Фриц сидел за большим столом и резал лук. Дверь за нами закрылась.

Вулф повернул ко мне голову:

— Ладно. Ты с ней уже знаком. Видел ее и беседовал. Что скажешь?

— Придется бросить монетку. Даже несколько. Вы вот Джетта видели и с ним беседовали. Может, она просто хотела выяснить, известно ли уже нам, кто с ней был, и если да, то она его и назвала бы… хотя могла бы и не назвать. А может,

решила его слить. Подумала, что это Джетт убил Берту Аарон, и либо она за справедливость любой ценой, либо испугалась, что Джетт проговорится — и прощай комфортная жизнь. Я выбрал бы последнюю версию. Или это мог быть вовсе не Джетт, а Эдей или Хайдекер, а она хочет Джетта подставить, потому что злится из-за той истории. Если не сработает, если мы уже знаем, что это был Эдей или Хайдекер, то и наплевать. Сказать что-то в телефонном разговоре — это не в суде под присягой. Можно вообще отрицать, что она мне звонила. Или…

— Хватит пока. Что бы ты выбрал?

— Ничего, сэр. Я уже говорил, что это необыкновенная женщина.

Он хрюкнул. Потянулся за ломтиком лука, положил в рот, пожевал. Прожевав, спросил у Фрица:

— «Эбенезер»?

— Нет, элитный, — ответил Фриц.

Вулф повернулся ко мне:

— Как бы то ни было, лед тронулся. Даже если она просто пытается сбить нас с толку, невозможно не допустить, что она поговорила с ним или поговорит в скором времени.

— Вряд ли она успела бы, разве что он сам позвонил. Все трое всё утро проторчали в офисе

окружного прокурора.

— Тогда скажем сначала ему, — кивнул Вулф. — Придется тебе покаяться.

— Ладно. Что придержим?

— Думаю, ничего. Изложишь суть, а дальше посмотрим.

Он направился к двери. В прихожей мы слышали, как в кабинете что-то говорил своим тенором Эдей, но при нашем появлении замолчал. Когда я обходил Хайдекера, он выставил вперед ногу. Может быть, вовсе и не для того, чтобы я запнулся, а просто устал сидеть и поменял положение.

Вулф устроился в своем кресле и начал:

— Джентльмены, мы с мистером Гудвином решили, что вы имеете право знать всё. Звонила миссис Мортон Сорелл. То, что она сообщила, убедило нас в…

— Вы сказали: Сорелл? — переспросил Хайдекер.

Глаза у него округлились, у Эдея тоже. Джетт, по-видимому, не умел этого делать.

— Именно. Арчи?

Я выбрал Хайдекера.

— Позвони она секунд на двадцать раньше, — начал я, — мне не пришлось бы зря расходовать ложь. Конечно, прежде чем подняться с докладом

к мистеру Вулфу, я выяснил, зачем приехала Берта Аарон. И она сказала, как случайно увидела одного из партнеров фирмы, когда он беседовал в дешевом ресторанчике с миссис Мортон Сорелл. Мисс Аарон сказала также, что всю неделю ломала голову над тем, как ей быть с этой информацией, а вчера потребовала у него объяснений, а так как не получила их, то поняла, что он действует против интересов компании. Она не поставила в известность мистера Отиса, поскольку у него слабое сердце, а других партнеров — поскольку они могли действовать заодно. Потому она решила обратиться к Ниро Вулфу.

Насчет Джетта я ошибся. Теперь и он тоже сидел, вытаращив глаза. И первым обрел дар речи:

— Быть не может. Не верю!

— Я тоже, — произнес Хайдекер.

— Я тоже, — пискнул Эдей.

— Вы хотите сказать, — начал Хайдекер, — что Берта Аарон явилась к постороннему человеку с информацией, которая, в случае огласки, способна нанести компании серьезный ущерб?

— Достаточно перекрестных допросов, мистер Хайдекер, — вмешался Вулф. — Я позволил вам это раньше, но достаточно. Если возникнут вопросы, которые следует задать, я задам их сам.

Что же касается достоверности слов мистера Гудвина, он дал письменные показания в полиции, и он далеко не дурак. Кроме того…

— В полиции? — пискнул Эдей. — Господи!

— Быть не может, — сказал Джетт.

Вулф их проигнорировал:

— Кроме того, вчера, когда пришел мистер Отис, я дал прочесть ему копию показаний. Он согласился не разглашать их до десяти утра завтрашнего дня, с тем чтобы дать мне время разработать план действий, который строится на вполне разумной гипотезе, что мисс Аарон убил тот, кого она обвинила в предательстве, — в этом я согласен с полицией. Очевидно, полиция не сочла нужным сообщать вам их содержание. Я и тут был с ними согласен и молчал вплоть до этого момента, но теперь миссис Сорелл назвала имя того, с кем она встречалась. Только что — по телефону. С ней встречался один из вас.

— Не может быть! — воскликнул Эдей. — Кошмар какой-то!

Хайдекер рявкнул:

— Вы посмели предположить…

— Нет, мистер Хайдекер, — Вулф положил ладонь на стол, — меня допрашивать вы не будете. Я сам решу, какую информацию вам предоставить.

Речь не о предположениях, я сообщаю о фактах. Я не стал вам говорить, что мисс Аарон не назвала имени того, кого увидела с миссис Сорелл. Его сейчас назвала миссис Сорелл, хотя я не уверен в правдивости ее слов. Мистер Гудвин встретился с ней утром, и ему показалось, что она способна на коварство. Я не собираюсь вам докладывать, чье имя она назвала, пусть он понервничает.

Занервничали они все. Они бросали друг на друга взгляды, в которых читалось отнюдь не дружеское сочувствие. В такой момент можно было бы ожидать, что идея, о которой я говорил выше, наконец сработает, но не тут-то было. У двоих из них в самом деле были все основания подозрительно смотреть на своих партнеров, а третий лишь притворялся, но мне он оказался не по зубам. Не только мне, но и Вулфу, который тоже изучал их лица сузившимися глазами.

— Сам собой напрашивается вывод, — продолжил он, — вчера после разговора с мисс Аарон он — вернее, один из вас — проследил за ней, увидел, как мисс Аарон вошла в этот дом, и встревожился окончательно. Нашел телефонную будку, позвонил по этому номеру. Поскольку мистер Гудвин поднялся наверх, она сама сняла трубку и согласилась его выслушать. Если вы…

— Она оказалась одна по чистой случайности, — вставил Эдей, генератор блестящих идей.

— Пф! Я не только не буду отвечать на ваши вопросы, мистер Эдей, я также не намерен обсуждать детали. Сами себе их объясняйте — вы же опытный адвокат. Еще раз обращаюсь к одному из вас: если бы вас можно было вычислить, проверив, где вы были вчера, то полиция это уже сделала бы и вас арестовали бы. Каждое слово, сказанное вами и всеми сотрудниками компании, проверяет целая армия людей, знающих свое дело. Но, поскольку они не сообщили вам всем информацию из показаний мистера Гудвина, я делаю вывод, что они не задавали пока вопросов о вечере прошлого понедельника. Кто где был восемь дней назад. Я не ошибся?

— Зачем это выяснять? — поинтересовался Джетт.

— Затем, что именно в прошлый понедельник мисс Аарон увидела одного из партнеров в кабинке вместе с миссис Сорелл. Я намерен кое-что сейчас выяснить, но сначала хочу сообщить о вчерашнем соглашении, к которому мы пришли с мистером Отисом. В обмен на полученную от него информацию я дал обещание, раскрыв преступление, свести, насколько это возможно, к

минимуму ущерб, нанесенный репутации компании. Для вас, думаю, очевидно, что чем раньше я это сделаю, тем лучше для компании. Итак, мистер Джетт. Как вы провели вечер понедельника, двадцать девятого декабря, начиная, скажем, с шести и до полуночи?

В глазах Джетта, по-прежнему глубоко посаженных, от мечтательности не осталось и следа. Взгляд их не отрывался от Вулфа с того самого момента, когда я покаялся во лжи, и в лице его не дрогнул ни один мускул.

Он ответил так:

— Если вы нас не разыгрываете и все это правда, включая телефонный звонок от миссис Сорелл, ущерб компании уже нанесен, и тут ничего не исправить. Вам это не под силу, и никому не под силу.

— Но попытаться можно. И я намерен это сделать.

— Каким образом?

— Посмотрим по обстоятельствам.

Тут вмешался Хайдекер:

— Говорите, мистер Отис все знает? Он вчера сюда приезжал?

— Да. Я не попугай, а вы не глухой. Итак, мистер Джетт? Где вы были вечером в прошлый

понедельник?

— В театре с подругой.

— Как зовут подругу?

— Мисс Энн Пейдж.

— В каком театре?

— Университета Дрю. Пьеса была «Практика приводит к совершенству». Мы с мисс Пейдж ушли с работы вместе в самом начале седьмого, пообедали в «Рустермане». Весь вечер провели вдвоем.

— Спасибо. Мистер Эдей?

— В понедельник накануне Нового года, — ответил Эдей, — я вернулся домой, еще не было шести, пообедал и весь вечер был дома.

— Один?

— Нет. К нам на Новый год на неделю приехал сын с женой и двумя детьми. Сын с женой, а также мои жена и дочь ушли в оперу, а я остался с детьми.

— Сколько лет детям?

— Два и четыре.

— Где вы живете?

— У нас апартаменты на углу Парк-авеню и Шестьдесят девятой.

— Вы куда-нибудь выходили?

— Нет.

— Спасибо. Мистер Хайдекер?

— Я ездил в Шахматный клуб Манхэттена смотреть турнир. Бобби Фишер на пятьдесят восьмом ходу выиграл отложенную партию с Вайнштейном. Ларри Эванс сыграл вничью с Кайме, а Решевский с Меднисом.

— Где находится Шахматный клуб Манхэттена?

— На Западной Шестьдесят четвертой.

— Турнир начался в шесть?

— Нет конечно. День я провел в суде, после заехал в офис. Перекусил сэндвичами в компании с секретаршей.

— В котором часу вы оттуда ушли?

— Около восьми. Секретарша наверняка помнит.

— Во сколько вы приехали в Шахматный клуб?

— Минут через пятнадцать-двадцать. — Хайдекер вдруг поднялся. — Это просто смешно, — объявил он. — У вас есть, наверное, на то причины, Вулф, но мне они неизвестны. Если вы правы, то да поможет нам Бог. — Он повернулся. — Я хочу побеседовать с Отисом. Ты идешь, Фрэнк?

Фрэнк кивнул. У человека, всегда полного блестящих идей, сейчас, судя по выражению лица, не было никаких. Партнера стоимостью в один-

надцать процентов они с собой не позвали, и он, похоже, не стремился присоединиться, но, когда в прихожей я потянулся за пальто ольстер Эдея, откуда ни возьмись появился Джетт, а когда я отпер дверь, он вышел первым. Я постоял на крыльце, чтобы глотнуть свежего воздуха, а потому видел, как они идут по Девятой авеню одной шеренгой, будто бы дружной, единой командой.

В кабинете Вулф сидел, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза. Не успел я сесть в свое кресло, как зазвонил телефон. Звонил Сол Пензер — доложить, что миссис Сорелл не выходила из номера. Я велел ему не отключаться, передал его слова Вулфу и спросил, не поручить ли им проверку алиби всей троицы.

— Пф! — сказал Вулф, и я велел Солу продолжать наблюдение.

— Я боялся, — начал я, — что от отчаяния вы решите поручить Солу проверку алиби. Насколько все по-разному раскрывают дела. Способ зависит от того, кто вы. Если просто первоклассный сыщик, как, например, я, то ты способен всего лишь искать. Тогда, пока не проверишь алиби, есть не станешь. Ходишь, спрашиваешь: где вы были в восемь часов одиннадцать минут, записываешь в блокнот… подметки сотрешь, пока найдешь того,

кто скажет что-то не то. Но если ты гений, то к черту алиби! Спрашиваешь, где вы были, только чтобы поддержать разговор, а сам ждешь, пока в мозгах что-то щелкнет. Вы даже не слушаете…

— Вздор! — буркнул он. — У них нет алиби.

Я молча кивнул:

— Вы не слушали.

— Я тебя слушал. Алиби у них ничего не стоят. Один провел вечер с невестой, другой ездил смотреть шахматный турнир, третий просидел дома с маленькими детьми, которые легли спать. Пф! Спросил я у них об этом в надежде, что у кого-то… может быть, даже у двоих… алиби есть, и дело прояснится, но не вышло. Под подозрением по-прежнему все трое.

— Тогда остается надеяться лишь на ваш гений. Разве что у вас вдруг мелькнет идея насчет того, что бы еще написать миссис Сорелл. К ней я бы съездил. Мне понравилось ее слушать.

— Не сомневаюсь. Мог бы ты от нее чего-нибудь добиться?

— Мог бы попытаться. Например, изменить решение и дать письменные показания. Или, если она все же надумала нанять вас, я привез бы ее сюда, а дальше вы сами. У нее потрясающие ресницы.

— Возможно, до этого и дойдет, — хмыкнул он. — После ланча обсудим. Может быть, когда они встретятся с мистером Отисом… Да, Фриц?

— Ланч готов, сэр.

Глава 7

Я так и не проверил их алиби, хотя я тут ни при чем. При чем был инспектор Кремер.

Поскольку за столом Вулф не желает утруждать ни язык, ни мозги, отвлекаясь на дела, а расследование убийства — все же дело, даже если вести его без клиента и бесплатно, за время ланча мы никуда не продвинулись, но, когда вернулись в кабинет, Вулф, устроившись в кресле поудобнее, попытался придумать, чем бы меня занять. Проблема в этом деле заключалась в том, что все было слишком просто. Мы знали, где и как совершено убийство и что убийца — это один из троих. Да, но кто? Раз, два, три, убийцей будешь ты? Даже мотив был очевиден. Миссис Сорелл подцепила его на крючок, предложив либо хороший процент от тридцати миллионов, которые перепали бы ей в случае победы, либо что-то более личное. Какую тут ни придумаешь версию, ею уже занимались полицейские, нам осталась только миссис Сорелл, но даже если я снова к ней попаду, мне будет нечем ее заинтересовать. Тут требовалась хорошая порция гениальности Вулфа, но она, похоже, взяла выходной. Сидя

в кабинете после ланча, я, возможно, немного злоупотребил своим близким к нему расположением, иначе он не рассердился бы и не рявкнул, чтобы я катился проверять алиби.

— Вот и отлично, — сказал я и пошел за шляпой и пальто в прихожую, а там увидел на крыльце довольно знакомые фигуры. Я открыл дверь ровно в тот момент, когда Кремер нажал на кнопку звонка, и спросил у него: — Вам назначено?

— У меня в кармане ордер на твой арест как важного свидетеля. И второй для Вулфа. Я вас предупреждал.

Из его слов я сделал два вывода. Во-первых, он не собирался с ходу начинать пальбу. Если бы он и в самом деле хотел нас арестовать, то прислал бы детективов, а не явился бы сам в сопровождении сержанта Пэрли Стеббинса. Во-вторых, это была хорошая возможность преподать Вулфу урок. Парочка прицельных, не совсем вежливых замечаний разозлит Кремера достаточно, чтобы он употребил власть, а Вулф, проведя под стражей часок-другой, а может быть, и всю ночь, наверное, избавится от привычки оставлять галстуки где попало. Но в таком случае мне придется отправиться вместе с ним туда же, а это несправедливо, и потому я вернулся в кабинет, предоставив Пэр-

ли честь запереть дверь вместо меня, и доложил:

— Кремер и Стеббинс с двумя ордерами. Инспектор — за вами, сержант — за мной. Я польщен.

Вулф посмотрел на меня свирепо, а когда они вошли следом, перевел этот свой ласковый взгляд на них.

— Я вчера вас предупреждал.

Кремер положил пальто на подлокотник красного кожаного кресла и сел.

— Глупости! — фыркнул Вулф.

Кремер достал из кармана бумаги:

— Я прибегну к ним, если вы меня вынудите. Если вас арестовать, я знаю, что будет: вы откажетесь говорить, Гудвин тоже, а как только появится Паркер, вас выпустят под залог. Но запись на вас останется, и с этим вы ничего не сделаете. Задержание как важного свидетеля — одно дело, но арест за препятствие правосудию — совсем другое. Мы не разглашали содержание показаний Гудвина в интересах следствия, и вы прекрасно об этом знали, но взяли и раскрыли. И кому? Подозреваемым. Мы узнали от Фрэнка Эдея. Он позвонил помощнику окружного прокурора.

Снова он, человек блестящих идей.

— Осел, — объявил Вулф.

— Ну да. Поскольку вы с ними беседовали кон-

фиденциально.

— Нет. У них нет обязательств передо мной, как и у меня перед ними. Но я ясно сказал им: если найду убийцу раньше, чем вы, то сделаю все возможное, чтобы защитить их контору. Если мистер Эдей невиновен, то в его интересах было, чтобы вы меня не опередили. Если виновен, тем хуже для него.

— Кто ваш клиент? Отис?

— У меня нет клиента. Я намерен наказать преступника за оскорбление, которое он нанес моему чувству собственного достоинства. Ваша угроза задержать меня будто бы за препятствование правосудию — пустое ребячество. Я не вмешиваюсь в ваши дела, они меня не касаются. Я не смогу избежать постыдной сцены, когда мой галстук будет предъявлен в зале суда как вещественное доказательство обвинения. Может быть, мне даже придется пережить унизительный вызов на свидетельское место, чтобы его опознать, но я хочу компенсировать это, разоблачив негодяя, который им воспользовался. Рассказав мистеру Отису и его партнерам о том, что мисс Аарон сообщила мистеру Гудвину, раскрыв характер той катастрофы, которая грозит их компании, я действовал в своих легитимных личных интере-

сах и не нарушил никакого закона.

— Вы прекрасно знали, что мы скрываем от них эту информацию!

Вулф приподнял плечи на одну восьмую дюйма:

— Я не обязан следовать вашей тактике ни по закону, ни исходя из практики. Мы с вами не адвокаты. Поинтересуйтесь у окружного прокурора, предъявит ли он мне обвинение на таком основании. — Он поднял вверх ладонь. — Мистер Кремер, это бессмысленно. Есть ли у вас ордер на мой арест как важного свидетеля?

— Да. И второй для Гудвина.

— Однако вы не хотите ими воспользоваться по той причине, которую сами же и назвали, и потому размахиваете ими, как дубинкой. С какой целью? Зачем вы пришли?

Сержант Пэрли Стеббинс, который остался стоять за спиной у Кремера, рыкнул басом. Есть одна вещь, которая порадовала бы Пэрли больше, чем засадить за решетку Вулфа или меня, — это засадить туда нас обоих. Вулф, пристегнутый к нему наручником, и я, пристегнутый к Вулфу, — вот его идеал. Рычание же свидетельствовало о том, что Пэрли разочарован, так что, когда он пошел к креслу и сел, я сочувственно ему улыбнулся.

— Мне нужна правда, — заявил Кремер.

— Пф! — фыркнул Вулф.

Кремер кивнул:

— Вот именно: пф! Если верить показаниям Гудвина, если он там ничего не добавил от себя и ничего не упустил, то Берту Аарон убил один из этих троих — Эдей, Хайдекер или Джетт. Объяснения не нужны. Согласны?

— Да.

— Но если присяжные будут руководствоваться показаниями Гудвина, то добиться признания обвинительного приговора будет невозможно. Она пришла к вам в семнадцать двадцать. Он говорил с ней в этой самой комнате девятнадцать минут и в семнадцать тридцать девять поднялся к вам в оранжерею. В восемнадцать десять вернулся и обнаружил тело. Теперь о них. Кто из них вчера с ней беседовал, кто пошел следом за ней, или непосредственно перед ней, или вместе с ней, выяснить невозможно. Мы до сих пор этого не знаем, и сомневаюсь, что узнаем. У каждого свой кабинет, секретарши сидят в соседних комнатах. Мы, разумеется, проверяем передвижения, телефонные звонки и другие детали, но вряд ли это чем-то закончится. Бумагу, Пэрли.

Стеббинс достал из кармана листок бумаги,

протянул Кремеру, и тот бегло его просмотрел.

— На семнадцать тридцать у них было назначено совещание по вопросу, не связанному с Сореллом, в кабинете у Фрэнка Эдея. Эдей уже находился там, когда в семнадцать двадцать девять вошел Джетт. Они находились там вдвоем, когда в семнадцать сорок пять пришел Хайдекер. Хайдекер объяснил опоздание тем, что ездил по делу, которое заняло больше времени, чем он рассчитывал. Втроем они совещались до восемнадцати тридцати пяти. Таким образом, даже если вычеркнуть Эдея и Джетта и оставить Хайдекера, что это дает? Гудвин утверждает, в семнадцать тридцать девять, когда он уходил, она была жива. Они говорят, Хайдекер приехал на совещание в семнадцать сорок пять. Шесть минут на то, чтобы проследить за ней до этого дома, позвонить, дойти от телефонной будки до двери, войти, убить и успеть на совещание в офисе, до которого больше мили. Именно пф! Никто из них не мог убить ее после совещания. Тут не нужно верить Гудвину на слово. Он позвонил в полицию в восемнадцать тридцать одну, а совещание закончилось в восемнадцать тридцать пять. Как вам это нравится?

Вулф хмуро на него смотрел:

— Никак. По какому делу ездил Хайдекер?

— Он объехал три театра в поисках билетов. Можно было бы подумать, что с его доходами он покупает билеты через агентство, но он скуповат. Мы проверили. Так и есть. В агентствах его не знают.

— Ни Эдей, ни Джетт никуда не выходили между шестнадцатью тридцатью и семнадцатью тридцатью?

— Неизвестно. Они говорят, что нет, никто не сказал обратного, хотя вопрос остается открытым. Но какая разница, если даже в отношении Хайдекера получается ерунда?

— Никакой. И конечно же, никто не мог нанять какого-нибудь головореза?

— Конечно нет. Головорез убил бы не здесь, в вашем кабинете, и не вашим галстуком. Чушь! Тут можно выбрать одно из трех. Первое. — Кремер поднял палец. — Они солгали. Совещание началось не в семнадцать тридцать, и /или Хайдекер приехал не в семнадцать сорок пять. Второе. — Он поднял второй палец. — Берта Аарон назвала «партнером» просто кого-то из адвокатов, кто у них работает. Их девятнадцать. Если Гудвин в своих показаниях ничего не упустил, то в этом я сомневаюсь. Третье. — Еще один палец. — Показания Гудвина *лживы*. Она ска-

зала не «партнер»… Бог знает, что она сказала. Возможно, там все не так. Признаю, доказать это невозможно. Она мертва, и Гудвин в любом случае может утверждать, что она сказала именно это. Выбирайте сами.

— Последнее ваше предположение я категорически отвергаю! — фыркнул Вулф. — Если допустить, что мистер Гудвин способен на такую чудовищную ложь, я стал бы соучастником, поскольку он сообщил мне о сути их разговора до гибели мисс Аарон или в момент гибели. Я отвергаю также второе. Вам известно, что вчера я беседовал с мистером Отисом. Он твердо уверен, что мисс Аарон могла назвать партнером только того, кто является им на самом деле.

— Послушайте, Вулф, признайтесь, вы решили раскрыть дело раньше нас, потому что хотите славы.

— Не славы. Компенсации.

— Ладно. Это я понимаю. Могу себе представить, что вы почувствовали, когда увидели ее на полу с вашим галстуком на шее. Я знаю, как быстро работает ваш мозг, когда его вынудят. Вы в два счета сообразили, что слова Гудвина никто не проверит. Вам нужна компенсация, удовлетворение. Вам потребовалось минут пять, не больше,

чтобы все обдумать и объяснить Гудвину, что говорить, чтобы заставить нас пару дней побегать впустую. Вашему, черт возьми, эго такой вариант событий вполне мог бы показаться нормальным! Вы не стали бы препятствовать правосудию. Вы нашли бы убийцу. Если вспомнить все трюки, которым я сам был свидетелем… Вы ведь не станете отрицать, что способны на такое?

— Да. При достаточных основаниях — да. Но я этого не делал. Позвольте прояснить этот момент. У меня нет сомнений в том, что, когда мистер Гудвин пришел в оранжерею и сообщил мне о том, что сказала ему мисс Аарон, он изложил все точно и подробно, и его показания полностью соответствуют его докладу мне. Так что если вы, вооружившись ордерами, пришли сюда это оспаривать, то зря тратите свое и мое время. Арчи, позвони мистеру Паркеру.

Поскольку номер адвоката Натаниэля Паркера принадлежит к числу тех, которые я отлично знаю наизусть, и мне не нужно искать его в справочнике, я повернулся и набрал номер. Когда Паркер ответил, Вулф взял трубку:

— Мистер Паркер? Добрый день. Тут у нас мистер Кремер размахивает ордерами на арест мистера Гудвина и на мой… Нет. Как свидетелей.

Не знаю, воспользуется он ими или нет. Пожалуйста, попросите своего секретаря звонить мне каждые десять минут. Если Фриц скажет, что нас увел мистер Кремер, вы будете знать, что делать… Да, конечно. Спасибо.

Когда он положил трубку, Кремер встал, что-то сказал Стеббинсу, взял с подлокотника свое пальто, и они вышли. Я пошагал за ними, чтобы удостовериться, что они оба покинули дом. Когда я вернулся, Вулф сидел, откинувшись на спинку кресла, закрыв глаза, сжав руки в кулаки, и работал губами. Когда он так делает губами — втягивает, вытягивает, втягивает и вытягивает, — его нельзя прерывать, потому я просто подошел к своему месту и сел. Продолжаться это может от двух минут до получаса.

В тот раз прошло не больше двух минут. Наконец Вулф открыл глаза, сел прямо и рявкнул:

— Он что, намеренно опустил четвертую версию? Не пришло в голову?

— Наверное. Он слишком сосредоточился на нас. Но скоро придет.

— А тебе?

— Конечно. Судя по расписанию действий, это очевидно. Когда он сообразит, то может все испортить. Это не то, в чем он хорош.

Вулф кивнул:

— Его нужно опередить. Можешь ее привезти?

— Могу попытаться. Я так и понял, что именно это вы и обдумываете. Могу ей позвонить, а если не выйдет, сообразим что-нибудь. Когда она вам нужна? Сейчас?

— Нет. Мне нужно время, чтобы продумать план. Сколько времени?

Ему пришлось бы вывернуть шею, чтобы увидеть настенные часы.

— Десять минут четвертого.

— Скажем, в шесть. Понадобятся все, в том числе мистер Отис.

Хотя номер «Черчилля» был не так хорошо мне знаком, как номер Паркера, я все же набрал его, не сверяясь со справочником. Я попросил соединить меня с миссис Мортон Сорелл, и после некоторого ожидания в трубке раздался голос, который я уже слышал.

— Апартаменты миссис Сорелл. Кто говорит?

— Это Арчи Гудвин, миссис Сорелл. Я звоню из кабинета Ниро Вулфа. Только что здесь был инспектор полиции, который приходил побеседовать с мистером Вулфом. До него нас посетили трое ваших знакомых — Эдей, Хайдекер и Джетт. Произошло несколько очень интересных собы-

тий, и мистер Вулф, прежде чем что-то решить, хотел бы обсудить их с вами. Утром вы спросили, не согласится ли он работать на вас, и это одно из возможных развитие событий. В шесть часов вас устроит? Адрес у вас есть.

Молчание. Потом ее голос:

— Что за развитие событий?

— Лучше это пусть вам объяснит мистер Вулф. Уверен, вам будет интересно его послушать.

— Почему он не может приехать ко мне?

— Потому что, как я уже говорил, он не выходит из дому по делам.

— Но вы выходите. Приезжайте. Сейчас же.

— Я бы с огромным удовольствием, но в другой раз. Мистер Вулф хочет сам с вами поговорить.

Молчание.

— Полицейский тоже придет?

— Конечно нет.

Молчание, потом:

— Вы сказали — в шесть?

— Точно.

— Хорошо. Я приеду.

Я повесил трубку, повернулся и сказал Вулфу:

— Договорились. Она хочет, чтобы я к ней приехал, но с этим придется подождать. У вас меньше трех часов, чтобы составить шараду, а два из них

уйдут на орхидеи. Есть что-нибудь для меня?

— Звони мистеру Отису, — буркнул он.

Глава 8

Мне тогда казалось — и до сих пор кажется, — что нанимать Сола, Фреда и Орри было пустой тратой денег, а так как клиента у нас не имелось, деньги Вулф тратил свои. Когда в пять позвонил Сол, я вполне мог бы ему сказать, что на сегодня хватит. Я не утверждаю, что способен справиться одновременно с пятью, даже если одному из них семьдесят пять, а другая женщина, однако нервы могли бы сдать только у одного, а с одним-то я справился бы наверняка. Но, когда позвонил Сол, я строго следовал инструкциям — и прощай шестьдесят баксов.

Они не появились ни в восемь минут седьмого, когда прозвенел звонок и я открыл дверь, впустив Риту Сорелл, ни позже, когда я проводил ее в кабинет, представил Вулфу и устроил на спинке красного кожаного кресла ее белую шубку, вероятно из норки. В пределах видимости был лишь Вулф. Тот факт, что она улыбнулась ему и при этом ее длинные темные ресницы затрепетали, вовсе не означал, что в ней есть какой-то снобизм. Мне она улыбнулась в прихожей.

— Я не привыкла, — начала она, — ездить к

мужчинам, когда за мной посылают. Это для меня внове. Возможно, я потому и приехала: люблю новые ощущения. Мистер Гудвин сказал, вы хотите со мной что-то обсудить?

— Хочу, — кивнул Вулф. — Кое-что личное, затрагивающее вашу жизнь. А так как обсуждение имеет смысл, если разговаривать честно и откровенно, беседовать мы будем с глазу на глаз. Ты не против, Арчи? Записывать ничего не нужно.

Я был против.

— Миссис Сорелл, возможно, хотела бы…

— Нет. Пожалуйста, оставь нас.

Я ушел. Закрыл за собой дверь, повернул направо, открыл дверь в гостиную, вошел, закрыл за собой и эту дверь и оглядел комнату.

Все было в порядке. Ламонт Отис сидел возле окна в большом кресле, в том самом, в котором раньше сидела Энн Пейдж, теперь она устроилась с одной стороны от него, с другой — Эдей. Справа от меня у стены расположился Джетт. На диване напротив меня, между Фредом Даркином и Орри Кэтером, сидел Хайдекер. Сол Пензер стоял в центре комнаты. Все лица обратились ко мне, а Эдей хотел что-то сказать.

Я сразу его прервал:

— Если будете говорить, то ничего не услышите,

а если вам это не нужно, то другим нужно. Поговорить можно и позже. Как вам сказал мистер Вулф, провод от динамика за диваном соединен с микрофоном в его кабинете, где он сейчас кое с кем беседует. Поскольку голос вы знаете, называть имя нет необходимости. Давай, Сол.

Сол подошел сзади к дивану, щелкнул выключателем, и в гостиной раздался голос Вулфа:

— …И объяснила, в чем дело, мистеру Гудвину, после чего он поднялся ко мне. Рассказала, как неделю назад, вечером в понедельник, она заметила вас в кабинке в дешевом ресторане, где вы тайно встречались с одним из партнеров компании; как она пришла к выводу, что он предал интересы одного из клиентов компании, поскольку ваш муж их клиент; как по причинам, с ее точки зрения, важным никому об этом не сообщила и только вчера, ближе к вечеру, все же рассказала тому, с кем вы встречались, потребовала объяснений, но не получила их. Она отказалась назвать его имя, пока не поговорит со мной, а пришла она сюда, чтобы прибегнуть к моим услугам. Разумеется, мистер Гудвин сообщил об этом полиции.

Миссис Сорелл. Она не сказала, кто это?

Вулф. Нет. Как я уже говорил, миссис Сорелл,

разговор наш должен быть честным и откровенным. Я не намерен делать вид, будто вы проговорились, а я ловлю вас на слове. В телефонном разговоре с мистером Гудвином вы сегодня признали, что в прошлый понедельник вечером встретились в ресторане с мужчиной, и это был Грегори Джетт, но вы могли назвать его имя, чтобы просто нагнать туману, и при желании можете вообще отрицать, что звонили.

Джетт устроил небольшой шум, попытавшись было встать, но шум не настолько громкий, чтобы заглушить голос, а я удержал его на месте, положив руку на его плечо.

Миссис Сорелл. А если я не стану отрицать? Если повторю, что это был Грегори Джетт?

Вулф. Не советую. Если, помимо тумана, вы хотели потешить свою злость, вам придется сказать это еще раз. Это был не мистер Джетт. Это был мистер Хайдекер.

Хайдекер не смог бы устроить шум, даже если бы захотел, так как с одного боку у него был Фред, с другого — Орри. Единственный, кто в этот момент пошевелился, был Ламонт Отис, который стал задыхаться, и Энн Пейдж взяла его за руку.

Миссис Сорелл. Любопытно. Мистер Гудвин сказал, что разговор с вами будет любопытным,

и он был прав. По-вашему, я сидела в кабинке с человеком, не зная, кто он такой? Что вы в самом деле, мистер Вулф!

Вулф. Нет, мадам. Уверяю, не выйдет. Поясню. Я позволил себе сделать допущение, что Берту Аарон убил кто-то из троих — Эдей, Хайдекер или Джетт. Учитывая, что она успела сказать мистеру Гудвину, это больше, чем допущение. Скажем так, я сделал вывод. Однако три часа назад мне пришлось от него отказаться, когда я узнал, что в семнадцать сорок пять у них было совещание в кабинете мистера Эдея, где присутствовали все трое. Мистер Гудвин оставил мисс Аарон в кабинете одну в семнадцать тридцать девять. То, что все трое лгали, что все были в заговоре, крайне маловероятно, в том числе и потому, что другие сотрудники могли легко опровергнуть их ложь. Но если никто из них не мог ее убить, один из них мог, вольно или невольно, спровоцировать убийство. Из всех троих только мистер Хайдекер ушел примерно в то же время, что и мисс Аарон. По его словам, по личному делу, но подтвердить его слова нечем. Я позволил себе предположить, что он проследил за мисс Аарон до этого дома, увидел, как она вошла, нашел телефонную будку, позвонил вам и предупредил, что ваша интрига

вскоре будет раскрыта, и, наверняка в отчаянии, быстро вернулся к себе, опоздав на совещание на пятнадцать минут.

Пришла очередь Эдея начать шевелиться, что он и сделал. Он встал, подошел к дивану и уставился на Хайдекера. Мы с Солом были рядом, но ему явно не пришло в голову ничего лучше, кроме как пронзать предателя взглядом.

Вулф. Однако теперь это уже не предположение, а вывод, и я вряд ли от него откажусь. Мистер Хайдекер не считает, как не считаю и я, не верит в то, что после разговора с ним вы явились сюда с намерением ее убить. Этого не могло быть, поскольку вы не знали, что застанете ее одну. Мистер Хайдекер считает, что вы лишь хотели в лучшем случае предотвратить раскрытие вашей тайны, в худшем — попытаться оставить все как есть. Вы позвонили сюда, она сняла трубку и согласилась вас выслушать. По мнению мистера Хайдекера, когда вы сюда вошли и поняли, что она одна и еще не встретилась со мной, вы, под влиянием неожиданного порыва, схватили пресс-папье и ударили. По его мнению, вы, увидев, как она упала без чувств, и заметив на этом столе галстук, под влиянием того же порыва, вы…

Миссис Сорелл. Откуда вы знаете его мнение?

Я должен был решить сам, следует ли мне вмешаться. Я получил указание действовать по своему усмотрению. Если бы реакция Хайдекера поставила под сомнение новую версию, я должен был войти в кабинет, прежде чем Вулф зайдет слишком далеко. Но реакции не было. Хайдекер сидел, подавшись вперед, упершись локтями в колени и закрыв руками лицо.

Вулф. Хороший вопрос. Я не вижу его насквозь. Мне следовало бы сказать, что я знаю от него. Вам наверняка известно, мадам, что он не способен выдерживать такое напряжение. Разоблачение его предательства по отношению к компании положит конец его карьере, но сокрытие информации об убийстве может стоить жизни. Вам наверняка известно…

Миссис Сорелл. Если он сказал, что, по его мнению, я убила ту женщину, это ложь. Ее убил он. Он крыса и лжец. Вчера он звонил мне дважды: сначала сказал, что нас видели в ресторане, предупредил, а еще через час сказал, что все уладил и за наш план можно не беспокоиться. Значит, это он ее убил. Когда Гудвин сказал по телефону, что кое-что произошло, я уже знала, что он струсит, знала, что он начнет лгать. Крыса! Потому я и пришла. Признаю, что скрыла информацию об

убийстве, и знаю, что была не права, но еще не поздно. Ведь еще не поздно?

Вулф. Нет. Вы еще можете очистить совесть и спасти свою шкуру. Во сколько он позвонил во второй раз?

Миссис Сорелл. Точно не знаю. Между пятью и шестью. Примерно в половине шестого.

Вулф. В чем состоял ваш план, ради которого он это сделал?

Миссис Сорелл. Он, конечно, и тут солгал. План был не наш, а его. Примерно месяц назад он пришел ко мне и сказал, что может сообщить о моем муже некие сведения, которые помогут мне выиграть суд. Он хотел…

Хайдекер вскинул голову и взвыл: «Ложь! Это не я пришел к ней, она пришла ко мне!» — что добавило мне знаний о человеческой природе. Он даже не пискнул, когда она обвинила его в убийстве. Эдей, который по-прежнему смотрел на него сверху вниз, сказал что-то, чего я не расслышал.

Миссис Сорелл. Он хотел условиться, чтобы я заплатила за эти сведения миллион долларов, но я не могла, потому что не знала, сколько отсужу, и в конце концов предложила заплатить десятую часть того, что получу. Это было в тот вечер в ресторане.

Вулф. Он сообщил вам эти сведения?

Миссис Сорелл. Нет. Он хотел слишком много получить наперед. Разумеется, в этом и была сложность. Мы не могли подписать договор.

Вулф. Разумеется. Но и подписанный договор не имеет большой ценности, если стороны не посмеют его предъявить. Полагаю, вы понимаете, миссис Сорелл, что очищение совести будет включать в себя ваше свидетельство в суде? Готовы ли вы дать показания под присягой?

Миссис Сорелл. Видимо, придется. Я знала, что придется, когда решила приехать к вам.

Вулф *(другим тоном, похожим на щелканье хлыста)*. В таком случае вы глупы, мадам.

И снова я должен был сам решать, нужно ли вмешаться. Весь смысл этого спектакля для четырех слушателей заключался в том, чтобы заставить Хайдекера признать вину при свидетелях. Если бы ему хватило выдержки, щелкать хлыстом было бы рискованно. Но ни о какой выдержке не было речи. Хайдекер не написал признания, не расписался под ним, но его поведение говорило само за себя.

Миссис Сорелл. О нет, мистер Вулф. Я не глупа.

Вулф. Глупы. Вас погубила бы даже одна деталь. После того как вчера вы позвонили сюда и пого-

ворили с мисс Аарон, вы поспешили приехать. Поскольку в то время вы не замышляли убийства, у вас не было причин осторожничать. Не знаю, есть ли у вас машина и шофер, но даже если есть, послать за машиной означало бы потерять время, а вам была дорога каждая минута. Прямой ветки метро от вас сюда нет. Ехать автобусом — один маршрут через центр, другой петляет — слишком долго. Вы, конечно же, взяли такси. Это все-таки быстрее, чем идти пешком, несмотря на пробки. Вероятно, такси для вас вызвал швейцар, но даже если не он, найти водителя несложно. Надо лишь позвонить мистеру Кремеру — тому самому инспектору полиции, кто приходил сюда сегодня днем, — и посоветовать разыскать таксиста, который вчера привез вас сюда из «Черчилля». Собственно говоря, именно это я и собираюсь сделать, а этого достаточно.

Энн Пейдж встала с места. Она явно не знала, что делать. Ей хотелось подойти к Грегори Джетту, с которого она не сводила глаз, но не хотелось отходить от Ламонта Отиса. Тот сидел сгорбившись, с опущенной головой и закрыв глаза. Хорошо, что Джетт это заметил, подошел и обнял ее за плечи. С точки зрения романтических отношений очень важно, что он вспомнил о

личном в тот самый момент, когда его компания получила в челюсть.

Вулф. Кроме того, я посоветую ему прислать сюда человека, который будет присматривать за вами, пока не найдут таксиста. Если вы спросите, почему я ему не звоню, почему сначала рассказал вам, мне придется признаться в слабости. Я наслаждаюсь чувством удовлетворения. Один — один. Двадцать пять часов назад в этой самой комнате вы подвергли меня самому жестокому унижению, какое я не испытывал много лет. Не скажу, чтобы это доставляло мне удовольствие, но признаюсь…

Из динамика послышался шум: какой-то вскрик или взвизг, возможно миссис Сорелл, какое-то шуршание и шебуршание, ворчание, кажется Вулфа. Я бросился к смежной двери, распахнул, вбежал, но в двух шагах от стола Вулфа остановился, чтобы полюбоваться зрелищем, которого никогда не видел и, думаю, никогда не увижу.

На коленях у Ниро Вулфа сидела молодая красавица, и он крепко ее к себе прижимал. Я обомлел.

— Арчи! — заорал он. — Черт возьми, убери ее!

Что я и сделал.

Глава 9

Хотел бы я сказать, что Вулфу удалось хоть как-то повлиять на масштабы ущерба, нанесенного компании Ламонта Отиса, однако нужно рассказывать правду. Вулф честно пытался, но после того, как Хайдекер предстал перед судом в качестве свидетеля обвинения, а перекрестный допрос продолжался шесть часов, даже он ничего не мог сделать. Разумеется, для Хайдекера это был конец карьеры. В другом Вулфу повезло больше: окружной прокурор в конце концов признал меня достаточно компетентным, чтобы идентифицировать вещдок С — галстук из тускло-коричневого шелка с желтыми завитками, — и потому Вулфа в суд не вызвали. Информацию, предоставленную Вулфом, присяжные, вероятно, сочли убедительной, так как на вынесение приговора у них ушло всего пять часов, и приговор вынесли обвинительный.

Юридическая фирма не разорилась, она все так же ведет дела на прежнем месте. Ламонт Отис пять дней в неделю проводит в своем кабинете, и, насколько мне известно, его перестал беспокоить баланс между доходами и расходами с тех

пор, как Грегори Джетт женился на Энн Пейдж. Понятия не имею, увеличилась партнерская доля Джетта или у него те же одиннадцать процентов. Это вопрос конфиденциальный.

Смерть демона

Глава 1

Красное кожаное кресло для посетителей находилось на расстоянии четырех футов от края стола Ниро Вулфа, поэтому, когда наша гостья достала из сумки револьвер, ей пришлось встать и сделать шаг, чтобы положить его перед Вулфом. Затем она вернулась к креслу, села, закрыла сумочку и сказала:

— Это револьвер, из которого я не собираюсь убивать своего мужа.

В тот самый момент я сидел лицом к ней и спиной к своему столу, стоявшему под прямым углом к столу Вулфа. Услышав слова посетительницы, я удивленно изогнул брови. Честно говоря, я не ожидал, что она начнет беседу с дешевого спектакля. Когда она позвонила вчера днем и попросила назначить ей встречу, ее голос звучал слегка взволнованно — люди, в подавляющем своем большинстве, всегда нервничают, когда обращаются за помощью к частному детективу. Впрочем, когда речь дошла до дела, говорила она строго по существу. Женщина сообщила, что ее зовут Люси Хейзен и что она замужем за мистером Барри Хейзеном. Назвала она и свой ад-

рес — она жила на Восточной Тридцать седьмой улице, между Парк-авеню и Лексингтон-авеню. Просила дама лишь об одном: чтобы Вулф уделил ей полчаса своего времени. Она хотела сообщить ему нечто конфиденциальное, но не нуждалась ни в его услугах, ни в совете — просто кое-что ему сообщить. За полчаса она была согласна выложить сто долларов. При этом она выразила готовность, если потребуется, заплатить и больше, но, как она считала, хватит и сотни.

В ноябре или декабре доход Вулфа достигает такой суммы, что из ста заработанных долларов ему приходится выплачивать восемьдесят в качестве налогов.

В такую пору он принимает клиентов только в исключительных случаях. Однако сейчас на дворе стоял январь, и ничто не предвещало серьезного дела с солидным гонораром, а потому Вулф был готов довольствоваться даже жалкими ста баксами — тоже сгодятся, ведь ему надо содержать старый особняк из бурого песчаника на Тридцать пятой улице, включая и тех, кто в нем живет. Кроме того, все говорило о том, что он получит эту сотню просто так — и даже палец о палец ради этого не ударит. Итак, встреча была назначена на следующий день, вторник,

на 11:30.

Когда ровно в 11:30 раздался звонок и я открыл дверь, наша гостья улыбнулась мне с порога и произнесла:

— Спасибо, что уговорили мистера Вулфа меня принять.

Искренность рукопожатия нередко фальшива, ведь ее так легко подделать. С улыбкой все иначе. Нечасто мужчина удостаивается сердечной, располагающей, широкой улыбки от молодой женщины, которую видит в первый раз. Улыбки, в которой нет ни кокетства, ни подвоха, ни вызова. Самое меньшее, что может сделать в подобном случае мужчина, — ответить ей точно такой же улыбкой, если, конечно же, он умеет так улыбаться. Я проводил ее в кабинет и помог снять норковую шубку, продолжая удивляться: ну кто бы мог подумать, что очаровательная жена известного специалиста по связям с общественностью Барри Хейзена окажется способной столь открыто проявлять свои чувства. Я был крайне рад нашему знакомству с ней.

Именно поэтому, когда она решила устроить этот спектакль с револьвером, я почувствовал укол разочарования. Вполне понятно, не очень естественно, когда женщина начинает беседу с

незнакомым человеком с того, что вынимает из сумочки пушку и сообщает, что не собирается из нее убивать своего мужа. Похоже, ее улыбка ввела меня в заблуждение, а поскольку я страшно не люблю ошибаться, то больше не радовался знакомству с ней. Я изогнул брови и поджал губы.

Вулф, восседавший за столом в огромном кресле, кинул быстрый взгляд на револьвер, затем снова уставился на посетительницу и проворчал:

— Фиглярство не производит на меня впечатления.

— Вот как? — произнесла она. — Но я и не собираюсь производить на вас впечатление. Я просто ставлю вас перед фактом. Ради этого я сюда и пришла. Мне просто подумалось, что мои слова прозвучат куда более красноречиво, если я захвачу с собой револьвер и покажу его вам.

— Прекрасно. Итак, все это вы уже проделали, — нахмурился Вулф. — Насколько я понимаю, вам не нужна моя помощь и советы, вы лишь хотели сообщить мне кое-что конфиденциальное. Спешу вам напомнить, что я не являюсь ни адвокатом, ни священником и потому не связан клятвами и обязательствами хранить ваши тайны. Если вы хотите рассказать о совершенном

вами преступлении, я не могу обещать, что не сообщу о нем в полицию. Разумеется, я имею в виду тяжкое преступление, а не всякую мелочь вроде хранения смертельно опасного оружия, на которое у вас нет разрешения.

— Разрешение на хранение оружия? Я как-то об этом не подумала. — Она с пренебрежением слегка махнула рукой. — Вам не о чем беспокоиться. Я не совершала никакого преступления. Не совершала и не собираюсь. В этом вся суть. Именно ради этого я и пришла к вам. Я хочу вам сказать, что не собираюсь убивать своего мужа.

Вулф, прищурившись, посмотрел на миссис Хейзен, поскольку свято верил в то, что все женщины либо плутовки, либо сумасшедшие, либо и то и другое вместе. И вот доказательство справедливости подобной точки зрения сидело перед ним в кресле.

— И это все? — строго спросил он. — Вы же просили уделить вам полчаса.

Она кивнула, на секунду прикусив аккуратными белыми зубками губу, а затем, немного помолчав, сказала:

— Просто я подумала, будет лучше, если я объяснюсь… Скажу, что мной руководит… Если, конечно, вы обещаете хранить это в тайне.

— Обещаю. С оговорками, о которых уже упомянул.

— Разумеется. Вы знаете, кто мой муж? Его зовут Барри Хейзен, он ответственный за связи с общественностью.

— Мистер Гудвин поставил меня об этом в известность.

— Мы поженились два года назад. Я работала секретаршей у одного из его клиентов — изобретателя Джулса Хури. Мой отец, Тит Постэл, тоже был изобретателем и работал вместе с мистером Хури до самой своей смерти — его не стало пять лет назад. В офисе мистера Хури я и познакомилась с Барри. Тогда я искренне полагала, что люблю его. Потом я долго ломала голову, почему на самом деле решила выйти за него замуж. Меня интересовала подлинная причина. Неужели я вышла за него только потому, что мне хотелось заполучить… — Она замолчала, снова закусила губу и резко покачала головой, словно силясь отогнать муху. — Ну вот вы… Вернее, при чем тут вы, это я… Ни к чему вам это слушать. Я разнылась… давлю на жалость… Вам даже ни к чему знать, почему я хочу его убить.

— Вы просили о получасе, мадам. Распоряжайтесь этим временем, как пожелаете, — буркнул

Вулф.

— Я не сказала бы, что испытываю к нему ненависть, — снова покачала она головой. — Пожалуй, я презираю его, да, это точно, а он не дает мне развода. Я пыталась от него уйти, да что там пыталась, я от него ушла, но он так… Ну вот, я опять начала ныть! Не надо вам все это знать!

— Как пожелаете.

— Речь идет не о том, что я желаю, а о том, что должна рассказать.

— Что ж, расскажите то, что должны.

— Я должна рассказать вам следующее. В его спальне в ящике комода лежит револьвер. Вот он, у вас на столе. У нас разные спальни. Знаете, случается такое, бывает что-то на уме, где-то настолько глубоко, что вы сами не подозреваете об этом. А потом — бац! — оно неожиданно всплывает. Понимаете, о чем я?

— Разумеется. Подсознание не могила, а кладовая…

— Да, но мы не знаем, что там хранится. Лично я не знала. Так вот примерно месяц назад, сразу после Рождества, я зашла к нему в спальню, взяла из ящика револьвер, глянула, заряжен он или нет, — оказалось, что заряжен, — и вдруг, совершенно неожиданно, мне в голову пришла одна

мысль. Как же просто застрелить мужа, когда он уснет! В тот раз я обругала себя: «Дура ты, дура набитая, о чем ты только думаешь!», положила револьвер на место и решила больше близко к комоду не подходить. Но эта мысль вернулась. Она приходила мне в голову все чаще и чаще, особенно в те моменты, когда я пыталась уснуть. А потом все стало еще хуже. В каком смысле? Я не просто представляла, как захожу в спальню и убиваю спящего мужа, я начала размышлять, как все обстряпать так, чтобы выйти сухой из воды. Я понимала, что это сущий идиотизм, но ничего не могла с собой поделать. Ничего! И вот однажды ночью, два дня назад, в воскресенье, я встала с кровати. Меня всю трясло. Я пошла в ванную и залезла под холодный душ. У меня наконец созрел план убийства. Впрочем, я не стану его вам рассказывать.

— Как пожелаете. Рассказывайте то, что считаете нужным. И должным.

— Ладно, не будем об этом. Я вернулась к себе в постель, но уснуть не могла. У меня не было страха, что я могу сделать что-нибудь во сне, я боялась, что мое сознание выкинет какой-нибудь фокус. Я уже поняла, что над ним не властна. Одним словом, вчера я решила обставить все так,

чтобы мое сознание оказалось в безвыходном положении. Надо все кому-нибудь рассказать, и тогда мой план не сработает. Меня все равно, случись что, поймают. Но кому довериться? Подруге? Настоящей, верной подруге? Нет, не пойдет, будет оставаться шанс воспользоваться лазейкой. О полиции не могло идти и речи. В церковь я не хожу, и потому вариант с исповедью и священником тоже отпадал. Тогда я подумала о вас. Я позвонила, договорилась о встрече, и вот я перед вами. Вот, собственно, и все. Ах да, еще одна просьба: пообещайте, если моего мужа пристрелят, вы сообщите полиции, что я была у вас и о чем вам рассказала.

Вулф заворчал.

Она разомкнула сцепленные замком пальцы, распрямила плечи, глубоко вдохнула через нос и выдохнула через рот:

— Вот! Вот и все!

— Я обещал вас выслушать, и только, — произнес Вулф, внимательно глядя на миссис Хейзен, — однако считаю обязанным кое-что вам сказать. Ваш план хорош, если вы рассчитываете благодаря ему удержать себя от непоправимого поступка, но подумайте, что будет, если вашего мужа застрелит кто-нибудь еще, а я сообщу о на-

шем разговоре в полицию. Вы окажетесь в весьма незавидном положении.

— Не окажусь. Ведь я же не буду иметь к его убийству никакого отношения.

— Пф! Еще как окажетесь! — фыркнул Вулф. — Особенно если преступника не удастся изловить по горячим следам.

— Главное, что я не буду иметь к преступлению никакого отношения, а остальное меня не волнует. — Она подняла руку ладонью вверх. — Знаете, мистер Вулф, после того как я решила обо всем вам рассказать и договорилась о встрече с вами, я в первый раз за месяц по-человечески выспалась. Не беспокойтесь, никто моего мужа убивать не собирается. И я хочу, чтобы вы дали мне обещание, о котором я вас просила, чтобы лишить возможности совершить преступление и меня.

— Я бы на вашем месте на этом не настаивал.

— И все же я настаиваю. Я обязана! Вы обещаете?

— Ну что ж… — Вулф едва заметно пожал плечами.

— Обещаете?

— Да.

Она открыла большую рыжевато-коричневую кожаную сумку и достала из нее ручку и чековую

книжку:

— Я бы предпочла выписать чек и обойтись без наличных. Благодаря этому будет официально зарегистрировано, что я оплачивала ваши услуги. Вы не имеете ничего против?

— Совершенно ничего.

— Когда я беседовала с мистером Гудвином, речь шла о ста долларах. Этой суммы достаточно?

Получив утвердительный ответ, она выписала чек, положив чековую книжку прямо на сумочку. Желая избавить ее от лишних хлопот, я подошел к ней и взял чек. Впрочем, я зря старался. Закрыв сумку, она все равно встала и уже было повернулась, чтобы взять шубку, которую я накинул на спинку кресла, как тут раздался голос Вулфа:

— Миссис Хейзен, вы просили меня уделить вам полчаса. У вас еще осталось десять минут. Не желаете ими воспользоваться?

— Нет, благодарю вас. Я вдруг поняла, что слегка погрешила против истины, сказав мистеру Гудвину, что мне всего лишь нужно кое-что вам сообщить. Я также хотела взять с вас обещание. Я вам крайне признательна, и больше не займу у вас… Хотя, погодите… Вы говорите, у меня еще есть десять минут? — Кинув взгляд на свои

часики, она повернулась ко мне. — Я бы с радостью взглянула на орхидеи — быстренько, одним глазком. Мистер Гудвин, вы не откажете мне в любезности?..

— С огромным удовольствием, — совершенно искренне сказал я, но меня оборвал Вулф, резко отодвинувший кресло от стола.

— Десять минут задолжал вам я, а не мистер Гудвин, — произнес он, грузно поднявшись. — Следуйте за мной. Шубка вам не понадобится. — И направился к дверям.

Миссис Хейзен посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнула тень улыбки. Она последовала за Вулфом, и несколько мгновений спустя я услышал, как в прихожей хлопнула сперва открывшаяся, а потом закрывшаяся дверь лифта.

Причин возмущаться у меня не было. Десять тысяч орхидей в оранжерее под крышей старого особняка из бурого песчаника принадлежали Вулфу, а не мне. Да, он обожал ими хвастаться — это бы нравилось любому на его месте. Однако сейчас он вмешался совсем по другой причине. Он собирался надиктовать мне несколько писем и решил, что если я пойду показывать Люси Хейзен орхидеи, то вернусь неизвестно когда. Много лет назад Вулф без особых на то оснований вбил

себе в голову, что я напрочь забываю о времени в обществе привлекательных молодых особ, а если уж он что-то решил, то переубедить его — совершенно непосильная задача.

Зазвонил телефон. Я подошел к аппарату на моем столе и, сняв трубку, произнес:

— Кабинет Ниро Вулфа, Арчи Гудвин слушает.

Оказалось, что это мясник из Нью-Джерси, делавший колбаски по особому рецепту Вулфа, хотел узнать, готовы ли мы принять партию его товара, и я переключил его на кухню, где хозяйничал Фриц. И чем же занять время страдающему без дела частному детективу с официальной лицензией? Решив поработать ищейкой, я осмотрел норковую шубку посетительницы, но, увидев лейбл «Бергман», счел подобный осмотр излишним и повесил шубку обратно на спинку кресла. Затем я взял со стола револьвер, из которого, согласно заверениям миссис Хейзен, она не собиралась убивать своего мужа. В руках у меня оказался «дрексель» 32-го калибра, начищенный, в прекрасном состоянии и полностью заряженный. Серьезная игрушка. Такого красавца не следует таскать по городу даме, особенно если она не имеет разрешения на ношение огнестрельного оружия. Затем я принялся разглядывать чек.

«Ист-Сайд банк». Подпись: Люси Хейзен. Ничего подозрительного. Я убрал чек в сейф. Глянув на часы, я включил радио, чтобы узнать дневные новости. И, слушая их, стал потягиваться. В Алжире волнения. Строительный подрядчик из Статен-Айленда отрицает, что ему покровительствует кто-то из политиканов. Фидель Кастро рассказывает кубинскому народу, что люди, стоящие у руля власти в правительстве США, — это сборище бездельников (моя интерпретация)… А затем:

«Сегодня в переулке между зданиями на Нортон-стрит в Нижнем Вест-Сайде был обнаружен труп Барри Хейзена. Его убили выстрелом сзади. На момент обнаружения он был мертв уже несколько часов. В настоящее время мы не располагаем подробностями произошедшего. Мистер Хейзен был известным консультантом по связям с общественностью. Лидеры демократической партии в Конгрессе, по всей вероятности, решили сосредоточить свои усилия на…»

Я выключил радио.

Глава 2

Подойдя к столу Вулфа, я взял револьвер и со всех сторон обнюхал дуло. Поступок глупый, но в данных обстоятельствах естественный. Когда вы хотите выяснить, пускалось ли недавно в ход оружие, то первым делом его обнюхиваете — это происходит автоматически. Впрочем, запах вы почувствуете, если из него стреляли действительно недавно, скажем, в пределах получаса, и у стрелявшего не было возможности его почистить. Я осмотрел револьвер, а затем убрал к себе в стол. Сумка нашей гостьи осталась на красном кожаном кресле. Я открыл ее и вынул все содержимое. Там имелось все, что только может оказаться в сумке у обладательницы норковой шубки от «Бергмана», но ничего сверх того. Я извлек из ящика стола револьвер, вытащил патроны и внимательно изучил их с помощью лупы — вдруг один-другой окажется светлее, а значит, и новее. Нет, все патроны выглядели совершенно одинаково. В тот самый момент, когда я убрал револьвер обратно в ящик, раздался шум спускающегося лифта. С глухим стуком он остановился, и я услышал, как открылась его дверь. Вошла

миссис Хейзен, а за ней и Вулф. Она подошла к красному кожаному креслу, взяла сумку, бросила взгляд на стол Вулфа и повернулась ко мне:

— А где револьвер? Я хочу забрать его с собой.

— Кое-что случилось, миссис Хейзен. — Я встал на расстоянии вытянутой руки от нее. — Я включил радио послушать новости, и там передали… Я лучше повторю слово в слово: «Сегодня в переулке между зданиями на Нортон-стрит в Нижнем Вест-Сайде был обнаружен труп Барри Хейзена. Его убили выстрелом сзади. На момент обнаружения он был мертв уже несколько часов. В настоящее время мы не располагаем подробностями произошедшего. Мистер Хейзен был известным консультантом по связям с общественностью». Вот что сказали по радио.

Она вытаращила на меня глаза:

— Вы это вы-вы-вы… — Она осеклась, а затем, собравшись, произнесла всю фразу: — Вы это выдумали.

— Нет. Именно это и передали. Кто-то застрелил вашего мужа.

Сумка, выскользнув из ее рук, упала на пол. Миссис Хейзен словно окоченела, а ее лицо побелело. Мне доводилось и раньше видеть, как люди бледнеют, но чтобы так быстро… Создавалось

впечатление, что кровь полностью, до последней капли, отхлынула от ее кожи. Неверной походкой миссис Хейзен сделала шаг назад, и я, взяв ее за руку, помог опуститься в кресло. Вулф, застывший посреди комнаты, резко скомандовал:

— Принеси что-нибудь! Бренди! Живо!

Я было сорвался с места, но наша гостья покачала головой:

— Мне не надо. Что, так и передали?

— Да.

— Его убили. Его убили?

— Да.

Стиснув руки в кулаки, она прижала их к вискам и несколько раз стукнула себя по голове.

— Я буду на кухне, — бросил Вулф и повернулся, собираясь удалиться.

Он считает, что женщина, преисполненная каких бы то ни было чувств, просто припадочная, а припадочных он не выносит. Однако я счел нужным его остановить:

— Погодите, она через минуту придет в себя.

Вулф подошел к миссис Хейзен, опустил на нее взгляд и, недовольно заворчав, вернулся к своему креслу и сел.

— Мне надо позвонить. Я должна знать наверняка. Кому я могу позвонить? — Она опустила

сжатые кулаки на колени.

— Вам бы сейчас не повредил глоток виски или бренди, — сказал я.

— Ничего мне не надо. Кому я могу позвонить?

— Никому! — отрезал Вулф, — По крайней мере сейчас.

— Это еще почему? — Миссис Хейзен резко повернула к нему голову.

— Потому что сперва надо решить, стоит ли мне звонить в полицию, чтобы сообщить рассказанное вами. Я же обещал. Арчи, где револьвер?

— У меня в столе.

— Из него недавно стреляли?

— Затрудняюсь ответить. Если да, то его тщательно вычистили. Он полностью заряжен, все патроны выглядят одинаково.

— Это она его убила?

Происходившее было рутинной процедурой, он просто хотел знать мое мнение, мнение высококлассного специалиста по женскому полу. Представления Вулфа обо мне и моих отношениях с женщинами весьма противоречивы, но это его нисколько не беспокоит.

— На первый взгляд, я бы сказал — нет. Чтобы дать окончательный ответ, мне нужны факты и доказательства.

— Мне тоже. Миссис Хейзен, это вы убили своего мужа? — (Она молча покачала головой.) — Если вы способны разговаривать, я бы предпочел услышать ваш ответ. Итак, это вы его убили?

— Нет, — с явным трудом произнесла она.

— Поскольку я дал обещание, вы, разумеется, вольны меня от него освободить. Вы хотите, чтобы я позвонил в полицию?

— Не сейчас. — (Кровь медленно начала приливать к ее лицу.) — Сейчас это не обязательно. Более того, вам даже не придется этого делать. Мой муж мертв, и я его не убивала. — Она поднялась и хотя на ногах стояла не очень уверенно, но при этом не шаталась. — Все кончено.

— Сядьте! — приказал ей Вулф. — Все не так просто. Когда в полиции спросят, где вы были сегодня утром, начиная с одиннадцати часов, что вы ответите? Проклятье, да сядьте же наконец! Хватит опираться о мой стол! Вот так-то лучше. Ну и что вы скажете в полиции?

— Но зачем… — Миссис Хейзен примостилась на самом краешке кресла. — Неужели в полиции станут задавать мне такие вопросы?

— Разумеется. Если только они уже не задержали убийцу и не располагают против него неопровержимыми доказательствами. Впрочем,

на это я бы не рассчитывал. Вам придется отчитаться о каждой прожитой минуте с момента вашей последней встречи с супругом. Вы приехали сюда на такси?

— Да.

— Так и скажете. Иного выхода нет. А что вы ответите, когда вас спросят о целях нашей с вами встречи?

Покачав головой, она перевела взгляд на меня, а потом снова на Вулфа.

— Вам придется объяснить, что мне говорить в полиции, — тяжело вздохнула она.

— Именно так я и думал, — кивнул Вулф и повернулся ко мне. — Арчи, с твоей точки зрения, миссис Хейзен невиновна. На чем основывается твое умозаключение?

— Я выражал как свою личную, так и профессиональную точку зрения, — пояснил я, усевшись в свое кресло. — Начнем с личной точки зрения. Она основывается на общем впечатлении, произведенном на меня миссис Хейзен, в первую очередь — на улыбке, которой она меня одарила, когда я открыл ей дверь. Что же касается профессиональной точки зрения, то мне хотелось бы остановиться на двух моментах. Во-первых, если она застрелила мужа прошлым вечером, после

того как договорилась о встрече с вами, а затем явилась к вам с той ахинеей, которую мы оба слышали, значит она либо сумасшедшая, либо самое хитрое создание из всех, что я встречал. Ни тот ни другой вариант не кажутся мне правдоподобными. Во-вторых, и это главное, на меня произвело впечатление ее лицо в тот момент, когда она узнала о гибели мужа. Обморок, истерику и неверную походку можно изобразить, сыграть, но ни одна женщина не сможет так побледнеть по своей воле. Однако, как я уже сказал, для окончательного ответа мне нужны факты и доказательства, причем серьезные.

Заворчав, Вулф повернулся к нашей гостье и хмуро уставился на нее:

— Допустим, мистер Гудвин прав. Что дальше? Когда полиция узнает, что вдова человека, убитого накануне вечером, на следующее утро явилась на встречу со мной, они мне житья не дадут. Я вам ничем не обязан и ничего не должен. Вы не являетесь моим клиентом. Вы заплатили сто долларов за полчаса моего времени, хотя я с вами уже больше часа, вы освободили меня от моего обещания, так что вопрос закрыт. Вы просите посоветовать вам, что говорить в полиции, когда у вас поинтересуются, зачем вы ко мне приходи-

ли, но ведь точно такой же вопрос зададут и мне. А что, если вы сочтете за лучшее не следовать моим советам и наши показания разойдутся? Зачем мне рисковать? Я не вижу никакого другого варианта, кроме как… Что вы делаете?

Миссис Хейзен открыла сумочку и снова достала из нее чековую книжку и ручку:

— Я выпишу вам чек. Я стану вашим клиентом. Что мне… Сколько с меня?

— И этого я тоже ожидал, — кивнул Вулф. — Так не пойдет. Я не шантажист. Я беру деньги за оказание услуг, а не за терпение, а мои услуги могут вам и не понадобиться. Если же вам все-таки требуется моя помощь — дело другое. Вы готовы ответить на мои вопросы?

— Разумеется. Но вы уделили мне больше, чем полчаса, и я должна…

— Нет. Если вы не убивали вашего мужа, мы оба оказались жертвой обстоятельств. Прежде чем приступить к вопросам, хочу поставить вас перед фактом: револьвер вы обратно не получите. Он останется здесь. Итак, когда и где вы…

— Погодите, но я же собиралась положить его туда, откуда взяла!

— Нет. Я принимаю версию мистера Гудвина в качестве рабочей гипотезы, но забрать оружие я

вам не позволю. Когда и где вы в последний раз видели мужа?

— Прошлым вечером. Дома. К нам пришли гости на обед.

— Подробнее. Сколько их было? Фамилии.

— Это были клиенты Барри, важные клиенты — все, кроме одного. Миссис Виктор Оливер. Энн Талбот, жена мистера Генри Льюиса Талбота. Джулс Хури. Амброз Пердис. Тед… Теодор Уид… Он не клиент, он работает на Барри. Всего, вместе с Барри и со мной, — семь человек.

— В котором часу разошлись гости?

— Точно — не знаю. Барри сказал, что ему надо кое-что с ними обсудить и в моем присутствии нет необходимости, так что после кофе я ушла, оставив мужа с гостями. Больше я его не видела. После обеда я поднялась наверх, к себе в спальню.

— Вы слышали, как он отправился спать?

— Нет. Наши спальни разделяет еще одна комната. Кроме того, я чувствовала себя совершенно вымотанной. Я ведь вам говорила, что вчера впервые за месяц я по-человечески выспалась.

— Утром вы мужа не видели?

— Нет. Его уже не было дома. Он рано встает. Служанка, которая… О боже!

— Что случилось?

— Ничего. Ничего такого, что могло бы вас заинтересовать. Видите ли, мистер Вулф, я сама себе не нравлюсь. Я сказала, что он рано встает, хотя следовало сказать «он рано вставал», и от осознания этого факта мне буквально хочется петь. Правда-правда! Но как же можно радоваться чужой смерти? Это гадко! Господь тому свидетель. Но что, если я никогда не любила Барри? Что, если я вышла за него замуж только потому, что…

— Давайте ближе к делу, — оборвал ее Вулф, — на эти рассказы у вас будет с избытком времени. Так что там со служанкой?

Миссис Хейзен, сглотнув, поджала губы:

— Прошу меня простить. Служанка, которая живет у нас и подает завтрак, сказала, что Барри не спускался, а когда она поднялась к нему, то обнаружила, что дверь в его спальню открыта, а постель не разобрана. Такое случалось и прежде, хотя и нечасто: один-два раза в месяц.

— То есть ваш муж и раньше исчезал на всю ночь, не предупреждая, куда именно он собирается, и не отчитываясь по возвращении о том, где он был?

— Да.

— Может, вы в курсе или хотя бы в состоянии

предположить, где он был прошлой ночью? С кем? Что, если он пошел к кому-то?

— Нет, я ничего не знаю.

— Я по-прежнему исхожу из того, что вы его не убивали, однако мне надо знать, в сколь уязвимом положении вы находитесь. Итак, вы провели всю ночь дома… Вы ведь живете в доме, а не в квартире?

— Да.

— То есть с того момента, как вы поднялись к себе в спальню, и до утра, когда направились ко мне, вы никуда не выходили?

— Да.

— Представим, что вам понадобилось ночью выйти из дому. Вы могли бы тайком выбраться на улицу, а потом вернуться, причем так, чтобы служанка вас не заметила?

— Думаю, да. Ведь ее комната в цокольном этаже.

— То есть алиби у вас нет, — кивнул Вулф. — В котором часу вы вышли из дому сегодня утром?

— В пять минут двенадцатого. Я вышла заранее, чтобы не опоздать.

— Когда вы забрали револьвер из спальни вашего мужа?

— Перед тем как выйти из дому. Я решила за-

хватить его с собой буквально в самый последний момент.

— Сколько людей знало о том, что вы презираете мужа?

Наша гостья не мигая уставилась на Вулфа. Наступила тишина.

— Миссис Хейзен, вы сами сказали, что презираете его. Это ваши слова. И я не считаю, что они адекватно описывают ваши чувства. Если бы дело ограничивалось лишь презрением, вы не стали бы мечтать о смерти своего мужа. Впрочем, не буду углубляться дальше, а то мы на это потратим целый день. Итак, сколько людей знало о том, что вы презираете мужа?

— Пожалуй, никто. — Эти слова миссис Хейзен произнесла едва слышно, но у меня хороший слух. — Я никому ничего не рассказывала, даже лучшей подруге. Впрочем, думаю, она подозревала о моих чувствах.

— Пф! — фыркнул Вулф и махнул рукой. — Во-первых, об этом наверняка знает ваша служанка, если она, конечно, не дура. Уверен, ее уже допрашивают. Ваш муж был богатым?

— Не знаю. Доходы у него наверняка были немалые — деньги он не экономил. Дом принадлежал ему.

— Дети есть?

— Нет.

— Кому достанется его состояние? Вам?

Глаза миссис Хейзен полыхнули огнем.

— Мистер Вулф, что за нелепость! Мне от него не нужно ни гроша!

— Я просто хочу понять, в каком положении вы находитесь. Итак, наследницей являетесь вы?

— Да. Он обещал составить завещание в мою пользу.

— Он знал, что вы его презираете?

— Он бы никогда не смог поверить, что его может кто-либо презирать. Наверное, он был психопатом. Я смотрела в толковом словаре, что такое психопатия.

— Не сомневаюсь, что ваше открытие нам очень пригодится. — Он кинул взгляд в сторону настенных часов. — Полагаю, сейчас вам лучше всего поехать домой. Поскольку вы должны сообщить полиции, что были здесь, то можете сказать, что узнали о смерти мужа у меня в кабинете, по радио. Это избавит вас от необходимости изображать изумление и потрясение. — Вулф внимательно посмотрел на миссис Хейзен. — Я же предупреждал, что вы окажетесь в незавидном положении. Так оно и вышло. Когда полиция

начнет расспрашивать о том, что вам от меня было нужно, я отвечу, что вам требовался некий конфиденциальный совет, и больше не скажу ни слова о нашем разговоре. Подобный ход с моей стороны поставит меня в достаточно щекотливое положение. Давление полиции я выдержу, и лишь ваш арест по обвинению в убийстве заставит меня раскрыть карты. Что же касается вас, то можете рассказать полиции о нашей встрече все в мельчайших подробностях, а можете ограничиться парой общих фраз. Поступайте, как пожелаете.

Она открыла сумочку:

— Я выпишу вам чек. Вы обязаны его взять. Обязаны!

— Нет. Не исключено, что вам ничего не угрожает. Если не сегодня, так завтра полиция, возможно, схватит убийцу. Если это случится, то я, быть может, пришлю вам счет за лишний час, который вам уделил. А может, и не пришлю — все зависит от моего настроения. Ну а если убийцу не поймают, вы захотите воспользоваться моими услугами, а полиция не выявит улик, ставящих под сомнение версию мистера Гудвина о вашей непричастности к преступлению, — что ж, тогда посмотрим. — Вулф резко отодвинул кресло и

встал.

Миссис Хейзен тоже поднялась. На этот раз она твердо стояла на ногах. Я подошел к ней и подал шубку.

Глава 3

Когда я, проводив посетительницу, вернулся в кабинет, Вулф сел в кресле прямо, после чего подался вперед и, наклонив голову набок, начал принюхиваться. Сперва я подумал, что подобным образом он выражает свое недовольство ароматом духов, оставшимся после миссис Хейзен, но потом до меня дошло, что он всего-навсего пытается уловить запах из кухни, где Фриц запекал гребешков в раковинах. Впрочем, поскольку печеными гребешками пахло так, что принюхиваться было излишним, Вулф, вполне вероятно, пытался определить, положил Фриц в соус лук-шалот или добавил репчатый. К тому моменту, когда я добрался до своего кресла, он, похоже, успел получить ответ на интересовавший его вопрос, поскольку повернулся ко мне и произнес:

— Я не собираюсь подыгрывать убийце. Что ты там говорил про ее лицо? Я сидел сбоку.

— Значит, вы видели половину ее лица. Неужели вам этого мало? Кроме того, вы же сами слышали, как она, узнав о смерти мужа, начала заикаться, заявляя, что я все «вы-вы-выдумываю». Потом, когда я дал ей ясно понять, что ее муж

убит, и до нее дошло, что я не шучу, она побледнела. За какие-то три секунды она стала белее снега. Может, она умеет шевелить ушами, но такое сыграть нельзя. Подобное вообще никому не под силу.

— Прекрасно. Позвони мистеру Коэну и выясни все подробности.

— Вас интересует нечто конкретное?

— Выведай все, что ему известно. В первую очередь я хочу знать, удалось ли найти оружие или пулю.

— Он будет крайне признателен, если мы сообщим ему какую-нибудь сенсационную новость. Как вам нравится такой заголовок: «Вдова погибшего сегодня утром нанесла визит Ниро Вулфу»? Соглашайтесь, все равно это станет известно. Она же сама об этом и сообщит.

— Хорошо.

Я взялся за телефон и набрал номер «Газетт». Вскоре меня соединили с Лоном Коэном. Когда я кинул ему сахарную косточку — новость о том, что миссис Хейзен встречалась с Вулфом, — Коэн, разумеется, захотел добавки — еще костей и мяса, но в ответ я сказал, что больше нам пока сообщить нечего, и поинтересовался, готов ли он ответить любезностью на любезность. Коэн

ответил утвердительно, сообщил все, что знал, после чего я поблагодарил его, повесил трубку и повернулся к Вулфу:

— Тело обнаружил водитель грузовика сегодня утром в десять восемнадцать. К этому моменту уже наступило трупное окоченение — значит Хейзена убили за пять часов до этого, а то и больше. Он был полностью одет, на нем было и пальто, а шляпа лежала рядом на земле. В карманах — стандартный набор, включая и несколько долларов мелочью, вот только ни бумажника, ни ключей, ни часов. Естественно, все это мог забрать тот, кто обнаружил тело раньше водителя грузовика, но не счел нужным вызвать полицию. В кармане Хейзена были письма с его фамилией. Из этого можно заключить, что бумажник забрали не для того, чтобы помешать установить личность убитого. Одно ранение, в спину, пуля попала в ребро, так что ее удалось извлечь. Тридцать второй калибр. Оружие не найдено. Если полиции и удалось взять след, то она это тщательно скрывает. Впрочем, нельзя быть излишне требовательным, ведь тело нашли меньше трех часов назад, — я глянул на свои часы, — если быть совсем точным, два часа и сорок пять минут. Лон сказал, что заплатил бы мне пять штук, если

бы я задержал у нас миссис Хейзен до прибытия его человека, который сфотографировал бы ее и спросил, кто убил ее мужа. Я обещал ему, что в следующий раз буду иметь это в виду.

— Так, значит, полицейским удалось заполучить пулю?

— Совершенно верно.

— Когда нам ждать полицейских?

— Скорее всего, нас навестит лично Кремер. Сами можете представить, как он отреагирует, когда узнает, что миссис Хейзен была у нас. Думаю, он заглянет часа через два, а может, и раньше.

— Она расскажет полиции то же, что и мне?

— Нет.

У Вулфа дернулся уголок рта.

— Вот поэтому я тебя и терплю. Ты мог произнести полсотни слов, но ограничился лишь одним.

— Так вот почему вы меня не увольняете… А я-то голову ломаю. А теперь объясните, почему я терплю вас.

— Даже не догадываюсь. Мне нужна пуля, выпущенная из принесенного миссис Хейзен револьвера. Дело срочное, а после ланча нам будет чем заняться. У тебя двадцать минут. Если ты прав и миссис Хейзен невиновна, револьвер не является уликой, за одним исключением — убий-

ца его выкрал, совершил преступление, потом снова проник в дом мистера Хейзена и положил на место в его спальне, после чего незаметно ретировался. Маловероятно. Ну а если это все же улика — значит мы ее испортим. Итак, ты сам добудешь пулю или это сделать мне?

— Сам, а то вы еще себе палец на ноге отстрелите.

Я вытащил револьвер из ящика, вынул из него один патрон, отпер еще один ящик, где мы храним свои «марли», на которые у нас есть разрешение, достал из коробки патрон 32-го калибра, вставил его в барабан «дрекселя» и повернул цилиндр так, чтобы он находился в боевом положении. Затем я вышел из кабинета и, миновав прихожую, спустился в кладовую в цокольном этаже. Включив там свет, я подошел к столу, где лежали старые матрасы, которые и раньше использовал для этой цели. Я взвел курок, поднес револьвер к матрасу на расстояние примерно три дюйма и нажал на спусковой крючок.

Думаете, если отстреливаете патроны одного и того же калибра с одного и того же расстояния в один и тот же матрас, то и пули входят на одинаковую глубину? Как бы не так. Мне потребовалась четверть часа, чтобы ее отыскать, и когда

я наконец выбрался из кладовой, Вулф уже сидел в столовой, расположенной через прихожую от кабинета. Прежде чем присоединиться к нему, я вынул гильзу, вставил в «дрексель» извлеченный ранее патрон, после чего убрал револьвер в сейф, а пулю положил в конверт и спрятал его в ящике своего стола.

После ланча мы вернулись в кабинет. Вулф диктовал, а я записывал, когда явился посетитель. Я оказался прав. Это был инспектор Кремер, и в дверь позвонили в 14:55. Я пошел в прихожую и посмотрел сквозь одностороннюю стеклянную панель на входной двери. На крыльце стоял Кремер, распрямив широкие плечи. Я увидел знакомое круглое красное лицо, поднятый воротник пальто и надвинутую на глаза серую фетровую шляпу, которую давно уже следовало выбросить. Поскольку он явился без предварительного звонка, с моей стороны было бы вполне уместно повесить на дверь цепочку и поговорить с инспектором через щелку шириной два дюйма, однако это его всегда бесило, а если в ближайшем будущем выяснится, что я загубил улику, мне не повредит снискать расположение Кремера. Именно поэтому я широко распахнул дверь. Не поздоровавшись, не удостоив меня даже кивком,

Кремер переступил порог и, громко топая, прошествовал через прихожую прямо в кабинет. Там он застыл перед столом Вулфа и резко спросил:

— В котором часу сегодня утром к вам приехала миссис Хейзен?

Вулф откинул голову назад, чтобы смерить инспектора взглядом, после чего поинтересовался:

— У вас что, на шляпе снег?

Войдя в кабинет и обогнув инспектора, я тоже посмотрел на его шляпу, но не обнаружил ничего интересного. Как я уже сказал, головной убор инспектора видал виды, а за окном светило солнце. Услышав вопрос Вулфа, любой другой человек смутился бы, вспомнив, что он, войдя в дом, забыл снять шляпу, любой — но не Кремер. Когда он готов к схватке с Вулфом, его так просто не собьешь с панталыку.

— Я задал вам вопрос! — рявкнул инспектор.

— Она приехала в половине двенадцатого, — ответил Вулф.

— А уехала?

— Почти в час дня.

Кремер снял пальто. Я протянул руку, чтобы забрать его, но инспектор, проигнорировав меня, сел в красное кожаное кресло, предварительно кинув пальто на подлокотник.

— Значит, она провела у вас полтора часа. — На этот раз он не рявкнул, но все же в его голосе слышалась хрипотца; инспектор всегда говорит с легкой хрипотцой, когда общается с Вулфом. — Что она вам рассказала?

Кремер так и не снял шляпу.

Вулф, поерзав, откинулся на спинку кресла:

— Мистер Кремер, я знаю, что супруг миссис Хейзен убит. Застрелен. Когда об этом передали по радио, она была у меня. Я знаю, что, когда ко мне обращается за помощью человек, тем или иным образом связанный с убийством, вы неизменно исходите из того, что я располагаю некими сведениями или уликами, которые могли бы вам помочь в ходе следствия. Иногда вы правы, иногда — нет. В данном конкретном случае вы ошибаетесь, и это я вам говорю совершенно определенно. Содержание нашей беседы с миссис Хейзен является конфиденциальным. Как только мне покажется, что мой отказ раскрыть суть нашего разговора препятствует правосудию, я немедленно с вами свяжусь.

Кремер извлек из кармана сигару, размял ее, покатав между ладонями, сунул в рот и впился в нее зубами. Обычно инспектор проделывает эту процедуру вместо того, чтобы считать до десяти,

когда ему надо успокоиться и он понимает, что слова, готовые вот-вот сорваться с его языка, скорее навредят, чем помогут.

— В один прекрасный день вы допустите промашку и горько о ней пожалеете. Вполне вероятно, этот день уже настал. Когда вы решите выложить мне всю подноготную, возможно, будет уже слишком поздно, и вот тогда вы от меня уже не отделаетесь. Я возьму вас в оборот. Никто и ничто вам уже не поможет. Еще раз спрашиваю, что именно рассказала вам миссис Хейзен, когда явилась к вам через девять часов после гибели ее мужа?

Вулф покачал головой:

— Я отказываюсь вам отвечать, поскольку в данный момент имею все основания полагать, что эти сведения не имеют никакого отношения к делу. В том случае, если изменю свою точку зрения… Кстати, могу предоставить вам шанс принять в этом участие. Арчи, где пуля?

Я вынул из ящика своего стола конверт, извлек пулю и протянул Вулфу. Кремер сперва впился взглядом в меня, а потом в пулю. Вулф взял пулю в руку и, едва взглянув на нее, вернул мне со словами:

— Передай мистеру Кремеру. — Я подчинился,

а Вулф повернулся к инспектору. — Затея лишена смысла, если вы нашли орудие убийства. Вы его обнаружили?

— Нет.

— Она также лишена смысла, если вам не удалось отыскать пулю, оборвавшую его жизнь. Вы нашли пулю?

— Да.

— В таком случае рекомендую провести экспертизу и сравнить найденную пулю с этой. Если специалисты придут к выводу, что они выпущены из одного и того же оружия, немедленно дайте мне знать. В этом случае я буду располагать полезными для вас сведениями. Я бы также хотел получить официальное заключение о результатах проведенной экспертизы.

— Вы его получите. — Глаза Кремера превратились в щелочки; поджав губы, он спросил: — Откуда у вас пуля?

— Ответ на этот вопрос вы получите позже. А может, и не получите. Это будет зависеть от результатов экспертизы.

— Господи боже! — Голос Кремера звучал куда более хрипло, чем раньше. — Неужели вы не понимаете, насколько это важно? Это же улика. Вот задержу вас сейчас обоих…

— Вздор! О какой улике вы говорите? Что она доказывает? Мы с вами еще не знаем ответа на этот вопрос. Если эта пуля была выпущена из какого-то другого револьвера, а не из оружия, убившего мистера Хейзена, значит она не является уликой, и мне незачем отчитываться перед вами, откуда она у меня. Не надо думать, мистер Кремер, что я вожу вас за нос. Я не исключаю возможности, что пули были выпущены из одного и того же оружия, и в этом случае пуля, которую я вам передал, действительно является уликой. Если выяснится, что это на самом деле так, дайте мне знать, и мы поговорим.

Кремер открыл было рот, словно собирался что-то сказать, однако передумал. Он встал, сунул пулю в карман и кинул изжеванную сигару в мусорное ведро, но промахнулся. Взяв пальто, он надел его, проигнорировав мою попытку ему помочь, и вышел. Я последовал за ним в прихожую — хотел лично удостовериться, что, когда закроется входная дверь, он окажется снаружи. Когда я вернулся в кабинет, Вулф недовольно проворчал:

— Ненавижу эти помехи и задержки. У нас осталось всего сорок минут. Итак, мы занимались письмом мистеру Хьюитту. На чем мы там

остановились?

Я сел, глянул в записную книжку и ответил.

В четыре часа Вулф удалился в оранжерею на дневное свидание с орхидеями, в обществе которых проводил два часа, а я сел за машинку и принялся печатать. Как правило, я запросто справляюсь с письмами, адресованными коллекционерам орхидей и поставщикам деликатесов, даже когда моя голова занята совершенно другим, но в тот день у меня ничего не получалось. Кремер ушел в 15:20. Я понимал, что инспектор не станет тратить время даром и сразу передаст пулю на анализ. Эксперт примется за дело в 15:50, самое позднее — в 16:00. Исследование двух пуль с помощью специального микроскопа для сравнения образцов не такое уж сложное, десяти минут вполне хватит на то, чтобы определить, из одного оружия они выпущены или нет. Итак, ответ будет готов в 16:10. Накинем еще четверть часа — эксперту надо написать заключение по всей форме, поскольку потом оно пойдет в суд. Итак, в 16:25. Кремер, естественно, направит сотрудника с наказом ждать результатов анализа. Значит, инспектор позвонит нам в 16:30 или явится собственной персоной в 16:45. Ни того ни другого не произошло.

К тому моменту, когда часы показывали 17:15, мне уже пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы попадать по нужным клавишам. Если вы считаете, что я нервничал больше, чем того требовали обстоятельства, давайте еще раз взглянем на мое положение. Если пули совпадают, значит я сказочный болван. Шанс на то, что убийца проник в особняк мистера Хейзена, чтобы вернуть револьвер обратно в спальню, минимальный. Один на миллион. Убийцы порой совершают безумные поступки, но даже безумию есть пределы. Таким образом, миссис Хейзен соврала: то есть либо мужа убила она, либо она знала, кто это сделал, а я в этом случае оказывался болваном. В этот момент я в трех буквах сделал две опечатки.

К шести часам, когда из оранжереи вернулся Вулф, я уже начал успокаиваться. Вулф подошел к столу и взялся за напечатанные мной письма, которые я ему положил. Он всегда очень внимательно их читает. Когда он покончил с двумя из них, поставив внизу свою подпись, я произнес:

— Думаю, если пули не совпали, Кремер не станет тратить время на звонок. — (Вулф в ответ заворчал.) — К экспертизе должны были приступить два часа назад, поэтому мы вполне

можем…

Раздался звонок в дверь, и у меня внутри все похолодело. Кремер знал, что Вулф до шести возится с орхидеями, значит он ждал момента, когда Вулф освободится. Я вышел в прихожую и включил свет на крыльце. Как только я увидел, кто к нам пожаловал, у меня словно камень с души свалился. Перед дверью стоял совершенно незнакомый мужчина, примерно моего возраста, может, чуть моложе, без головного убора, и ветер трепал его каштановые волосы. Несмотря на то что я никогда прежде не испытывал такого восторга при виде незнакомца на крыльце дома Вулфа, мне все же удалось взять себя в руки.

— Слушаю вас, сэр, — приоткрыв дверь, ровным голосом произнес я.

— Я хотел бы поговорить с Ниро Вулфом. Меня зовут Уид. Теодор Уид.

Вообще-то, по правилам я должен был попросить посетителя подождать на крыльце, а сам пойти доложить Вулфу о нем, но я был так рад, что сразу впустил его и даже помог снять пальто. Только после этого я направился в кабинет и доложил:

— С вами хочет поговорить Теодор Уид. Он был вчера на ужине у Хейзена. Он один из…

— Что ему нужно?

Черт подери, Вулф прекрасно знал, что у меня не было возможности это выяснить!

— Ему нужны вы, — ответил я.

— Нет! Мне это надоело. Я и так уже потратил слишком много времени на дело, которое совершенно меня не интересует. Так ему и передай, и даже не думай…

В этот момент в кабинет вошел Уид. Он подошел к красному кожаному креслу, без приглашения плюхнулся в него, так, словно был у себя дома, и произнес:

— Я не собираюсь вам надоедать. Я хочу вас нанять.

Вулф наградил меня испепеляющим взглядом. Еще бы, я впустил человека, не посоветовавшись с ним! Когда мы останемся наедине, он обязательно скажет, что думает по этому поводу.

— Я знаю, вы берете немало, но у меня нет недостатка в деньгах. Вам нужен аванс?

Теперь испепеляющего взгляда удостоился и Уид.

— Нет, не нужен, — ответил Вулф. — Вы не только ворвались в мой дом, но и ведете себя неподобающим образом. Арчи, проводи его.

— Погодите… Секундочку… — Замявшись, наш

гость заиграл желваками. Нижняя челюсть у него была мощной — слегка костлявой, но вполне пропорциональной. Наконец он взял себя в руки. — Хорошо, допустим, я был не прав. Попробую начать снова. Сегодня утром с вами встречалась миссис Хейзен. Она оставила у вас револьвер. Где он?

— Вы вторглись ко мне в дом, ведете себя неподобающим образом, а теперь еще вздумали нахальничать. Вынужден настаивать…

— Черт подери, я знаю, что прав! Она сама мне рассказала. Она была здесь, когда узнала… узнала, что нашли его труп! И она хотела вас нанять, хотела выписать вам чек, но вы не пожелали его взять! — Уид оборвал себя и снова заиграл желваками. — Так вот, — продолжил он, — я сам найму вас и оплачу ваши услуги. Я только что вышел из офиса окружного прокурора, а она все еще там. Мне так и не позволили с ней повидаться, но я знаю, что ее не отпустили и что ей собираются предъявить обвинение в убийстве. Вы частный детектив, мои деньги ничуть не хуже других. Я хочу вас нанять, готов вам платить и совершенно не понимаю, почему вы это считаете наглостью с моей стороны. Хорошо, допустим, я слегка поторопился, спросив о револьвере, но, когда я стану

вашим клиентом, у вас не будет оснований скрывать от меня, где он находится. — Уид сунул руку в карман и вытащил не очень толстую пачку банкнот.

Я пытался понять, что происходит. Варианта два. Либо Уид решил поиграть в благородного рыцаря, поскольку искренне считал, что Люси Хейзен не убивала своего мужа, либо он так не считал, но пытался убедить Вулфа в обратном. Так или иначе, но Уид явно очень хотел нас нанять. Поднявшись, он сделал шаг и положил на стол Вулфа деньги.

В тот самый момент, когда Вулф открыл рот, раздался телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал голос Люси Хейзен, желавшей поговорить с Вулфом. Попросив ее немного обождать, я повернулся к нему и произнес:

— Это женщина, которая утром привозила колбаски. Спрашивает, устраивают ли они вас. Если хотите знать мнение Фрица, можете спросить его, а потом поговорить с ней по телефону на кухне.

Он встал и вышел, ну а я продолжал прижимать трубку к уху. Через несколько мгновений из нее прозвучал голос Вулфа:

— Ниро Вулф слушает. Это вы, миссис Хейзен?

— Да. Сегодня утром вы сказали, что если мне

понадобятся ваши услуги, то… — Ее голос дрожал. — Одним словом, мне нужна ваша помощь. Меня собираются арестовать, и я…

— Где вы сейчас находитесь?

— В офисе окружного прокурора. Я не знаю…

— Напоминаю вам, что мы говорим по телефону, поэтому давайте ограничимся самым необходимым.

— Ничего страшного, я в телефонной будке и дверь плотно закрыта.

— Весьма вероятно, что наш разговор не только прослушивают, но и записывают, — презрительно фыркнув, произнес Вулф. — Повторяю еще раз: давайте ограничимся самым необходимым.

— Хорошо. — Она немного помолчала, собираясь с мыслями. — Мне разрешили позвонить адвокату, но у меня нет знакомых адвокатов, за исключением того, что работал с мужем, но он мне не нужен. Вы сможете найти мне адвоката?

— Я пришлю его вам. Поговорите с ним и решите, устраивает он вас или нет.

— Разумеется. Конечно. Но я также хочу воспользоваться и вашими услугами. Вы обещали помочь, если мне понадобятся ваши услуги.

— Я обещал подумать. — Вулф молчал дольше, чем она, так как понимал: если он согласится

помочь миссис Хейзен, ему придется работать, а он больше любил поесть, чем работать. — Хорошо, — наконец проворчал Вулф. — Я к вашим услугам. Один вопрос: вы хоть что-нибудь рассказали о нашей с вами беседе? Да или нет?

— Нет.

— Хорошо. Один вам совет: если вы и вправду собираетесь отказаться от собственности, оставленной вам вашим мужем, пока не выказывайте это намерение ни словом, ни делом. Вам еще придется оплатить кое-какие расходы.

— Но я же вам сказала, что мне ничего от него не нужно…

— Напоминаю, что мы говорим по телефону. Адвокат даст вам аналогичный совет по поводу собственности вашего мужа. Адвоката зовут Натаниэль Паркер. Арчи, соедини меня с мистером Паркером. Я буду говорить с ним отсюда.

Глава 4

Я надавил на рычаг телефона, отпустил его, набрал домашний номер Паркера и, услышав его голос, позвонил на кухню. Вулф взял трубку и сообщил Паркеру лишь самое необходимое — не больше, утаив все то, что миссис Хейзен рассказала нам утром. И хотя Вулф ни словом не обмолвился о револьвере, он сказал, что я считаю миссис Хейзен невиновной и что он, Вулф, разделяет мою точку зрения. Паркеру предстояло организовать освобождение миссис Хейзен под залог. В том случае, если это было невозможно, он должен был отправиться к окружному прокурору и извлечь из этого визита максимум пользы. Дождавшись возвращения Вулфа, я повесил трубку. Он подошел к своему столу, сел и вперил взгляд в Теодора Уида:

— Итак, сэр, вы как нельзя кстати. Только что со мной по телефону говорила миссис Хейзен. Я отправил…

— Где она?

— В офисе окружного прокурора. Она считает, что ее арестуют. Я отправил к ней адвоката и согласился защищать ее интересы. Вы были

уверены, что я отказался взять у нее чек, так как решил, что она убийца или же как минимум замешана в преступлении. Вы заблуждались. В данный момент она мой клиент. — Он ткнул пальцем в лежавшие на столе купюры. — Заберите ваши деньги.

От изумления у Теодора отвисла челюсть. Он явно утратил дар речи.

— Но вы… Не понимаю, почему же вы… — наконец промямлил он.

— Вы не обязаны понимать, а я не обязан вам объяснять. Почему вы решили, что миссис Хейзен убила мужа? Это просто догадка?

— Но я не… Я не считаю, что она его убила. Она его не убивала!

— Если бы я согласился взять ваши деньги, о чем бы вы меня попросили?

— Честно говоря, даже не знаю. Я собирался… посоветоваться с вами. Мне хотелось знать, что с револьвером. Вы отдали его полиции?

Вулф покачал головой:

— Мистер Уид, в данный момент я стою на страже интересов миссис Хейзен. Вы противник или один из них. Допустим, вы убили мистера Хейзена или же вам известно, кто это совершил. Допустим, вы хотите, чтобы это преступление

было повешено на моего клиента. Допустим, в силу некой причины вы подозреваете, что сегодня утром миссис Хейзен оставила оружие у меня, и хотите это выяснить наверняка. Что, если вы действительно мой враг?

Уид уставился на Вулфа во все глаза, и у него снова заходили желваки, но он взял себя в руки.

— Послушайте, — начал он, — я бы хотел кое о чем вас спросить. Я знаю о вашей репутации. Я знаю о вас. Давайте на прямоту: миссис Хейзен действительно только что звонила вам? Вы и вправду работаете на нее?

— Да.

— Хорошо. Откровенность за откровенность. — Он выставил вперед руку. — Можете отсечь мне руку, только если это поможет ей. Можете отсечь обе. Простите за банальность, но ради нее я готов на все.

Вулф, прищурившись, посмотрел на Уида, и я последовал его примеру. Похоже, Теодор говорил совершенно искренне, но даже если и так, от этого он не становился нашим другом. Если он готов ради миссис Хейзен на что угодно и был в курсе того, какие чувства она испытывала к своему мужу, то вполне мог помочь ей от него избавиться. Причем при удачном стечении обстоятельств

устранение мистера Хейзена не стоило бы ему и мизинца.

Опустив локти на подлокотники кресла, Вулф сложил ладони домиком.

— Ну-ну, — произнес он. — Знаете, мне ваша рука без надобности, а вот кое-какая информация не повредит. Когда вы видели мистера Хейзена в последний раз?

— Я хочу знать, где револьвер. Я знаю, что она оставила его у вас. Она сама мне сказала.

— Когда она успела вам об этом рассказать?

— Сегодня днем. Я был у нее дома, когда она вернулась.

— Что еще она вам сказала?

— Не так уж много — у нас совсем не было времени. Нам помешали. Я знал, что Хейзен хранит револьвер у себя в спальне. Я пошел посмотреть, на месте ли он, а когда его не обнаружил, спросил у нее, где оружие. Так где револьвер? В полиции?

— Нет. Раскрою вам еще кое-что. Пуля, оборвавшая жизнь мистера Хейзена, была выпущена из другого револьвера. Если вам уже все известно, то для вас это не новость, если же вы об этом не знали, то можете вздохнуть с облегчением…

— Откуда вам известно насчет пули?

— Довольствуйтесь тем, что мне это известно.

А теперь ваша очередь кое-что рассказать. Когда вы в последний раз видели мистера Хейзена?

— Сегодня утром. В морге. Меня попросили съездить на опознание. В последний раз живым я видел его вчера вечером, у него дома.

— В котором часу?

— Примерно в половине десятого. Плюс-минус пять-десять минут. Полиция просила меня ответить на этот вопрос поточнее, но это выше моих сил.

— При каких обстоятельствах вы его видели?

— Он пригласил нас на обед. Вам назвать имена гостей?

— Да.

— Это были клиенты Хейзена. Миссис Оливер, вдова Виктора Оливера. Миссис Талбот, супруга банкира, мистера Генри Льюиса Талбота. Амброз Пердис — магнат, занимается грузоперевозками. Изобретатель Джулс Хури. Мистер и миссис Хейзен. Ну и еще я. Итого семеро. После ужина Хейзен сказал Люси, то есть своей жене, что мы собираемся поговорить о делах, и она ушла. Вскоре удалился и я, оставив мистера Хейзена с остальными гостями. Больше живым я его не видел.

— Что вы делали последующие шесть часов?

— Я прошелся пешком до пресс-клуба «Овер-

сиз» — он недалеко от дома мистера Хейзена — и просидел там примерно до полуночи. Оттуда я отправился домой и лег спать. Проспал всю ночь.

— Вы были партнером мистера Хейзена?

— Я был его работником.

— В чем заключались ваши обязанности?

— По большей части я занимался писаниной. Составлял официальные заявления для прессы, работал с рекламными материалами — одним словом, возился с макулатурой подобного рода. Кроме того, в ходе работы предполагалось, что я буду пользоваться своими связями. Когда Хейзен нанял меня чуть больше года назад, я был газетчиком.

— Если гости собирались говорить о делах, то почему вы ушли?

— В моем присутствии не было необходимости. Или же они просто не хотели говорить при мне о делах.

— В таком случае зачем вас вообще позвали на обед?

Уид обхватил руками подлокотники, привстал, чтобы сесть в кресло поглубже, и глубоко вдохнул. Помолчав, он провел ладонями по подлокотникам и произнес:

— Вы считаете, что Люси никого не убивала. В

противном случае вы бы не согласились на нее работать. Но даже если она не имеет никакого отношения к преступлению, она попала в чертовски затруднительное положение. Если хотя бы половина слухов о ваших талантах является правдой… Не знаю… Право, не знаю. Когда окружной прокурор спросил, зачем меня позвали на обед, я ему соврал. Быть может, имеет смысл сказать вам правду. Даже если вы можете заподозрить меня в убийстве, хотя я его и не совершал.

— Если убийца — вы, мистер Уид, то вы обречены в любом случае, вне зависимости от правдивости ваших ответов.

— Хорошо, тогда объясню, зачем меня позвали на обед. Это предназначено только для ваших ушей. Хейзену нравилось, когда я находился в одной комнате с его женой, потому что знал, какие я испытываю к ней чувства. Одному Богу известно, как он о них догадался. Разумеется, я старался себя не выдавать, и, на мой взгляд, неплохо с этим справлялся. Уверен, Люси ни о чем не подозревает. Но Хейзен знал. Он был удивительным человеком. У него имелось что-то вроде шестого чувства, или седьмого, или восьмого — он обладал особым нюхом на людей. Однако даже у него случались промахи. Он не знал, как

к нему относится его собственная жена, ну а если все-таки знал, значит был более удивительным человеком, чем я предполагал.

— А вы знали о том, как миссис Хейзен относится к своему мужу?

— Разумеется.

— Откуда? Она вам сама рассказала?

— Боже мой, ну конечно же нет! Сомневаюсь, что она делилась таким даже с лучшей подругой. Впрочем, возможно, у меня разыгралось воображение из-за чувств, которые я испытываю к ней. Я видел, что она едва сдерживается, когда он дотрагивается до нее. Именно поэтому Хейзен и пригласил меня на вчерашний обед. Полагаю, он не рассчитывал увидеть, как я буду корчиться. Ему этого было не нужно. Он и так прекрасно знал, что творится у меня на душе. Разумеется, он был садистом, но садистом чертовски изощренным. Я раскусил его, проработав с ним несколько месяцев. Я не стал увольняться по одной-единственной причине. Я… я встретил ее.

— Она вам отвечала взаимностью?

— Разумеется, нет. Для нее я был просто обычным служащим, работающим на ее мужа.

— Подобное положение я назвал бы безнадежным.

— Вы правы. Попали в самую точку. Мое положение было безнадежным — лучше не скажешь. Я уже начал понимать, в чем заключается принцип вашей работы, и потому без утайки ответил на ваш вопрос, зачем меня позвали на обед. Кроме того, сейчас вы защищаете интересы Люси, и это побуждает меня к откровенности. Пожалуй, вам будет интересно узнать еще кое-что. Хейзен был нечист на руку. Я понимаю, что все эти связи с общественностью — одно сплошное вымогательство, пусть и весьма высокого класса, и все же… Взять, к примеру, четырех гостей, приглашенных на вчерашний обед. Скажите, зачем миссис Оливер, шестидесятилетняя вдова брокера-миллионера Виктора Оливера, выплачивала Хейзену по две тысячи долларов в месяц? Связи с общественностью ей нужны не больше, чем рыбе зонтик. То же самое могу сказать и про миссис Талбот — она платила Хейзену две с половиной тысячи долларов в месяц. Допускаю, что ее мужу вполне мог пригодиться специалист по связям с общественностью, но ей-то он зачем? Размеры суммы, которую выплачивал Джулс Хури, разнились от месяца к месяцу. Иногда мы получали от него пару тысяч, иногда — больше. Возможно, изобретателю нужны хорошо нала-

женные связи с общественностью, хотя я и не понимаю зачем. За время моей работы мы сделали для Хури чертовски мало, непозволительно мало, принимая во внимание, сколько он нам платил. Амброз Пердис, владелец нескольких судоходных компаний, представляется мне самым подозрительным. По работе его связями с общественностью занимается одно из самых крупных агентств в этой области — «Кодрей ассошиэйтс», однако за прошедший год он выплатил Хейзену из своего кармана свыше сорока тысяч долларов. Честно говоря, все это мне не положено знать. Просто в один прекрасный день меня обуяло любопытство, и я покопался в бумагах.

— Человек, нанимающий себе работника, чтобы тот добивался для него признания общества, такого признания не заслуживает вовсе. Вы хотите сказать, что мистер Хейзен вымогал эти суммы?

— Не знаю, но уж точно не зарабатывал. Должен признать, специалистов по связям с общественностью, которые полностью отрабатывают то, что получают, ничтожно мало. А может, их и вовсе нет.

— У него имелись клиенты, помимо названных вами четырех человек?

— Конечно. Около дюжины. Если быть точным, на вчерашний день их было пятнадцать. В общей сложности он зарабатывал больше четверти миллиона в год.

Вулф поднял взгляд на часы:

— Через пять минут наступает время моего обеда. Допустим, моя версия верна и миссис Хейзен не имеет отношения к убийству. Вы тоже отрицаете свою причастность к преступлению. Кто же, на ваш взгляд, убийца?

Шанс получить толковый ответ на подобный вопрос — один на сотню. Представлялось совершенно очевидным, что, прежде чем явиться к нам, Уид даже не удосужился подумать о том, кто убийца. Может, он думал, что убила Люси, может, преступление совершил он сам, — одним словом, у Уида не имелось готового ответа. Предложение Вулфа высказать собственную догадку о личности убийцы очень ему понравилось, однако застало врасплох. Ему пришлось строить свою версию с нуля, и пяти минут ему явно было недостаточно. Возможно, он рассчитывал, что Вулф махнет рукой на обед, хотя и не высказал свою надежду вслух. В итоге Уид предложил вернуться к нам после обеда, но Вулф отказался наотрез, попросив написать его номер телефона и пообещав, что

мы с ним свяжемся. Теодор непременно оставил бы деньги у Вулфа на столе, если бы я вовремя не спохватился и не вернул их ему.

К тому моменту, когда мы расправились с обедом и перешли пить кофе в кабинет, я уже окончательно перестал волноваться за собственную репутацию. Если бы пули совпали, Кремер давно бы с нами связался. Вулф сел подписывать письма, все еще лежавшие у него на столе. Покончив с последним, он протянул его мне и спросил:

— Мистер Уид мог его убить?

— Не знаю, — покачал я головой. — Хоть монету кидай. Впрочем, благодаря Теодору мне кое-что стало ясно. Вы совершенно правильно сказали: чувства презрения недостаточно для того, чтобы толкнуть человека на убийство. Что так снедало ее? Уид. Он сам признал, что она не подозревает о его чувствах и что ни о какой взаимности не может быть и речи. Чушь! Либо он врет, либо простодушен донельзя. За всю свою жизнь я влюблялся десять тысяч раз, и каждый раз моя пассия знала о моих чувствах, прежде чем о них догадывался я сам. Теперь вернемся к вашему вопросу. Может ли Уид быть убийцей? Я буквально разрываюсь. С вашей стороны будет жестоко, если вы выведете его на чистую воду, а потом

выставите миссис Хейзен за это счет. С другой стороны, если он не совершал преступления, вам надо искать убийцу. С чего бы вам начать? По всей вероятности, Хейзен относился к тому типу людей, которые…

Раздался звонок в дверь. Неужели Кремер? Чего же он так долго тянул? Нет, наверняка это Уид, решивший вернуться, чтобы помочь. Не угадал. На крыльце стоял куда более знакомый человек — высокий худой мужчина средних лет в темно-сером пальто, сшитом так, чтобы плечи казались шире. Натаниэль Паркер заказывал себе одежду у Стовера. Я открыл дверь, поздоровался и впустил его в дом. Паркер, не снимая пальто и держа шляпу хомбург в руке, направился в кабинет. Я последовал за ним.

Он входил в число восьми человек, не считая меня, с которыми Вулф здоровался за руку. Он предложил Паркеру сесть, но адвокат отказался, сославшись на то, что уже и так на полтора часа опаздывает на обед.

— Я заехал к вам, а не позвонил, потому что должен кое-что передать. — Он достал из кармана ключ и протянул мне. — Это ключ от дома миссис Хейзен. Возьмите еще и это. — Адвокат вынул из внутреннего кармана сложенный лист

бумаги. — Это официальное разрешение за подписью миссис Хейзен, дающее вам право войти в ее дом и кое-что забрать. Предмет, который вам предстоит взять, если, разумеется, вы захотите, представляет собой железную коробку… Миссис Хейзен сказала «железную», хотя я полагаю, что коробка, скорее всего, жестяная или стальная… Эта коробка находится под нижним ящиком комода в спальне мистера Хейзена. Вам надо вынуть ящик и поднять доску, на которую он вставляется. Под ней вы и увидите коробку. Миссис Хейзен не знает, что находится внутри. Около года назад мистер Хейзен показал ей этот тайник и велел в случае его смерти достать коробку, открыть ее, обратившись за помощью к слесарю, и сжечь содержимое, не разглядывая его. Я подумал, что, возможно, вы захотите взглянуть на эту коробку. Миссис Хейзен очень на этом настаивает. Вы будете действовать от ее имени. Я, как ее адвокат, являюсь посредником.

— Мы будем осторожны и благоразумны, — проворчал Вулф.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. В том случае, если вы сочтете нужным утаить от меня сведения о содержимом коробки, можете просто сказать, что она была пустой. Мне бы хотелось

присутствовать, когда вы будете ее открывать, но у меня назначена встреча. Теперь о миссис Хейзен. Что она рассказала вам сегодня утром?

— Спросите ее сами.

— Уже спросил, но она не желает отвечать. Она выразила готовность сообщить мне об этом, только если вы дадите разрешение. Если ей предъявят обвинение в убийстве, я бы хотел получить интересующие меня сведения — в противном случае мне придется отказаться от дела. Она провела в офисе окружного прокурора свыше пяти часов, возможно, ее задержат еще на пять. Если ее арестуют как важную свидетельницу, я смогу заняться освобождением под залог только утром. На половину десятого утра у меня назначена встреча с адвокатом мистера Хейзена. У него завещание покойного. В данный момент у вас есть ко мне какие-нибудь вопросы?

Получив от Вулфа отрицательный ответ, адвокат удалился. Я проводил его до дверей и, вернувшись в кабинет, спросил:

— У вас будут для меня какие-нибудь особые распоряжения?

— Нет. Дом под охраной полиции?

— Не думаю. Это же не место преступления, Хейзен просто там жил. Мне работать в перчатках?

— Нет. У нас есть ее письменное разрешение.

После одной неприятной истории, в которую я угодил пару лет назад, я всегда беру с собой оружие, когда еду на задание, в ходе выполнения которого у меня есть шанс спутать планы убийцы. Я снял пиджак, извлек наплечную кобуру и «марли», зарядил его, сунул в кобуру, надел ее, затем пиджак, убедился, что ключ от дома Люси у меня в одном кармане, а письменное разрешение в другом, и направился в прихожую за шляпой и пальто.

Глава 5

Я стоял на Тридцать седьмой улице между Парк-авеню и Лексингтон-авеню. Напротив, через дорогу, располагался дом Хейзена, который я внимательно изучал. Он был кирпичным, выкрашенным в серый цвет с зеленой окантовкой и четырехэтажным. Дом казался у́же, чем особняк Вулфа из бурого песчаника, а к парадному входу вели вниз три ступеньки. Я отметил все эти подробности автоматически, на самом деле они были не так уж и важны. Подлинную важность представляла узенькая полоска серебристого света с правого края одного из трех окон на третьем этаже — такая обычно образуется, когда неплотно задергивают занавеску.

Я не знал, где находится спальня Хейзена, — вполне возможно, свет горел именно в ней. Не исключено, сейчас там осматривал комнату следователь из убойного отдела, однако подобное представлялось мне маловероятным — на обыск у полиции было десять часов. Может, горничная? Но что ей понадобилось в спальне покойного в половине десятого вечера? Ее комната уж точно располагалась не на третьем этаже. Кто бы там

ни был, чем бы он ни занимался, лучше не тревожить его звонком в дверь. Я перешел улицу, спустился по ступенькам, аккуратно отпер ключом дверь, вошел, тихонько прикрыл за собой и замер, вслушиваясь, пока мои глаза привыкали к темноте. С полминуты стояла гробовая тишина, а потом откуда-то сверху раздалось нечто вроде глухого удара, а за ним, едва различимо — мужской голос. Значит, людей там несколько, если только незнакомец не вздумал говорить сам с собой. Нельзя исключать, что придется применить грубую физическую силу. С этой мыслью я снял пальто и шляпу и положил их на пол. На цыпочках и на ощупь я прошел по холлу в поисках лестницы и, обнаружив, начал подниматься по ней.

На полдороге я остановился. Неужели я слышу еще один голос — сопрано? Да, точно, мне не показалось. А вот — снова баритон. Я начал подниматься, только медленнее и аккуратнее, стараясь ступать по лестнице поближе к стене. В холл второго этажа сверху проникал свет — его было не так уж и много, но вполне достаточно, чтобы разглядеть очертания предметов. Преодолев второй этаж, я стал двигаться еще медленнее, понимая, что меня могут услышать в любой мо-

мент. Голоса стихли, но вместо них доносились какие-то постукивания. Когда я был на четвертой ступеньке, мои глаза оказались вровень с полом третьего этажа. Холл был точно таким же, как и на втором. Свет лился из полуоткрытой двери в его передней части. Мне удалось разглядеть лишь стул, часть кровати, занавески, прикрывавшие окно, и затылок женщины, сидевшей на стуле. Седые волосы, на голове черная плоская шляпа, похожая на блин.

Я мог бы притаиться и подождать, когда они снова заговорят. Сейчас я уже мог различать слова, но лестница с тактической точки зрения не самое удачное место. Если они откроют дверь и выйдут, свет упадет аккурат на меня, а вот если я доберусь до третьего этажа, заметить меня будет куда сложнее. Я продолжил путь наверх. Когда я поставил ногу на предпоследнюю ступеньку, стук прекратился и баритон произнес:

— Мы напрасно теряем время. В этом нет никакого смысла.

Я миновал площадку и прижался к стене.

— Вы совершенно правы, мистер Хури, — раздалось сопрано.

Я начал красться вдоль стены к двери.

— Не думаю, что они здесь, — прозвучал еще

один женский голос, тембром пониже. — Они вполне могут быть в комнате Люси. Очень в его стиле.

— Хорошо, давайте посмотрим там, — прозвучал еще один мужской голос, более глубокий. Дверь широко распахнулась, и из комнаты быстрым шагом вышел мужчина.

То, что случилось в следующие две секунды, не дает мне никаких оснований для гордости. Во-первых, я был начеку, а незнакомец — нет, а во-вторых, у меня отличная реакция. Дело в том, что я как раз делал очередной осторожный шаг, и это — мое единственное оправдание. Не успел я толком поставить ногу, как незнакомец бросился в атаку и чуть было не положил меня на обе лопатки. Когда в результате удара или толчка вы лишаетесь точки опоры, не ищите ее понапрасну: тем самым вы только навредите себе еще больше. Поддавшись, я повалился на пол, в момент падения подтянул колени к подбородку и со всех сил двинул противника ногами в живот. Весил он немало, но это его не спасло. Удар отбросил его к стене. В тот самый момент, когда я вскочил, из комнаты выбежал еще один мужчина, бросившийся на меня с кулаками. Я отскочил в сторону, ушел от удара, после чего

врезал его правым хуком по почке. Он обхватил себя руками, согнувшись в три погибели, а я отбежал в угол, вытащил «марли» и выставил его так, чтобы видели все.

— Давайте налетайте, если хотите получить дырку в черепе! — проговорил я.

Первый незнакомец, плотного телосложения, стоял у стены и тяжело дышал. Второй, тот, что похлипче, пытался встать прямо. На пороге возникла женщина — та, что сидела, а за ней стояла еще одна.

— Повторяю, пистолет заряжен, поэтому лучше не лезть в карман за сигаретой. Все в комнату, живо, и без резких движений! Если что, я, конечно, буду целиться в плечо или ногу, но стреляю я не самым лучшим образом.

— Кто вы такой? — спросил грузный незнакомец.

— Билли Кид[2]. Марш в комнату, и без фокусов! К дальней стене. Лицом к ней.

Они подчинились. Когда они приблизились к комнате, женщины, стоявшие на пороге, отодвинулись в сторону, и мужчины вошли. Я последовал за ними. Седовласая дама что-то

---

[2] Сноски: 2

Билли Кид (1859–1881) — преступник, легенда Дикого Запада.

затараторила, обращаясь ко мне, но я, помахав пистолетом, велел ей отойти к стене. Когда все незваные гости выстроились у стены, я наскоро ощупал их одежду в поисках оружия и, не обнаружив его, велел не двигаться с места, после чего подошел к кровати. На ней лежали пальто, шляпы и дамские сумочки. Кто из мужчин кто — я разобрался быстро. Здоровяк был королем судоперевозок Амброзом Пердисом. Время от времени я наталкивался на его фотографии в прессе. Я слышал, как второго называли Хури, — значит это и есть изобретатель. Но кто же эти женщины? Когда я открыл дамские сумочки и вывалил их содержимое на кровать, Пердис повернулся и попытался заговорить со мной.

— Молчать! Я пытаюсь обращаться с вами помягче. Мне что, подойти и врезать вам револьвером? Лицом к стене!

Он подчинился. В одной из сумочек я обнаружил кожаный бумажник, битком набитый документами, — в нем нашлись и водительские права, и кредитные карточки, и многое другое.

На некоторых из них значилось «Энн Талбот», на других — «миссис Генри Льюис Талбот». Они принадлежали молодой женщине, которая была столь привлекательна как спереди, так и сзади,

что я обратил на нее внимание, даже несмотря на то, что был занят совсем другим. В сумочке нашлась и кожаная ключница. Я рывком открыл ее и сравнил имевшиеся там ключи с тем, что я получил от Люси. Не совпадают. Я аккуратно сложил все вещи обратно и занялся второй сумочкой. Как оказалось, седовласая дама была миссис Оливер. В ее сумочке я не обнаружил ни ключа, идентичного моему, ни вообще чего-либо интересного. Я обшарил карманы всех четырех пальто. Ключа не нашлось и там.

Обогнув кровать, я осклабился. Мне на глаза попалась одна очень важная деталь: на руках у всех непрошеных гостей были перчатки — обычные, не резиновые, которые они могли бы достать ради такого случая.

— Теперь я знаю, как вас зовут, поэтому могу представиться. Так будет честно, — сказал я. — Меня зовут Арчи Гудвин. Я работаю на частного детектива Ниро Вулфа. Не исключено, что вам доводилось о нем слышать. В данный момент он представляет интересы миссис Хейзен, которая дала мне ключ от дома и письменное разрешение сюда войти. Мне надо знать, у кого из вас ключ, и я это выясню. Можете повернуться ко мне лицом, но не двигайтесь с места — стойте, где

стоите. Сейчас вы разденетесь и свалите одежду на пол. Снимайте все, в том числе туфли, носки и чулки. Нижнее белье можете оставить. Хотя там поглядим.

У четверки вытянулись лица.

— Я не стану раздеваться. Что это за дикость?! — возмутилась Энн Талбот.

Я и не подумал отвести от нее взгляд. Смотреть на нее было сущее удовольствие.

— А что в этом такого? — фыркнул я. — Представьте, что вы пришли в бассейн или на пляж. Раздевайтесь, или мне придется вам помочь. Не думайте, что я постесняюсь.

— У нас нет ключа, — сказала миссис Оливер; у нее было обрюзгшее лицо и маленькие, глубоко посаженные желтоватые глазки, и потому ее вид, в отличие от миссис Талбот, никакого удовольствия мне не доставлял. — Нас впустила служанка. Сейчас она отлучилась, но, когда вернется, можете спросить у нее сами.

— Она будет все отрицать, — бросил Джулс Хури, жилистый смуглый узкобедрый мужчина. Баритон принадлежал ему.

— Слушайте, вас четверо, а я один. Хотите по-плохому — пожалуйста, но сразу предупреждаю, что вас ждет масса неприятного. Раздевайтесь

по-хорошему. Даю вам две минуты. Я поднес к глазам часы на запястье, чтобы не опускать на них взгляд. — Начнем с перчаток. Они мне тоже нужны.

— Неужели это необходимо? — резко спросил Пердис. — Неужели так важно, как мы попали в дом?

— Да. В карманах убитого не обнаружили ключей. Уже прошло двадцать секунд.

Обычно, когда раздевается дама, у меня хватает деликатности отвернуться или же как минимум отвести глаза, однако в данном случае мне пришлось позабыть о манерах — одна из женщин вполне могла прятать за подвязкой чулка револьвер. Мужчины раздевались в два раза дольше женщин. Я решил позволить Энн Талбот оставить на себе бюстгальтер и трусики — вряд ли она стала бы прятать ключ так далеко. У миссис Оливер был столь облегающий корсет, что она при всем желании не смогла бы спрятать под ним ключ. У Хури оказались короткие мужские трусы. Майку изобретатель не носил. Пердис был одет в светло-голубое шелковое исподнее, доходившее до колен. Приказав четверке встать лицом к стене, я отпихнул ногой одежду Пердиса, так чтобы она оказалась вне пределов его досягаемости.

Осмотр одежды отнял у меня больше времени, чем я рассчитывал, во-первых, из-за того, что одна рука была занята револьвером, а во-вторых, меня занимал не только ключ, сошла бы любая находка, способная помочь нам в расследовании. Все без толку. У Хури была ключница, а у Пердиса — брелок. Ни там ни там — ничего интересного. Нельзя сказать, что меня постигло чудовищное разочарование — примерно такого результата я и ожидал, когда четверка разделась и повернулась ко мне спиной. Если бы у кого-нибудь из них имелся ключ Хейзена, он бы попытался его спрятать или же показал, попытавшись объясниться. Удостоверившись, что ни у одного из них нет ни бомбы, ни пушки, я мог слегка перевести дух. Велев присутствующим одеваться, я подошел к столику у изголовья кровати, снял трубку и принялся набирать номер. В этот момент раздался голос Пердиса:

— Подождите минуточку! Одну минуточку! — Он говорил с легким акцентом. — Мне нужно кое-что вам сказать. Куда вы звоните? В полицию?

— Нет. — Я положил трубку. — Говорите, что хотели. Только быстрее и короче.

Он был бы рад поговорить со мной как мужчи-

на с мужчиной, но обстоятельства были против него. В данный момент на Амброзе была только рубашка, а штаны он все еще держал в руках.

— Вы не полицейский, — заметил Пердис.

— Верно. Я же представился.

— Это Арчи Гудвин, — сказала Энн Талбот. — Я видела его в клубе «Фламинго».

— Вы частный детектив, — уточнил Пердис.

— Точно.

— Это значит, что вы оказываете различные услуги за определенное вознаграждение. Мы заплатим вам пятьдесят тысяч долларов, если вы немедленно покинете этот дом и забудете, что вообще сюда заходили. Половина наличными — завтра утром, другая половина — позже. Вам не о чем волноваться. Мы гарантируем, что вы получите деньги. Например, мы можем дать вам расписку.

— Позже? Когда именно?

— Сложно сказать. Вопрос деликатный. Нам нужно разрешить кое-какие сложности и убедиться, что вы действительно все забыли.

— Что-то уж больно расплывчато. Одевайтесь, а там — посмотрим.

Я снова снял трубку и начал набирать номер, а Пердис двинулся на меня. Я показал ему пистолет,

но это его не остановило. Амброз продолжал на меня наступать и одновременно что-то бубнил. Бросив трубку, я направился ему наперерез. Черт подери, обогнув меня, он кинулся к телефону! Изначально я собирался врезать ему револьвером — и плевать на ушибы и кровоподтеки, однако из-за предпринятого Пердисом маневра мне пришлось быстро внести в план кое-какие коррективы. Обхватив его сзади левой рукой под подбородок, я поднял его и с силой швырнул. Он приземлился на четвереньки в девяти футах от меня.

— Хватит устраивать здесь детский сад. Надевайте брюки, — бросил я и, подойдя к телефону, набрал номер. После девяти гудков раздался голос Вулфа:

— Да?

— Это я. Нам нужно пятьдесят штук?

— Ты нашел их в коробке? — проворчал Вулф.

— Нет. До нее у меня еще руки не дошли. Я в спальне Хейзена. Кроме меня, здесь еще четверо: двое мужчин и две женщины. Я поставил их у стены. Это та самая четверка, которая была вчера на обеде. Они что-то искали в этой комнате, но так и не нашли. Только что Пердис пред…

— У кого-то из них ключ Хейзена.

— Нет. Я заставил их раздеться и тщательно обыскал одежду. Они утверждают, что их впустила горничная. Ее сейчас нет. Не сомневаюсь, что ее подкупили. Только что Пердис предложил мне пятьдесят штук, если я соглашусь уйти и обо всем забыть. Я готов с вами поделиться. Не исключено, что он удвоит сумму.

Вулф лишь фыркнул.

— Ты цел? — поинтересовался он.

— Конечно. Я решил позвонить, чтобы предупредить: мы скоро подъедем — может, через полчаса, может, и раньше.

Повисла тишина. Вулф переваривал полученную информацию. Он явно не ожидал, что ему придется поработать, причем не завтра. Более того, ему предстоит общаться с двумя женщинами — и это тоже его не обрадовало.

— Похоже, у меня нет другого выхода, — наконец произнес он и повесил трубку.

К моменту окончания моего разговора с Вулфом Пердис уже стоял с остальными у стены. Когда я повесил трубку, он произнес:

— Мы удваиваем сумму. Вы получите сто тысяч.

— Не тратьте понапрасну силы и время. — Я придвинулся поближе к кровати. — Что бы я

сказал своей супруге, если бы был женат? Как вы слышали, я сказал Ниро Вулфу, что мы подъедем через полчаса, но я готов предоставить вам право выбора. Можете уйти и попытаться забыть о том, что были здесь, а я позвоню инспектору Кремеру и все выложу ему. Все, до мельчайших подробностей. Есть и другой вариант: вы отправляетесь со мной на встречу с Ниро Вулфом. Он поговорит с вами, а потом решит, связываться ему с Кремером или нет. Даю вам две минуты на размышление. — Я посмотрел на свои часы.

— Послушайте, мистер Гудвин, — обратилась ко мне Энн Талбот. Я искренне восхищался ее фигурой, которая была в равной степени прекрасной как в одежде, так и без нее. — Мы искали нечто, принадлежавшее нам. Мы не воры. Мы уважаемые…

— Простите, но, общаясь со мной, вы напрасно тратите время, — оборвал ее я. — Я лишь исполнитель. Мальчик на побегушках. Выбор у вас простой: либо Ниро Вулф, либо полиция. Если вы предпочтете Ниро Вулфа, вам придется немного подождать — мне нужно выполнить одно задание в этой комнате. Вы возьмете свои вещи, спуститесь вниз, выйдете на улицу и поймаете два такси. Одно для вас, одно для меня. Вы сядете

в машину и будете ждать меня у дома. Я скоро спущусь, скорее всего, мне потребуется лишь пара минут. Да, маленькая деталь. Если мнения разделятся и один-два человека из вашей компании предпочтут уйти, вместо того чтобы ехать к Вулфу, я сразу звоню в полицию. Я бы предпочел этого не делать, но вы не оставите мне выбора.

Двое из присутствующих — Пердис и миссис Оливер — одновременно заговорили, но я оборвал их и отошел от кровати. Энн Талбот взяла свое пальто, и Хури поспешил помочь ей надеть его. Затем изобретатель надел пальто сам.

— Какой у нас выбор? — бросила Энн Пердису и миссис Оливер.

После этого Пердис взял с кровати пальто миссис Оливер и отнес его даме, а она забрала свою сумочку.

Последним вышел Пердис. Когда он начал спускаться по лестнице, я закрыл дверь, подпер ее стулом и, подойдя к массивному комоду у левой стены, вынул нижний ящик, в котором лежало сложенное одеяло. Отставив ящик в сторону, я присел перед проемом. Доска, на которую вставлялся ящик, была из массива, а не из фанеры, крепкой и пригнанной на совесть. Сперва я попытался подцепить ее ногтями, но у меня ничего

не получилось. Пришлось пустить в ход перочинный нож, лезвие которого я вставил в трещину, обнаруженную в центре доски. Дело пошло на лад. Когда мне удалось приподнять ее, я сунул в проем руку и мои пальцы нащупали металл. Взявшись за предмет, я потянул его на себя и вытащил коробку. Она была стальной, совсем не хрупкой, двенадцать дюймов на шесть, высотой два дюйма, и весила добрых четыре фунта. На ней имелся замок — такой пилкой для ногтей не взломаешь. Я потряс коробку, но ничего не услышал, впрочем, это ни о чем не говорило. Поставив доску на место, я задвинул обратно ящик, убрал стул, открыл дверь и направился к лестнице. Внизу царила тишина. Ни шума, ни звуков голосов. Представляю, какой эффект произведет на них мое появление с коробкой, которую я обнаружил в спальне Хейзена. Я спустился на один этаж и замер, вслушиваясь. Так прошло с полминуты. Четверка включила внизу в холле свет. Моя шляпа и пальто по-прежнему лежали на полу. Я сунул «марли» в кобуру, надел пальто и шляпу, запихнул коробку под пальто, удерживая ее рукой в кармане, выключил свет и открыл дверь.

Четверка досконально выполнила мои ин-

струкции. У тротуара стояли два такси, и они, все четверо, сидели в задней машине. Посмотрев на них, я велел их шоферу ехать за моим такси, сел в автомобиль, назвал водителю адрес, и мы поехали.

Глава 6

Когда вы, поднявшись по семи ступенькам, войдете в прихожую старого особняка из бурого песчаника на Тридцать пятой улице, то первая дверь слева от вас ведет в гостиную, а дальше располагается дверь в кабинет. Стены и двери гостиной и кабинета звуконепроницаемые. Проводив четверку в гостиную и попросив немного обождать, я вернулся в прихожую, повесил пальто и шляпу на вешалку, прошел в кабинет и поставил коробку на стол перед Вулфом.

— Я явился в дом Хейзена как нельзя вовремя, — сообщил я, — еще час-другой, и, возможно, ее бы нашли.

Потянувшись к коробке, Вулф провел по ее краю кончиками пальцев.

— Ты не открывал, — утвердительным тоном произнес он.

— Совершенно верно. Отличный замок. Они в гостиной — все четверо. Я предоставил им выбор: либо полиция, либо вы. Они предпочли вас. К тому, что я сообщил вам по телефону, добавить нечего. Прежде чем мы откроем коробку, мне бы хотелось озвучить одну догадку. Понятное

дело, содержимым этой коробки Хейзен каким-то образом шантажировал нашу четверку, но я о другом. Я, кажется, знаю, что у Хейзена было на миссис Оливер. Она убила своего мужа. Погодите, пока не увидите ее сами.

— Какая мерзость! — поморщился он. — Принеси ключи.

Я подошел к шкафу у дальней стены, выдвинул ящик и принялся выбирать инструменты. Не стану свидетельствовать под присягой, что я специалист по вскрытию замков, однако разбираюсь в их типах, и если запастись терпением, то я смогу открыть ваш чемодан обычной скрепкой. Водрузив коробку на свой стол, я принялся за дело. Чтобы вскрыть замок, я выбрал четыре набора ключей. Через три минуты я забраковал первый набор, еще через три — второй. Третий набор показался мне более перспективным. В тот самый момент, когда я уже весь взмок, Вулф потерял терпение и прорычал:

— Принеси отвертку и молоток!

В этот самый момент замок щелкнул. Я поднял крышку. Коробка была пустой. Я поднял ее и показал Вулфу:

— Вы правы. Иначе как мерзостью это не назовешь.

Вулф глубоко вдохнул и выдохнул:

— На самом деле все не так уж и плохо. Не исключено, что находка вызвала бы дополнительные хлопоты. Возможно, многочисленные. Насколько я могу судить, мистер Хейзен решил, что напрасно рассказал своей жене о коробке, и перепрятал содержимое. Но где же оно? Где-то в особняке?

— Сомневаюсь.

— Я тоже. — Вулф откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и выпятил губы. Мгновение спустя он втянул их, затем снова выпятил, потом опять втянул. Обычно он так двигал губами, когда погружался в размышления. Прошла минута, вторая, третья… Наконец он открыл глаза и сел прямо: — Запри коробку и оставь ее у себя на столе. Ключи убери. Когда их впустишь, держи наготове револьвер. Затем садись к себе за стол. Там и оставайся. Приступай.

Я подчинился. Заперев коробку и положив ключи обратно в шкаф, я поставил в ряд перед столом Вулфа четыре желтых кресла, достал револьвер и, открыв дверь в гостиную, пригласил их в кабинет. Первыми вошли дамы, за ними проследовали мужчины. Я подошел к своему столу и представил присутствующих. Когда они сели, сел

и я, по-прежнему держа в руке револьвер.

Вулф скользнул взглядом направо, потом налево.

— Беседа не займет много времени, — сказал он. — Во-первых, несколько слов о сложившемся положении. Обойдусь без эвфемизмов. Вас шантажировал мистер Хейзен — либо всех вместе, либо каждого по отдельности… Пожалуйста, не перебивайте. Имелись и другие жертвы шантажа, но от вас четверых он в общей сложности получал около ста пятидесяти тысяч долларов в год, которые якобы выплачивались ему в качестве гонорара за его профессиональные услуги. Я не в курсе, знает об этом полиция или нет, но я об этом осведомлен. Последние сомнения рассеялись, после того как мистер Гудвин обнаружил вас в доме покойного, куда вы тайно проникли, чтобы отыскать нечто важное для вас, а потом, будучи схваченными за руку, предложили мистеру Гудвину крупную сумму денег. Довольно…

— Я ничего не предлагала! — выпалила миссис Оливер. — Это мистер Пердис.

— Пф! — фыркнул Вулф. — Вы же были в доме? Надеюсь, вы не станете этого отрицать? Довольно об этом. Я действую от имени и в интересах моего клиента миссис Хейзен. В данный момент

ее задержали по подозрению в убийстве мужа. Мне удалось кое-что от нее узнать. В частности, мне известно, что около года назад ее муж показал ей коробку, металлическую коробку, которую хранил у себя в спальне. Он показал тайник, в котором ее хранил. Он вынул нижний ящик комода и снял нижнюю доску — под ней и находилась коробка. Он сказал, что в случае его смерти она должна достать эту коробку, вскрыть ее, обратившись за помощью к слесарю, и сжечь ее содержимое, не просматривая его. Именно за этой коробкой и отправился мистер Гудвин. Миссис Хейзен дала ему ключ и письменное разрешение на посещение ее дома. После того как вы вышли из комнаты, он извлек нижний ящик комода и достал из тайника коробку. В данный момент она стоит у него на столе.

Вулф был в своем репертуаре. Я не говорил ему, что выставил четверку из комнаты, прежде чем заняться комодом, я не упоминал, что никто из них не видел коробку, — все это он воспринял как само собой разумеющееся. Мне нравится, что он отдает должное моим талантам и предусмотрительности, однако, боюсь, в один прекрасный день он меня переоценит. Я не имел ни малейшего представления, куда он клонит, но решил ему

немного подыграть. Не выпуская из правой руки револьвер, левой я взял коробку и показал ее присутствующим. В нее тут же впились четыре пары глаз. Энн Талбот что-то пробормотала. Пердис было вскочил, но передумал и сел на место.

— Значит, она была там, — чуть слышно произнес Джулс Хури.

Да, в руках я держал оружие, но их все же было четверо. По этой причине я встал, обогнул присутствующих, подошел к сейфу, поместил туда коробку и запер его. Не успел я вернуться на свое место, как Вулф продолжил:

— У меня к вам есть предложение, но сперва мне хотелось бы задать один-два вопроса. Моя главная цель проста: я хочу доказать, что миссис Хейзен не убивала своего мужа. Вчера вечером вы все сидели за одним столом. После обеда она удалилась к себе. Вскоре ушел и мистер Уид. Я не собираюсь спрашивать у вас, в котором часу вы разошлись и в каком порядке, куда вы направились после обеда и чем занимались. Все это вы уже успели сообщить полиции. Если бы эти подробности хоть как-то могли помочь в расследовании преступления, полиция уже вышла бы на след убийцы. В делах подобного рода стражи закона — настоящие профессионалы. Тут они

могут меня опередить, взяв числом. Меня интересует другое. О чем вы беседовали с мистером Хейзеном, после того как его жена и мистер Уид ушли? О чем шла речь?

— Ни о чем, — ответил Хури.

— Вздор! Мистер Хейзен сказал жене, что хочет кое-что с вами обсудить. О чем именно шла речь?

— О всякой ерунде. Ничего серьезного. Он открыл шампанское. Мы потолковали о фондовом рынке. Потом он спросил, на какие спектакли в последнее время ходила миссис Талбот. Потом он попросил Пердиса рассказать о грузовых судах.

— Еще он говорил о ядах, — подал голос Пердис.

— А еще он рассказывал об отце своей жены, — добавила миссис Оливер. — Сказал, что отец его жены был выдающимся изобретателем, настоящим гением.

Вулф раздраженно посмотрел на четверку:

— Это переходит всякие границы. Если покойный говорил о делах особого рода, которые вел с вами, вполне естественно, что вы не стали об этом рассказывать полиции. Однако я в отличие от полиции знаю о том, что именно вас связывало с убитым. И желаю знать, о чем шла речь

за столом.

— Вы не понимаете, мистер Вулф, — подавшись вперед, с жаром произнесла Энн Талбот. — Это естественно, ведь вы не были с ним знакомы. Он был чудовищем. Демоном. Он не собирался говорить о делах, он просто хотел собрать нас вместе, и нам ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Это было вроде изощренной пытки. Он желал, чтобы каждый из нас знал о других и чтобы каждый был осведомлен, что мы знаем друг о друге. Он любил наблюдать за тем, как мы пытаемся себя вести так, словно мы… словно мы обычные гости, пришедшие к нему на обед. Вы не представляете, что это был за человек.

— Он был сущим дьяволом, — сказал Пердис.

Вулф смерил присутствующих изучающим взглядом:

— Он делился хотя бы с одним из вас, что именно дает ему такую власть над остальными? Необязательно вчера. Может, намекал?

Энн Талбот и Хури молча покачали головой.

— Нет, что вы, нет! — ответила миссис Оливер.

— Думаю, он намекал, — протянул Пердис. — Например, своим разговором о ядах. Да, пожалуй, это был намек.

— Однако никакой конкретики, никаких де-

талей?

— Никаких.

— После всего услышанного вынужден заметить, что он был человеком не самым достойным. Впрочем, он мертв, а мы все сидим здесь. Как я уже сказал, у меня к вам предложение. Весьма вероятно, что в той коробке он хранил некие доказательства порочащих вас сведений, которыми он располагал. Коробка у меня в сейфе. Я не хочу и не собираюсь в нее заглядывать. Однако нельзя забывать, что моим клиентом является миссис Хейзен, и я считаю своим долгом защищать как ее саму, так и ее собственность. Никто не может обязать миссис Хейзен выполнить распоряжение мужа и сжечь содержимое коробки. Уничтожать нечто столь ценное — глупое донкихотство. Я готов передать коробку вам, вам четверым, за один миллион долларов.

Четверка, выпучив глаза, уставилась на Вулфа.

— Согласен, сумма немалая, однако я бы не стал называть ее непомерной. Если бы мистер Хейзен прожил еще семь лет, вы заплатили бы ему больше, и этому не было бы конца. Сейчас вы можете положить этому конец. Если я доверю вам самим распределить между собой размер доли каждого, вы, скорее всего, перессоритесь, а

время поджимает. Я желаю, чтобы каждый из вас выплатил мне в течение суток двести пятьдесят тысяч долларов — либо наличными, либо банковским чеком. Не надо думать, что мы с миссис Хейзен занимаемся вымогательством. Об этом не может быть и речи, ведь ни я, ни она не видели содержимого коробки. Просто я, как ее представитель, хочу сказать, что вы можете получить это содержимое за сумму, которую я вам только что назвал.

— Вы утверждаете, что не открывали коробку, — сказал Пердис.

— Именно так, — кивнул Вулф.

— А что, если она пуста?

— Если она пуста, то и платить ничего не надо. — Вулф кинул взгляд на часы. — Коробка будет вскрыта завтра в полночь в присутствии вас четверых или же раньше, как только вы выполните поставленные мной условия. Если она пустая, то и делу конец. Если там что-то есть, то нас ждут определенные сложности. Естественно, ни один из вас не пожелает, чтобы другие копались в ее содержимом. Лично меня оно не интересует. Я предлагаю следующее. Мистер Гудвин умеет держать язык за зубами. После того как мы откроем коробку, он будет извлекать предметы один за

другим, бегло осматривать их исключительно для того, чтобы определить владельца, после чего передавать их хозяину. Если у вас есть предложение лучше, я с радостью готов его выслушать.

Миссис Оливер попеременно облизывала губы и нервно сглатывала. Пердис, поджав губы, подался вперед, его мощные широкие плечи вздымались и опадали в такт дыханию. Хури, вздернув подбородок и длинный тонкий нос, смотрел, прищурившись, на Вулфа. Глаза Энн Талбот были закрыты, а на ее очаровательной шейке подергивался мускул.

— Я понимаю, — начал Вулф, — достать такую крупную сумму в столь короткий срок не самая простая задача, но она выполнима. Больше времени я вам дать не рискну. Хотя коробка и ее содержимое являются собственностью миссис Хейзен, полиция, вне всякого сомнения, в рамках расследования убийства сочтет ее вещественным доказательством и потребует себе. Я не осмелюсь скрывать такое от полиции больше суток. — Резко отодвинув кресло, Вулф встал. — Жду вас завтра.

Если Вулф и считал, что разговор закончен, то они полагали иначе. Миссис Оливер хотела, чтобы коробку открыли немедленно и чтобы я

показал ее содержимое. Хури заявил, что речь как раз идет о самом настоящем вымогательстве. Как еще назвать подкрепленное угрозами предложение собрать за сутки миллион долларов? Пердис потребовал, чтобы им предоставили время и возможность переговорить с миссис Хейзен, но ему объяснили, что она за решеткой. Промолчала лишь Энн Талбот. Она стояла, вцепившись в спинку кресла, и жилка на ее шее все еще подергивалась. Решив, что их надо поторопить, я принес им верхнюю одежду. Энн Талбот попала в рукав только с третьей попытки.

К тому моменту, когда четверка вышла и за ними закрылась дверь, а я вернулся в кабинет, Вулф уже выбрался из-за стола.

— Должен вам кое-что сказать. Не исключено, что утром миссис Хейзен уже выпустят под залог, и тогда им не составит никакого труда на нее выйти. Вы же до одиннадцати будете в оранжерее, и беспокоить вас нельзя. Даже если ее оставят за решеткой, у этой четверки есть связи и адвокаты. Особое внимание я обратил бы на Пердиса. Не исключено, что он играет в покер с окружным прокурором. Я могу позвонить Паркеру, попросить его встретиться с ней завтра утром и передать следующее: что бы она ни услышала,

пусть не думает, что вы сошли с ума. Вы просто гений и прекрасно понимаете, что делаете, хотя все остальные ничего не могут понять. В том числе и я.

— В этом нет необходимости. — Он направился к двери, у порога остановился и обернулся. — Проверь, заперт ли сейф. Я устал. Спокойной ночи.

Черт подери, он же прекрасно знает, что я всегда проверяю, заперт ли сейф! Впрочем, надо отдать должное, не часто там оказывается вещь стоимостью один миллион долларов. Поднявшись в свою комнату на третий этаж, я принялся раздеваться, одновременно пытаясь догадаться, какой следующий шаг сделает Вулф. Что же будет дальше? У меня имелось несколько вариантов, и все они мне решительно не нравились.

Так получилось, что ход событий следующим утром определил не я и не Вулф, а инспектор Кремер. Как обычно, в одиннадцать утра Вулф спустился из оранжереи, а я к этому моменту, опять же как обычно, уже распечатал письма, вытер пыль и сменил воду в вазе на его столе. Первым делом Вулф подошел к ней, поставил в нее ветку орхидей, после чего обогнул стол и сел. В этот самый момент в дверь позвонили. Я вышел посмотреть, кто это. Оказалось, что на крыльце

стоит Кремер. Когда я доложил об этом Вулфу, он хлопнул по столу ладонью, наградил меня испепеляющим взглядом и ничего не сказал. Я пошел открывать. Когда инспектор снял пальто и шляпу, позволив их забрать, мне очень не понравилось выражение его лица. Он буквально осклабился при виде меня и, вместо того чтобы сломя голову кинуться в кабинет, направился туда неспешным шагом. Вольготно расположившись в красном кожаном кресле, он положил ногу на ногу и сказал Вулфу:

— У меня не так много времени. Я хочу, чтобы вы рассказали, зачем вчера к вам приходила миссис Хейзен — только самую суть, а затем Гудвин поедет со мной, и мы оформим ваши показания протоколом. Все до последнего слова. С его чудесной памятью это не составит никакого труда.

Вулф разгневанно посмотрел на него:

— Мистер Кремер, перестаньте…

— Не тратьте лишних слов. Ей официально предъявлено обвинение в убийстве. Мы нашли оружие. Вечером в понедельник Хейзен забрал свою машину из гаража. Ее нашли припаркованной на Двадцать первой улице. В бардачке обнаружили револьвер. Именно из него и была выпущена пуля, убившая Хейзена. Револьвер уже

проверили. Хейзен купил его шесть лет назад. У него было на револьвер разрешение. Он хранил его у себя в спальне. Служанка видела оружие вчера утром, когда поднялась в спальню Хейзена, чтобы узнать, почему он не вышел к завтраку. Не спрашивайте меня, зачем миссис Хейзен снова взяла его, вернулась на Двадцать первую улицу, туда, где оставила машину, и положила его в бардачок. Я этого не знаю, однако, быть может, это знаете вы. Вот поэтому давайте теперь послушаем вас.

Глава 7

Я крепко зажмурил глаза, чтобы они от изумления не вылезли из орбит. Мне очень не хотелось, чтобы Кремер увидел меня потрясенным. Нет, такое удовольствие я инспектору не доставлю! Впрочем, нельзя забывать о своем долге — я обязан помогать Вулфу всякий раз, когда ему это требуется, а сейчас ему позарез было нужно несколько секунд, чтобы собраться с мыслями. Именно поэтому я открыл глаза и с деланым любопытством поинтересовался:

— А что за револьвер вы там нашли?

Кремер пропустил мой вопрос мимо ушей. Он наслаждался произведенным на Вулфа эффектом и потому не желал отвлекаться на меня. Вулф в очередной раз засвидетельствовал мне свое уважение. Несмотря на то что именно я высказал предположение о невиновности миссис Хейзен, он даже не посмотрел в мою сторону. Он опустил голову, почесал кончик носа, секунд десять разглядывал инспектора и наконец повернулся ко мне:

— Арчи, нам не помешает, если все сказанное мистером Кремером останется на бумаге. Садись

за пишущую машинку. Зафиксируй все. Слово в слово. Двойной интервал, одна копирка.

— Не возражаю, — кивнул Кремер, глядя, как я принялся выполнять распоряжение Вулфа. — Понятное дело, вам нужно поморочить мне голову и выиграть время, чтобы сообразить, как выбраться сухими из воды и при этом не захлебнуться.

Вулф не удостоил его ответом. Я заправил бумагу и забарабанил по клавишам. В силу своей работы на протяжении немалых лет мне приходилось подолгу держать в памяти разные пространные разговоры, поэтому воспроизвести слова инспектора не составило для меня никакого труда. Закончив работу, я выдернул бумагу из машинки.

— Подпиши оригинал, — распорядился Вулф.

Сделав, как он велел, я протянул листок ему. Он внимательно, неторопливо его прочел, взял ручку, поставил свою подпись и, вернув бумагу мне, повернулся к инспектору:

— Вы напрасно обвиняете меня в том, что я тяну время. Если сказанное вами правда, вы имеете все основания требовать от меня нужные вам сведения. Если вы мне лжете, значит вы обманом пытаетесь выманить у меня конфиденциальную информацию о моем клиенте, и потому я хотел

бы в письменной форме…

— Так она ваш клиент?

— В данный момент — да. Однако вчера, когда вы были здесь, она еще не являлась им. Она наняла меня позже, при посредничестве мистера Паркера. Итак, ваши слова зафиксированы в письменной форме. Считаю это разумной предосторожностью. В котором часу в понедельник вечером мистер Хейзен забрал машину из гаража?

— Вскоре после одиннадцати.

— То есть это случилось уже после того, как приглашенные на обед гости разошлись?

— Да, они разошлись без четверти одиннадцать.

— Кто-нибудь был в гараже, кроме мистера Хейзена?

— Нет.

— Видели ли его с кем-нибудь в машине или вне ее, после того как гости разошлись без четверти одиннадцать?

— Нет.

— Следствие полагает, что его застрелили в переулке, там, где и нашли тело?

— Нет, его застрелили в машине.

— Вы располагаете дополнительными фактами,

каким бы то ни было образом доказывающими вину миссис Хейзен? Я говорю не о догадках, а о фактах. Кто-нибудь видел ее в машине или в непосредственной близости к ней? Может, кто-нибудь видел ее за рулем? Кто-нибудь видел ее в автомобиле ночью, когда он был уже припаркован на Двадцать первой улице? Может, ее кто-нибудь видел там вчера, когда она, по вашему утверждению, вернулась к машине, чтобы положить револьвер в бардачок?

— Нет, никаких фактов подобного рода у меня нет. Но я рассчитывал получить их от вас.

— И не напрасно. Вы их получите. Когда вы узнали, что миссис Хейзен виделась со мной, вы, вполне естественно, сосредоточили свое внимание на ней, однако нисколько не сомневаюсь, что вы его уделили и другим. Вы узнавали, чем занимались гости, после того как разошлись?

— Да.

— И что, у них у всех есть железобетонное алиби?

— Такого алиби — нет.

Вулф смежил веки. Мгновение спустя он открыл глаза.

— В этом все и дело, — произнес он и глубоко вдохнул. — Разумеется, то, на что я сейчас пойду,

мне очень не нравится. Вы будете считать, что взяли надо мной верх, хотя, конечно же, это не так. Мне нужны кое-какие сведения, и я могу получить их только от вас. Именно поэтому я иду на уступку. В противном случае вы ничего от меня не узнали бы и я с готовностью принял бы всю ответственность за возможные последствия. Итак, мне нужно знать, откуда взялся револьвер, который вчера оставила у меня миссис Хейзен. Если вы согласитесь…

— Она оставила вам револьвер?

— Да. Я расскажу вам о том, как получил этот револьвер, и отдам вам его, если вы как можно скорее проверите его по вашим картотекам, выясните, откуда он взялся, и сообщите мне. Вы обещаете, что это сделаете?

— Я не могу дать вам подобного обещания. Миссис Хейзен обвиняется в убийстве. Если она оставила револьвер у вас, значит он является уликой в деле.

— Ошибаетесь, — покачал головой Вулф. — Это улика в моем расследовании, в моем, а не в вашем. Оружие, которое пустил в ход убийца, уже и так у вас. Вам просто нужно выяснить, откуда взялся этот револьвер. Это нисколько не повредит вашему делу. Вы согласны?

Кремер задумался, наконец он спросил:

— Вы обещаете рассказать, что именно она говорила об этом револьвере?

— Обещаю.

— Ладно. Где он?

— Вы даете слово сделать то, о чем я прошу?

— Да.

— Арчи, достань револьвер.

Я подошел к сейфу и присел на корточки, чтобы ввести шифр. Обычно если я в кабинете, то не запираю его, но из-за той коробки решил не рисковать. После того как я набрал комбинацию цифр и достал револьвер, я снова запер сейф. Направившись к Кремеру, я произнес:

— Кстати, я задал вопрос, на который так и не получил ответа. Какой системы найденный вами револьвер? Тот самый, из которого убили Хейзена.

— «Дрексель». Тридцать второй калибр.

— Как и этот. — Я протянул инспектору оружие. — Разумеется, таких «дрекселей» тридцать второго калибра несколько миллионов.

Кремер осмотрел револьвер и, черт меня подери, обнюхал! Я уже говорил, такое делаешь на автомате. Выдвинув барабан, он заглянул и в него.

— Из него стреляли вчера, — сказал Вулф. — Мистер Гудвин выстрелил один раз, чтобы добыть пулю. Ту самую, что я передал вам.

— Ага, — кивнул Кремер. — Вы способны пойти на все что угодно. Вы понимаете, что из него… Хотя нет, черт побери, это невозможно! Ну что ж, я готов вас выслушать.

Вулф принялся рассказывать. Ему, как и мне, это явно не нравилось, но у нас не было другого выхода. Требовалось добыть столь нужные нам сведения о револьвере — без помощи Кремера мы бы убили на это несколько дней. Вулф не стал вдаваться в детали, в частности, он ни разу дословно не воспроизвел сказанное миссис Хейзен. Несмотря на это, он изложил суть беседы — до переданных по радио новостей и после них. Вулф не стал упоминать причины, в силу которых я решил, что наша гостья невиновна. Я не имел ничего против — это могло привести Кремера в смятение и в результате спутать нам карты. Впрочем, рассказ Вулфа и без того привел его в некоторую растерянность. К его концу инспектор принялся покусывать губу и недоверчиво поглядывать на Вулфа. Когда тот замолчал, Кремер некоторое время глядел на револьвер, а потом резко спросил:

— О чем вы предпочли умолчать?

— Ни о чем, — покачал головой Вулф. — Вы услышали все самое важное. Вы просили самую суть — вы ее получили. Сколько вам потребуется времени, чтобы получить данные об этом револьвере?

— Ничего не понимаю. Она приходит к вам и вешает лапшу на уши. Потом вы узнаете, что ее мужа убили, а мы ее задержали. И после этого вы согласились на нее работать? Решительно ничего не понимаю! Вы же никогда прежде не брали в клиенты убийц. Не знаю почему. Может, все дело в вашем чертовом везении, а может, по какой другой причине. Но убийц среди ваших клиентов не было. Зачем вы согласились на нее работать?

Вулф едва заметно, криво улыбнулся:

— Я спросил мнения мистера Гудвина, и он сказал, что она невиновна. Он безупречно разбирается в женщинах моложе тридцати. Сколько вам потребуется времени, чтобы получить данные об этом револьвере?

— Чушь какая! — Кремер встал. — Про револьвер — не знаю. Такое дело может занять час, а может и неделю. Гудвина я забираю с собой. Отвезу его в офис окружного прокурора. Там составят подробный протокол о том разговоре. В

два часа я пришлю сотрудника, он снимет ваши показания — тоже под протокол. Если я потащу вас с собой, вы лишь…

— Никаких протоколов я подписывать не стану. Я не обязан это делать. В том случае, если вы пришлете сотрудника, его не пустят на порог. Если у вас есть вопросы — задавайте.

Круглое красное лицо Кремера сделалось еще краснее. Впрочем, он понял: пора остановиться. Инспектору уже доводилось три раза возить Вулфа в полицейское управление, и он прекрасно помнил, чем все заканчивалось. Похоже, память об этом остановила его и сейчас. Сунув револьвер в карман, он повернулся ко мне:

— Поехали, Гудвин. Там разберемся.

Стоило мне встать, зазвонил телефон. Сняв трубку, я услышал расстроенный голос Паркера:

— Арчи? Это я, Нат Паркер. Миссис Хейзен задержана по обвинению в убийстве. Разумеется, об освобождении под залог не может быть и речи. Я хочу повидаться с Вулфом, прежде чем встретиться с ней. Мне нужно знать, что она сказала ему вчера. Я приеду через двадцать минут.

— Хорошо, — отозвался я. — Он как раз в прекрасном расположении духа. Приезжайте. — Повесив трубку, я повернулся к Вулфу. — Через

двадцать минут к вам заедет Паркер.

С этими словами я отправился в прихожую за пальто и шляпой. По пятам за мной следовал Кремер.

Глава 8

В ходе последующих девяти часов у меня была масса возможностей собраться с мыслями: сперва в полицейской машине по дороге в офис окружного прокурора, потом по дороге оттуда в убойный отдел на Двадцатой улице, а затем во время вынужденного безделья, когда стражи закона в разных чинах, в том числе и окружной прокурор, думали, что им делать дальше.

Ситуация представлялась мне ужасно запутанной еще до того, как около трех заместитель окружного прокурора любезно позволил мне воспользоваться телефоном и я позвонил Вулфу. Естественно, ключом ко всему был револьвер. Что тот, что этот. Если Люси нам соврала, сколько в ее словах было правды, а сколько лжи? Что за револьвер во вторник утром видела в ящике комода служанка? Тот самый, из которого застрелили Хейзена, или тот, что Люси принесла Вулфу? Если первое — значит Люси соврала и потому либо сама убийца, либо его знает. Если второе — кто и когда его туда положил? И главное — зачем?! Не скажу, что на эти вопросы не имелось ответов. Беда заключалась в другом: вариантов этих от-

ветов было слишком много. Большинство из них сходилось в том, что Люси обвела меня вокруг пальца, и потому я их отверг.

Сперва около часа меня развлекал помощник окружного прокурора Мэндел, с которым мне уже доводилось сталкиваться раньше. В паре с ним работал лейтенант из убойного отдела. Не возникало никаких сомнений, что, как и для меня, загадка с двумя револьверами оказалась для них крепким орешком, однако они не торопились это признавать. Потом, когда мы занялись сэндвичами и кофе, продолжая при этом беседовать, Мэнделу позвонили. Они удалились с лейтенантом в другую комнату, а когда вернулись, ход допроса кардинально изменился. Револьверы их больше не интересовали. Теперь их в первую очередь волновало то, что именно Люси сказала Вулфу и мне, они хотели, чтобы я воспроизвел ее слова дословно. Наконец, незадолго до трех, Мэндел вызвал стенографистку и велел мне диктовать ей свои показания. Естественно, кабинет был оборудован для звукозаписи. Они получат огромное удовольствие, сравнивая то, что я надиктовал, с тем, что я наговорил в ходе допроса. Именно тогда я настоял на звонке, и меня отвели в телефонную будку.

Трубку снял Вулф.

— Это я. Говорю из телефонной будки в офисе окружного прокурора. Возможно, здесь есть прослушка. Такое впечатление, что меня будут допрашивать еще неделю. У меня пытались выведать насчет револьверов, но потом кто-то позвонил по телефону, и к револьверам интерес пропал. Мне подумалось, что вас это заинтересует.

— Мне все уже известно. — Вопреки моим ожиданиям, в голосе Вулфа не слышалось ноток уныния. — Мистер Кремер позвонил в начале второго. Револьвер, который ему дали мы, отследили быстро — это не составило никакого труда. В тысяча девятьсот пятьдесят третьем году его приобрел отец миссис Хейзен — Тит Постэл. Пять лет назад, в тысяча девятьсот пятьдесят пятом, он из него застрелился.

— И она хранила его у себя?

— Пока не удалось установить. Я велел мистеру Паркеру спросить ее об этом. У них сегодня днем встреча. Ну а я пока вызвал Сола и дал ему задание.

Я бы с удовольствием поинтересовался, какое именно задание дал Пензеру Вулф, но предпочел этого не делать — наш разговор могли прослуши-

вать. Когда нам требуется помощь, мы в первую очередь обращаемся к Солу Пензеру, лучшему частному сыщику города Нью-Йорка. Берет он за свои услуги больше, чем другие, зато и делает в пять раз больше. Я предупредил Вулфа, что могу не успеть домой к обеду.

Когда я принялся диктовать показания стенографистке, моя голова была занята совсем другим. Копы, похоже, раскусили загадку с двумя револьверами — появление второго револьвера, по сути дела, сыграло им на руку, а положение Люси стало и вовсе безнадежным. Теперь им не нужно доказывать, что она в помрачении рассудка после убийства забрала револьвер домой, положила в комод, а на следующий день отнесла обратно и положила в машину. Нет, ее план был куда хитрее. В понедельник она взяла из комода револьвер мужа, а на его место положила свой, некогда принадлежавший ее отцу. Застрелив супруга, она оставляет его оружие в машине, во вторник достает из комода револьвер отца и оставляет его у Вулфа, навешав ему лапши на уши. При этом со всей очевидностью можно заключить, что она не в курсе о существовании у револьверов серийных номеров, по которым можно отследить оружие. С точки зрения поли-

цейских, прекрасная рабочая версия. О такой можно только мечтать.

Для меня же ситуация складывалась хуже не придумаешь. Пока я был не готов сдать Люси и признать, что я в ней ошибся. Прежде у меня было слишком много вариантов ответов на имевшиеся вопросы, теперь у меня этих ответов не стало вовсе. Все это я обмозговывал, пока диктовал показания, в ходе которых, по идее, должен был изложить все сказанное Люси нам с Вулфом, а это, согласитесь, очень непросто. Когда я закончил, меня отвели в кабинет окружного прокурора, в котором его хозяин на пару с Мэнделом вымотывали мне душу еще около часа. Закончили они в половине седьмого, и я решил, что сегодня стражи закона от меня больше ничего не захотят. Я ошибался. Кремер желал меня видеть у себя в убойном отделе. Меня предупредили, что если я стану артачиться, то меня задержат как главного свидетеля. Поскольку это означало, что я застряну до утра — раньше Паркера ко мне просто не допустят, — я решил быть паинькой.

Положение чуть скрасило лишь одно. Когда Кремер приказал одному из сотрудников принести чего-нибудь перекусить, тот оказался человеком приличным и счел, что даже собака

имеет право есть то, что ей по вкусу. Поэтому мне подали именно то, о чем я просил: молоко и сэндвичи из ржаного хлеба с солониной. За исключением этого светлого момента, в остальном все было скучно и безрадостно. Мне пришлось провести в обществе Кремера и сержанта Пэрли Стеббинса свыше двух часов. Я даже не смог побить свой личный рекорд с лейтенантом Роуклиффом — однажды я довел его до заикания всего за две минуты и двадцать секунд. Я заключил пари с Солом Пензером, что с трех попыток повторю этот фокус, но уже за две минуты.

Наконец Кремер и Стеббинс решили, что с меня довольно. Мои часы показывали 21:32, часы на стене — 21:34, но они в отличие от моих спешили. Миновав приемную полицейского участка, я вышел на улицу. Я постоял на тротуаре, сделал три глубоких вдоха свежего морозного воздуха, чтобы хорошенько проветрить легкие, и принялся думать, куда мне пойти. Если направо, в сторону Восьмой авеню, то это такси, если налево, к Девятой авеню, то пятнадцатиминутная прогулка пешком. Решив прогуляться, я двинулся налево. Не успел я сделать и трех шагов, как вдруг кто-то схватил меня за плечо и резко рванул, прорычав:

— Ах ты, гнида поганая!

Рывок чуть развернул меня. Завершил я разворот уже своим ходом и по своей воле. Передо мной стоял Теодор Уид. Он сжал кулаки, а правую руку уже согнул в локте и отвел назад для удара. Играя желваками, он мерил меня полыхающим взглядом.

— Не здесь, кретин, — сквозь зубы проговорил я. — Даже если тебе и удастся мне врезать, в чем я лично сильно сомневаюсь, я начну звать полицию, и она, поверь мне, тут же объявится. Кроме того, прежде чем ты меня вырубишь, я имею право узнать, почему я гнида. Итак, почему?

— Сам знаешь почему. Ты дерьмо. И твой Ниро Вулф тоже дерьмо. Говорите, что работаете на Люси? Черта с два! Вы отдали полицейским ее оружие.

— С чего ты взял?

— Догадался. По вопросам, которые они мне задавали. Что, будете отрицать?

Честно говоря, после тяжелого дня голова у меня работала не лучшим образом, однако на пределе своих возможностей. Стоящего передо мной человека ни в коем случае пока нельзя было сбрасывать со счетов. Он лично обещал отдать обе руки на отсечение, лишь бы помочь

Люси, и он сам же признал, что она не знает о чувствах, которые он испытывал к ней. Беседа с ним не повредит. Более того, она может оказаться полезной, но я пока не знал, что задумал Вулф, и потому не мог захватить Теодора с собой домой.

Уид по-прежнему сжимал кулаки.

— Вот что я тебе скажу, — начал я. — Сейчас мы повернем с тобой за угол. Там есть ресторан «У Джейка». Я куплю тебе выпить, и мы с тобой обо всем поговорим. Если после разговора у тебя не пропадет желание набить мне морду, Джейк предоставит в наше распоряжение подсобку, если мы, конечно, дозволим ему насладиться зрелищем нашей драки. Ну потом, если захочешь, можешь причесаться. Твоей шевелюре это не повредит.

Мое предложение ему не понравилось, но у него не было выбора. Рядом начали останавливаться прохожие, заметившие его угрожающую позу и сжатые кулаки. А тут еще на крыльце полицейского участка появился патрульный, который с интересом уставился на нас. Теодору не оставалось ничего, кроме как согласиться.

После того как мы расположились за столиком у стены и сделали заказ, я объяснил Уиду, что мне надо позвонить. Не поверите, он встал и поплелся

за мной к телефону. Чудовищные манеры, но я счел за лучшее не заострять на этом внимания. Я даже позволил ему стоять рядом и слушать. Я набрал номер, и несколько мгновений спустя Вулф взял трубку.

— Это я. Звоню из ресторана на Восьмой авеню. Рядом со мной стоит и дышит мне в затылок Теодор Уид. Он остановил меня на улице и сообщил, что мы с вами дерьмо, потому что передали револьвер полиции. Когда я спросил, откуда он знает, он ответил, что догадался по вопросам, которые ему задавали. Это вполне возможно, поскольку он только что вышел из убойного отдела. Вероятно, его допрашивал Роуклифф, а что Роуклифф за человек, вы прекрасно знаете сами. Я заказал ему выпить, однако, возможно, вы захотите принести ему личные извинения за то, что отдали нашего клиента на растерзание. Мистер Уид жаждет крови.

— Никакой выпивки. Немедленно домой.

— У вас есть Сол.

— Сейчас его нет. Мне нужен ты. Миссис Оливер и мистер Пердис сидят в гостиной. Миссис Оливер торчит там с семи вечера. В любой момент может подъехать мистер Хури. Этот чертов телефон разрывается весь день. Он не умолкает

ни на секунду. Полчаса назад пятый раз кряду позвонила миссис Талбот. Она выразила надежду, что поспеет к десяти. Сейчас уже почти десять. Знаешь, я подумал… Привези-ка с собой Уида. Я хочу задать ему один вопрос.

— Сперва вам придется его обуздать.

Вулф презрительно фыркнул:

— Привези его, и точка. Через сколько тебя ждать?

Я обещал подъехать через пятнадцать минут, и Вулф повесил трубку.

— На выпивку нет времени, — сообщил я Теодору, — и на кулачный бой тоже. Отправишь меня в нокаут как-нибудь в другой раз. Мистер Вулф желает меня видеть. Если хочешь, поехали вместе.

— Когда я тебя увидел, то как раз собирался к нему, — с мрачным видом сообщил Теодор.

— Вот и славно. Кстати, хочу тебя предупредить, что он носит на поясе нож, которым предпочитает бить в спину.

По дороге к выходу я сунул официантке, которую звали Джил, пару долларов. Оказавшись на улице, мы остановили такси и, забравшись в машину, понеслись к Вулфу. По дороге я попытался привести Теодора в чувство.

— Посуди сам, — сказал я, — допустим, мы с Вул-

фом дерьмо и решили сдать ее полиции. Что ты в этом случае можешь сделать? Да ничего. Разве что пристрелить нас, но даже это ей не поможет. Правда заключается в том, что мы по-прежнему всячески пытаемся ей помочь, а вот ты как раз — нет. Мы знаем, что она не убивала своего мужа. А ты либо был уверен, что убийца она, и, возможно, пребываешь в этой уверенности и сейчас, либо ты сам его пристрелил. Первый вариант ставит под сомнение искренность тех чувств, что ты испытываешь к ней. Второй вариант говорит о том, что ты классно все провернул, — убийство твоих рук дело, а страдает за это она. Остынь и хорошенько все обдумай.

— Зачем вы отдали оружие полиции?

— Я же сказал, хорошенько все обдумай. Мы работаем на нее, а не на тебя.

Долго, очень долго Теодор молчал. Наконец, когда мы свернули на Тридцать пятую улицу, он сказал:

— Я считаю, что она не убивала своего мужа.

— Страшно за тебя рад. Мы тебе очень признательны.

— А я вам нет.

— Это не имеет никакого значения, но мы все равно запомним.

Напротив старого особняка из бурого песчаника у тротуара был припаркован черный лимузин, внутри которого сидел шофер. Наверняка автомобиль миссис Оливер. Преодолев семь ступенек, я открыл дверь своим ключом, но она оказалась на цепочке. Пришлось звонить и беспокоить Фрица. Когда мы вошли в дом, я снял пальто и шляпу, а Фриц помог раздеться Теодору.

— Слава Богу, Арчи, слава Богу! — твердил Фриц.

Когда я поинтересовался, за что он благодарит Всевышнего, Фриц тут же ответил:

— За то, что ты наконец здесь. Тут творится настоящий кошмар. Три телефонных звонка за обедом… А еще эта дама в гостиной…

— Представляю. Сколько сейчас человек в гостиной?

— Трое. Она и двое мужчин.

Значит, Хури уже здесь. Я отвел Уида прямо в кабинет. Вулф сидел за своим столом с книгой.

— Я желаю знать… — направился к нему Теодор.

— Заткнитесь! — проревел Вулф.

Рев Вулфа способен остановить изготовившегося к прыжку тигра. Уид замер и вперил в него испепеляющий взгляд. Вулф дочитал абзац до

конца, вставил закладку, закрыл книгу, отложил ее в сторону и не терпящим возражений тоном приказал:

— Сядьте! Терпеть не могу разговаривать, задирая голову. Сядьте, сказано вам! Когда вы в понедельник вечером явились к Хейзену на обед, остальные гости были уже там?

— Я хочу знать, зачем вы отдали револьвер…

— Вы что, осел? Похоже — да, если полагаете, будто я стану отчитываться перед вами. Сядьте! Вы сказали, что готовы дать руку на отсечение ради миссис Хейзен. Руку можете оставить себе, мне от вас нужны лишь кое-какие сведения. Мне повторить свой вопрос?

У стола Вулфа все так же стояло пять желтых кресел. Уид опустился в ближайшее и пригладил пятерней волосы. Тщетно — чтобы привести его шевелюру в порядок, требовалась расческа.

— Когда я пришел, миссис Оливер и Хури уже были там, — ответил Теодор. — Пердис и миссис Талбот появились вскоре после меня. Не понимаю, к чему вам…

— Именно это мне и хотелось узнать. Пока вы сидели за столом, кто-нибудь из присутствующих отлучался на время, достаточное для того, чтобы добраться до спальни мистера Хейзена и вернуть-

ся назад? Хорошенько подумайте. Забудьте на секунду о ваших дурацких обидах с претензиями и попытайтесь сосредоточиться на том, что сейчас более важно.

Уид и попытался. Для этого ему потребовалось отвести глаза от Вулфа, тогда Уид откинул голову назад и уставился в потолок. Он не торопился. После продолжительного молчания он опустил голову:

— Нет. Я практически уверен, что никто из них никуда не отлучался. Мы все время были вместе и до того, как проследовали в столовую, и после. Разумеется, когда я ушел, все гости сидели в столовой, а что было дальше…

В дверь позвонили. Я направился в прихожую, но Фриц уже открыл. Увидев, кто переступил порог, я вернулся в кабинет и кивнул шефу.

— Миссис Талбот? — уточнил Вулф.

— Да, сэр.

— Мистера Уида в прихожую, четверку — сюда, затем мистера Уида — в гостиную. Он может понадобиться несколько позже.

— Я никуда не пойду! — объявил Уид. — Буду здесь сидеть, пока не…

— Еще как пойдете. Мне надо работать, а не пререкаться с вами. Вон! Вон!

— Черт подери, если я…

— Вон!

Я как раз стоял в дверях. Уид глянул на меня, и я холодно посмотрел на него в ответ. Тогда он встал и направился в прихожую. Когда он удалился от меня на четыре шага, я подошел к двери в гостиную и открыл ее.

Глава 9

Я усадил Энн Талбот в кресло, располагавшееся ближе всего ко мне, потому что, судя по выражению ее лица и походке, ей в любой момент мог потребоваться нашатырный спирт, а он как раз имелся у меня в одном из ящиков стола. Рядом с ней уселся Джулс Хури, затем миссис Оливер, а за ней — Амброз Пердис. Я ждал, что они что-нибудь скажут, особенно миссис Оливер, которая проторчала у нас больше трех часов, однако никто из них даже не пикнул. Я чувствовал себя распорядителем на похоронах.

Вулф обвел присутствующих взглядом:

— Поскольку вы все здесь, осмелюсь заключить, что вы решили принять мое предложение. Миссис Оливер?

Она сидела ко мне в профиль, и потому я не видел ее глубоко посаженных желтых глазок. Ее обрюзгшие щеки и двойной подбородок под этим углом обзора казались еще менее привлекательными. Открыв сумочку, она извлекла из нее листок бумаги:

— Банковский чек на двести пятьдесят тысяч долларов. Мне осталось его только подписать. И

я это сделаю. Или не сделаю.

— Разумеется. Это будет зависеть от того, что находится в коробке. Миссис Талбот?

Энн Талбот раскрыла рот, но не произнесла ни звука. Заговорить у нее получилось только со второй попытки:

— У меня банковский чек на шестьдесят пять тысяч долларов и еще сорок тысяч — наличными. Остальную сумму я обещаю внести, как только смогу. Думаю, через месяц, может, это займет и больше времени. Естественно, вы захотите получить от меня расписку… Я сделаю все, что скажете… Я пыталась… — Ей пришлось сглотнуть. — Я пыталась… — Она снова сглотнула. — Я старалась как могла.

— Мистер Пердис?

— Банковский чек с моей долей.

— Чек на всю сумму?

— Да.

— Мистер Хури?

— У меня ничего нет.

— Ну-ну. И что же вас сюда привело?

— Я желаю знать, что в коробке. Если там есть нечто такое, ради чего я захочу расстаться с четвертью миллиона долларов… Что ж, тогда вы получите эти деньги.

— Сумму надо внести к полуночи. — Вулф глянул на часы. — У вас будет полтора часа.

— Не думаю, что мне вообще понадобится платить. Более того, я считаю, что миссис Хейзен вообще не в курсе о происходящем. Полагаю, вы просто решили надавить на нас, не ставя ее об этом в известность. Впрочем, меня это не волнует. Я желаю знать, что в коробке.

— Что ж… — Вулф отвел глаза от изобретателя, чтобы окинуть взглядом присутствующих. — Наш уговор не предусматривал подобного развития событий. Двое из вас согласны на мои условия и, разумеется, не должны пострадать из-за упрямства мистера Хури. Что же касается вас, миссис Талбот, я склонен поверить вашим заверениям, что вы приложили все усилия, чтобы собрать названную мной сумму. Денег не хватает? Не страшно, я согласен на расписку. Что же касается вас, мистер Хури… Коль скоро вы решили проявить своенравие, проявлю его и я. Если в коробке содержится нечто, имеющее отношение к вам, в полночь я передам это полиции. Арчи! Коробку и ключ! Мы нашли от нее ключ, — пояснил Вулф собравшимся.

Решив ему подыграть, я сперва взял из ящика стола «марли», зарядил его и только после этого

направился к шкафу за ключом, а затем уже к сейфу. Когда я набирал код, то стоял к посетителям спиной. Справившись с замком, я повернулся к ним и, не выпуская их из виду, открыл дверцу и достал коробку. Мне очень хотелось посмотреть на выражение их лиц. Насколько я мог предположить, либо Пердис, либо Хури, а может, и тот и другой явились сюда с расчетом бесплатно нагреть руки, если, конечно, им представится такой шанс. Все четверо заерзали на стульях, чтобы лучше меня видеть. Когда я, обогнув их, прошел к столу Вулфа, они проводили меня взглядом. В тот самый момент, когда я ставил коробку перед Вулфом, зазвонил телефон. Очень вовремя! Я собрался попросить Вулфа снять трубку, но он это сделал и так:

— Да? Да, Сол. Ну-ну… В этом нет надобности… Верно… Нет, оставайся там. Арчи уже здесь… Насколько ты в этом уверен?.. Очень хорошо… Нет, позвони примерно через час.

Когда Вулф положил трубку, его глаза сверкали.

— Открывай! — приказал он мне, кивнув на коробку.

Я вставил ключ в замок, немного повозился, отпер его, слегка приоткрыл крышку, замер для

большего эффекта и наконец объявил:

— Пусто!

Пердис вскочил и бросился к столу, и я автоматически вскинул руку с револьвером, забыв, что эта часть спектакля уже подошла к концу. Убрав оружие в карман, я взял коробку со стола и показал всем, что внутри ничего нет.

— Черт бы вас подрал! — рявкнул Пердис. — Вы ее вычистили и все забрали себе! У вас был ключ!

Миссис Оливер воскликнула что-то невнятное. Энн Талбот наклонила голову и закрыла лицо руками. Джулс Хури вскочил, собираясь что-то предпринять, но передумал и сел обратно.

— Пошевелите мозгами, Пердис, — сказал Хури. — Он ведь даже не знал, что она пустая. Зачем ему…

— Ошибаетесь, — резко оборвал его Вулф. — Я знал, что она пустая. Знал еще вчера, когда предложил вам заключить сделку.

Они потеряли дар речи. Энн Талбот подняла голову.

— Я предложил вам сделку не из каприза, не из желания вам досадить. Я пошел на это с определенной целью и этой цели достиг. Арчи, у тебя оружие наготове? Встань у дверей. Пока отсюда

никто не выйдет.

Пердис, громко возмущаясь, направился обратно к своему креслу, а Хури снова вскочил. Поскольку я не имел ни малейшего представления о том, что сейчас будет, то счел за лучшее просто выполнить приказ Вулфа, у которого явно имелся какой-то план. Я обошел сидящих, закрыл дверь и встал к ней спиной с револьвером в руках. Не обращая на них внимания, Вулф снял телефонную трубку и принялся набирать номер. Я сразу догадался, кому он звонит. Вулф не стал заглядывать в записную книжку, а наизусть он считает нужным помнить только три номера. Прежде чем Вулф открыл рот, я знал, что он попросит позвать к телефону мистера Кремера. Через несколько мгновений инспектор взял трубку на том конце провода.

— Мистер Кремер? Ситуация приняла именно тот оборот, что я и ожидал. Через сколько вы сможете подъехать с миссис Хейзен?.. Нет, я не стану этого делать… Я предупредил вас больше получаса назад, что практически наверняка вам позвоню… Нет, я же сказал вам, что ее присутствие обязательно. Если вы приедете без нее, вас не пустят на порог… Да, я готов выдвинуть свою версию… Да… Да!

Миссис Оливер тоже вскочила. Теперь стояли уже все, кроме Энн Талбот.

Стоило Вулфу положить трубку, как Пердис прошипел сквозь зубы:

— Черт вас подери, вы отдали содержимое коробки копам!

— Нет, — покачал головой Вулф. — Вы что, дурак? Думаете, я устроил этот спектакль, потому что мне больше нечем заняться? Проклятье! Сядьте! Мне нужно кое-что вам сказать. Вам это лучше услышать до появления мистера Кремера.

— Я ухожу, — объявила миссис Оливер. — Вы устроили дурацкий розыгрыш, и я обещаю, что очень об этом пожалеете. Я ухожу.

— Никто никуда не пойдет. Мистер Гудвин не станет в вас стрелять, но только потому, что ему это не потребуется. Сядьте!

Поскольку Хури стоял рядом с креслом, ему, чтобы выполнить распоряжение Вулфа, нужно было лишь согнуть ноги в коленях. Пердис по дороге к своему месту толкнул миссис Оливер и даже не извинился. Она посмотрела на меня и села, решив, что Вулф прав и я справлюсь с ней и без оружия.

— Вы слышали, что я сказал. Скоро сюда приедет мистер Кремер. С ним будет миссис Хейзен.

Нам придется раскрыть тайну тех особых отношений, которые вы поддерживали с мистером Хейзеном. Увы, этого избежать нельзя. Однако мистеру Кремеру совершенно не обязательно знать о том, что вы вчера вчетвером без спроса вторглись в дом покойного. Я считаю, что поступил правильно и справедливо… Не перебивайте меня, у нас не так много времени…

Однако Пердис не желал молчать:

— У вас нет доказательств, что нас с Хейзеном связывали особые отношения.

— Да неужели? — фыркнул Вулф. — А ваша попытка подкупить мистера Гудвина? Так вот, я считаю, что поступил правильно и справедливо, сообщив троим из вас о коробке. Все, что я рассказал о ней вчера вечером, было правдой. Мистер Хейзен действительно показывал ее жене и приказал в случае своей смерти сжечь ее содержимое. Мистер Гудвин действительно достал ее из тайника в комоде, после того как выставил вас за дверь. Когда мистер Пердис спросил, открывал ли я ее, я ответил отрицательно. Это сделал мистер Гудвин, и она была пустой.

— Я вам не верю, — заявила миссис Оливер. — Это обман.

— Верно, мне пришлось на него пойти, — кив-

нул Вулф. — Однако, утверждая, что коробка была пустой, я говорю правду. И вы, трое, имеете право эту правду знать. Разумеется, вы, мягко говоря, горите желанием узнать, где ее содержимое. Этого не знаю ни я, ни мистер Гудвин. Уверен, миссис Хейзен тоже не имеет об этом ни малейшего представления. Со всей очевидностью можно предположить, что мистер Хейзен в некий момент перепрятал ее содержимое. Если бы я мог предложить…

— Они у нее, — резко произнесла миссис Оливер. — Они у Люси Хейзен. Наверное, вы сами об этом не знали — в противном случае вы бы не стали нас просить приготовить деньги. Она сперва убила его, а потом забрала их. Ничего, теперь она у нас в руках. Она за решеткой, но это ничего не меняет. Все равно она у нас в руках до скончания наших дней.

— Не верю. — Это были первые слова, которые произнесла Энн Талбот, после того как открыли коробку. — Люси не стала бы этого делать. Но теперь все даже хуже, чем раньше… Теперь мы не знаем… А я так старалась…

— Я не верю, что коробка была пустой, — заявил Хури Вулфу. — Я считаю, что вы врете.

— А я так не думаю, — буркнул Пердис. — Зачем

ему врать? Ведь мы притащили ему шестьсот пять тысяч долларов. — Он перевел взгляд на Вулфа. — Но этот Кремер… Речь ведь идет об инспекторе Кремере?.. С вашей точки зрения, он должен знать о том, что вы изволите называть нашими особыми отношениями с Хейзеном. Зачем ему это?

В дверь позвонили. Я был на посту и мог позволить Фрицу открыть дверь, но, поскольку они сидели и не представляли видимой угрозы, я все же решил впустить инспектора сам. Я прошел через прихожую и глянул через одностороннюю стеклянную панель. Я полагал, что Кремер явится один — у него просто не хватит времени забрать Люси из камеры. Однако на крыльце с инспектором стояла именно она. Подле нее возвышался сержант Пэрли Стеббинс. Скорее всего, он доставил ее в полицейское управление после первого звонка Вулфа. В тот самый момент, когда я убрал револьвер в карман, из гостиной выскочил Теодор Уид. Молодой человек рванул к входной двери. Он не мог слышать звонок — дверь и стены гостиной были звуконепроницаемыми, значит либо он увидел полицейских и Люси из окна, либо ему помогло шестое чувство.

Я не стал лишать его удовольствия открыть

дверь самому. Кремер смерил Теодора взглядом и вошел в дом. Переступив порог, Люси увидела Теодора и замерла. Она не могла отвести от него глаз, а он — от нее. Теодор было протянул к ней руку, но тут же опустил ее.

— Давайте, миссис Хейзен, проходите, — прорычал у нее за спиной Стеббинс.

Она посмотрела на меня, потом снова на Уида.

— Все под контролем, миссис Хейзен, — успокаивающе произнес я, и Теодор сделал шаг назад.

В тот момент я подумал (кстати сказать, я и сейчас придерживаюсь аналогичного мнения), что Уид собирался предупредить Люси о том, что мы с Вулфом — пара предавших ее иуд, но при виде Люси лишился дара речи. Он молча стоял и смотрел на нее, пока Кремер и Стеббинс снимали пальто, а я помогал Люси снять ее пальто и повесить его на вешалку. Когда мы направились в кабинет, он двинулся следом. Я посчитал бессмысленным пытаться загнать его обратно в гостиную. Если на руках у Вулфа есть козыри, присутствие Теодора роли не сыграет.

Переступив порог кабинета, Кремер сделал три шага, остановился и обвел присутствующих взглядом. Я ему не завидовал. Все четверо были птицами очень высокого полета. У них имелось

и положение в обществе, и связи, и адвокаты, и деньги. И вот он стоит в кабинете частного детектива, а рядом с ним женщина, которой предъявили обвинение в убийстве. Разумеется, у него имелись все основания здесь находиться — инспектор подозревал, что допустил промах и настоящий убийца все еще гуляет на свободе. Когда Вулф звонил Кремеру, я отсутствовал, однако подозреваю, Вулф пообещал снабдить Кремера другим подозреваемым, вместо миссис Хейзен, а Кремер знал, что в подобных случаях Вулф слов на ветер не бросает.

Естественно, он не стал раскрывать присутствующим подлинные причины, заставившие его приехать сюда. Повернувшись к собравшимся, он сказал:

— Я явился сюда, так как Вулф обещал мне, что здесь будете присутствовать вы, и я желаю знать, что он собирается вам сказать. Я привез с собой миссис Хейзен, поскольку из сказанного Вулфом заключил, что ее присутствие здесь необходимо в интересах правосудия. Я хочу, чтобы вы ясно поняли: я представитель закона и не рассчитываю, что частный детектив будет выполнять мои обязанности. Там, где заканчивается сфера его полномочий, начинается сфера моих, дающих

мне право вмешаться, что, если потребуется, я и сделаю.

Он подошел к красному кожаному креслу и сел. Стеббинс подвел Люси к свободному креслу, стоявшему рядом с Пердисом, а сам встал за ее спиной. Таким образом, бежать Люси было некуда — в трех шагах перед ней сидел Кремер. Уид предпочел кресло у большого глобуса, а я направился к своему столу.

— Мистер Стеббинс, — начал Вулф, — миссис Хейзен находится под арестом, и вы, естественно, обязаны ее охранять, однако я сильно сомневаюсь, что она попытается сбежать. Впрочем, если хотите взять под охрану настоящего убийцу мистера Хейзена, я бы посоветовал вам встать рядом с мистером Хури.

Повисла гробовая тишина. Ни звука. Несколько мгновений Кремер, Люси, миссис Оливер и Энн Талбот смотрели на Вулфа. Пердис и сержант Стеббинс вперили взгляды в Хури. Сидевший у глобуса Уид встал, сделал шаг и остановился. Голова Хури качнулась назад. Изобретатель уставился на Вулфа:

— Вы обо мне? Других Хури здесь нет.

— Естественно, о вас. — Вулф повернул голову к инспектору. — Как я и говорил, мистер Кремер, у

меня есть своя версия того, кто является убийцей, однако, кроме нее, я ничего не могу вам больше предложить. У меня нет неопровержимых улик, у меня вообще нет доказательств. Мне известны лишь косвенные факты, натолкнувшие меня на мысль о том, что преступление совершил мистер Хури. Во-первых, мистер Хейзен был шантажистом. Он вымогал крупные суммы денег. Его жертвами были не только эти четверо. Имелись и другие. В качестве ширмы он использовал свою деятельность консультанта по связям с общественностью. В его распоряжении имелась…

— Вы ничего не докажете! — выпалила миссис Оливер.

— Еще как докажу, — спокойно ответил Вулф. — У вас в сумочке чек на сумму в четверть миллиона долларов. И кому вы собирались его передать? За какие такие услуги? Мой вам совет, мадам, придержите лучше язык. В беседе с мистером Кремером я предпочел бы ограничиться лишь самым необходимым для обоснования своей точки зрения, но, если вы меня вынудите, я расскажу все. Вам не стоило бросать мне вызов, но уж коли вы это сделали, хочу задать вам вопрос. Вы выплачивали мистеру Хейзену определенные суммы якобы в качестве гонорара за его профес-

сиональные услуги. На самом деле эти деньги он у вас вымогал?

Она опустила глаза на сумочку, стоявшую у нее на коленях, подняла взгляд и коротко ответила:

— Да.

— В таком случае не надо меня перебивать. — Вулф снова повернулся к Кремеру. — Мистер Хейзен владел некими компрометирующими материалами — какими именно, я не знаю. Прошлым вечером я сказал этим четверым, что готов передать им эти материалы за один миллион долларов, и дал сутки, чтобы они собрали сумму. Каждый должен был принести по двести пятьдесят тысяч. И вот извольте взглянуть. Трое из них…

— Компромат у вас? — быстро спросил Кремер.

— Нет. И я не имею ни малейшего представления, где он. Я этих материалов в глаза не видел. И вот эта четверка снова собралась у меня… Кстати, я предпочел бы, если бы вы обождали с вопросами, пока я не закончу… Итак, трое из них: миссис Оливер, миссис Талбот и мистер Пердис — пришли с деньгами. Именно это мне и было нужно. В своих действиях я исходил из гипотезы, которую, безусловно, следовало проверить. Я предположил, что мистера Хейзена убила одна из его

жертв. Убивать его имело смысл только в одном случае — ради доступа к компромату, вынуждавшему ее выплачивать кругленькие суммы. На некоторое время оставим факты и перейдем к догадкам. Компроматом завладел мистер Хури. Каким-то образом, возможно, обещанием крупной суммы денег, ему удалось заставить Хейзена в понедельник вечером взять из гаража машину, приехать к нему на встречу и привезти с собой компромат. Не надо думать, что я высосал эту догадку из пальца. Три человека пришли сегодня ко мне с деньгами, а мистер Хури — нет. Он знал, что я не смогу подкрепить свою угрозу делом. Он остался невозмутимым, даже когда я сказал, что через полтора часа передам компрометирующие его материалы в полицию.

— Давайте вернемся к фактам! — прорычал Кремер и повернул голову. — Мистер Хури, вы что-нибудь хотите сказать?

— Нет. — Судя по улыбке Хури, могло показаться, что он наслаждается происходящим. — Какой сказочный вздор вы несете. Вообще-то, я не озаботился сбором денег, потому что не поверил, что у мистера Вулфа есть материалы, способные скомпрометировать кого-либо из нас.

Вулф даже не посмотрел в его сторону. Его

взгляд оставался прикованным к Кремеру.

— Вы хотите фактов? Хорошо, как насчет беседы, которая состоялась за столом в понедельник вечером, после того как миссис Хейзен и мистер Уид ушли. Разумеется, вам известны все подробности состоявшегося разговора, ваши подчиненные скрупулезно всех допросили, однако вы до последнего момента не знали, что Хейзен был шантажистом, который не только вымогал деньги у жертв, но и любил их помучить. В ходе беседы он затрагивал темы, со всей очевидностью имевшие отношение к компромату, который он на них имел, например о ядах. Я не знаю, к кому конкретно относился данный намек, впрочем, мне это не интересно. Одна из затронутых тем явно касалась мистера Хури. Мистер Хейзен упомянул, что отец его супруги являлся выдающимся изобретателем, настоящим гением, а отец Люси Хейзен, Тит Постэл, работал с мистером Хури. Таким образом, мне представлялось вероятным, что компрометирующие материалы на мистера Хури каким-то образом связаны с Титом Постэлом. Впрочем, вчера вечером я не счел нужным уделять этому особое внимание, поэтому просто ограничился тем, что запомнил этот факт в расчете на то, что он может пригодиться в даль-

нейшем.

Глубоко вдохнув, Вулф продолжил:

— Сегодня произошли два события, вынудившие меня выделить мистера Хури из числа остальных. В начале второго вы позвонили и сказали, что револьвер, который получили от меня, является собственностью Тита Постэла, из которого он застрелился пять лет назад. Вскоре после этого позвонил мистер Хури и поставил меня в известность, что сегодня вечером будет присутствовать на встрече, но денег платить не станет. Я не воспроизвожу дословно его слова, лишь передаю их суть.

Изобретатель тихо фыркнул.

— Вы что-то хотите сказать, мистер Хури? — спросил Кремер.

— Нет, — отозвался тот.

— Теперь перейдем к оружию, — кивнул Вулф. — Револьвер, из которого был застрелен мистер Хейзен и который впоследствии был обнаружен в его машине, обозначим буквой «Х». Револьвер мистера Постэла, который я передал вам сегодня утром, обозначим буквой «П». То, что я сейчас скажу, нельзя назвать установленным фактом, но и догадкой это тоже не назовешь — уж слишком высока степень правдоподобия моей

версии. Когда в понедельник вечером мистер Хури отправился на тот нелепый обед, он взял с собой револьвер «П». В ходе…

— Вы можете это доказать?

— Разумеется, нет. Я рассказываю вам то, что случилось, а не то, что могу доказать. Во время обеда он изыскал возможность проникнуть в спальню мистера Хейзена, взять из комода револьвер «Х» и положить вместо него револьвер «П». Сделал он это по двум причинам. Во-первых, если Хейзен в силу каких-то причин полезет за оружием, то обнаружит его на месте — револьверы были одинаковыми. Вторая, и главная, причина заключалась в том, что мистер Хури хотел подставить миссис Хейзен под удар. После убийства он собирался оставить револьвер «Х» в машине. Он решил, что полиция быстро установит, кто был владельцем оружия, и что мистер Хейзен хранил его у себя в комоде в спальне. Когда же полицейские заглянут в комод и найдут там револьвер «П», принадлежавший отцу миссис Хейзен, то вполне естественно предположат, что револьвер подложила туда она, по глупости решив, что эта уловка собьет их со следа. Кстати, миссис Хейзен, — Вулф повернул к Люси голову, — револьвер, принадлежавший вашему отцу,

хранился у вас?

Губы Люси шевельнулись, и она едва слышно прошептала «нет». И хотя сидел всего в пяти шагах от нее, я практически не различил ее голоса.

— Когда вы видели револьвер отца в последний раз?

Она покачала головой.

— Я ничего не понимаю, — несколько громче произнесла она. — Когда мне сказали, что из револьвера, который я вам принесла, застрелился отец, я не поверила — подумала, что мне врут. Я ничего не понимаю.

— Ничуть этим не удивлен. Полиция тоже ничего не поняла. Скажите, револьвер вашего отца когда-нибудь находился в вашем распоряжении?

— Да, какое-то время я хранила его у себя. Мне его отдали после… после смерти отца. Револьвер лежал вместе с кое-какими вещами, доставшимися мне от отца. А потом он пропал.

— Сколько времени прошло с момента гибели вашего отца до пропажи револьвера?

— Не знаю. Я заметила, что он исчез, где-то через два года после случившегося.

— У вас имелись догадки о том, кто его мог взять?

— Наверняка я не знала, но подумала, что его

забрала миссис Хури. Впрочем, я ее об этом не спрашивала. Она считала, что револьвер мне ни к чему… что он только напоминает… — Люси не договорила. — Это правда, что мой муж был шантажистом?

— Да. А ваш бывший работодатель — убийца. Более того, он хотел свалить всю вину на вас. К сожалению, вам не очень везло с мужчинами, которых выбирали вы сами, однако позвольте успокоить вас насчет джентльмена, выбранного вам в отцы самой судьбой. Он не совершал самоубийства. Его застрелили. Это сделал Хури.

— Ушам своим не верю, — покачал головой Хури. — Оказывается, я виновен еще в одном убийстве! Ну вы и мастер заливать!

Вулф перевел взгляд на изобретателя и без тени ехидства произнес:

— Ваша выдержка достойна всяческого восхищения, сэр. В начале разговора я сказал, что у меня нет доказательств. Разумеется, именно поэтому вы ведете себя столь самоуверенно. Ваш оптимизм напрасен. Доказательства, вне всякого сомнения, существуют. Но для того, чтобы их добыть, требуются особые полномочия и большая группа экспертов-криминалистов, а у меня нет ни того, ни другого. Я крайне обязан мистеру

Хейзену за намек — брошенную им фразу о том, что отец его супруги был выдающимся изобретателем и гением. Это навело меня на мысль о том, что вы могли присвоить нечто, являвшееся плодом его талантов. И сегодня, как только я закончил разговор с вами по телефону, я приказал своему человеку начать расследование в этом направлении.

Вулф повернулся к Кремеру:

— Я имею в виду Сола Пензера. Вам известно, на что он способен. Он связался со мной час назад, и, поговорив с ним, я тут же позвонил вам. То, что я от него узнал, дает мне основания полагать, что Хури убил отца миссис Хейзен. Я не стану пересказывать, что именно мне поведал Сол. Во-первых, он вам расскажет все сам, а во-вторых, я не желаю, чтобы об этом знал мистер Хури, да и вам это вряд ли захочется. Как я уже сказал, я лишь предлагаю вам свою версию случившегося, однако считаю, что она достаточно убедительна для того, чтобы заставить вас ограничить свободу передвижения мистера Хури и дать необходимые задания сотрудникам. Не исключено, что он забрал у Хейзена ключи на всякий случай, вдруг пригодятся в дальнейшем. Возможно, они до сих пор у него, хотя и не обязательно при себе. Найди-

те их. Переверните его дом вверх дном. Вероятно, мистер Хури прихватил с собой кое-что еще. Если вам удастся допросить его жену прежде, чем ей разрешат свидание, вполне допускаю, что вам удастся узнать немало интересного о револьвере «П». Впрочем, я напрасно трачу время. — Вулф махнул рукой. — Вы и так прекрасно знаете свои обязанности. Если у меня…

Хури встал. Он поднялся без всякой спешки. Его вид был слегка недовольным.

— Прошу прощения, однако всему есть свой предел.

Прямой путь к двери пролегал мимо миссис Оливер, Пердиса и Люси, но протискиваться перед ними было некрасиво, поэтому Хури решил их обойти. Он успел миновать миссис Оливер, Пердиса, Люси и стоявшего возле девушки Стеббинса, когда Кремер наконец распорядился:

— Пэрли, задержи его!

— Не трогай меня, — развернувшись, произнес Хури сквозь зубы.

— Как бы не так, — отозвался Пэрли и принялся его обыскивать, возможно рассчитывая найти револьвер.

В любом случае Хури ни за что не удалось бы прорваться в прихожую, поскольку в дверях уже

стоял Теодор Уид, преграждавший ему путь.

Глава 10

Два главных вопроса пока остаются без ответа. Во-первых, вам наверняка хотелось узнать, что случилось с компрометирующими материалами на Энн Талбот, миссис Оливер, Пердиса и прочих клиентов Хейзена. Их так и не удалось найти — по крайней мере, полиции. Если они и достались одному из клиентов Хейзена, он предпочел утаить этот факт. Таким образом, если вы желаете знать, на что именно намекал Хейзен за обедом, — увы, я не могу удовлетворить ваше любопытство.

Во-вторых, пока не ясно, как быть с гонораром, который Вулф, безусловно, заслужил. Люси отказалась от наследства, оставленного ей Хейзеном, даже дом не стала себе брать! Жест, конечно же, достойный, даже благородный, особенно учитывая то, каким образом ее супруг сколотил свое состояние, но ведь нам, частным детективам, тоже надо есть и пить! Особенно в еде и питье нуждается Вулф — тут даже обсуждать нечего. Конечно, есть некий шанс, что в будущем она получит часть состояния Хури на основании добытых Кремером доказательств, указывающих на то, что негодяй присвоил себе пару изобретений

Тита Постэла. С другой стороны, Хури, который сейчас ожидает своей участи в камере смертников, пока его адвокаты скачут по судам, до сих пор так ничего и не признал. Его супруга тоже все отрицает. Таким образом, если вы хотите спросить, сколько Вулф заработал за тридцать шесть часов своих трудов в поте лица, я вынужден оставить ваш вопрос без ответа.

Быть может, вас снедает вопрос о том, удалось ли Люси и Теодору Уиду узнать об истинных чувствах, которые они питали друг к другу? Попытайтесь на него ответить сами, но только с одной попытки. Если у вас не получается, попробуйте вспомнить, какое именно чувство правит миром.

Роковые деньги

Глава 1

Я давно взял за правило никогда не грубить понапрасну. Однако, посмотрев в одностороннюю стеклянную панель и хорошенько разглядев ее, я почувствовал себя не просто обиженным, но до глубины души оскорбленным за весь противоположный пол. Я понимаю: навечно сохранить молодость и красоту не может ни одна женщина, но нельзя же ходить в пальто с оторванной пуговицей, забыть умыться и выставить напоказ нечесаные седые космы. Стоявшая на крыльце особа была виновна сразу по всем трем пунктам. Вот почему, когда она снова надавила на кнопку звонка, я распахнул дверь и сказал:

— Спасибо, но нам ничего не надо. Попытайте счастья где-нибудь по соседству.

Грубовато, согласен.

— Может, в свое время и попытала бы, Малый, — заявила она. — Лет тридцать назад я была девушкой что надо!

Не могу сказать, чтобы меня это очень вдохновило. Впрочем, я утешил себя тем, что годы всегда берут свое.

— Мне Ниро Вулф нужен, — пробурчала она. —

Мне что, сквозь тебя пройти?

— Это не так просто, — ответил я. — Во-первых, я сильнее вас. Во-вторых, мистер Вулф принимает исключительно по предварительной договоренности. В-третьих, он освободится только к одиннадцати, то есть более чем через час.

— Хорошо, тогда я войду и дождусь его. Я и так уже до костей промерзла. А тебя что, гвоздями к полу приколотили?

И вдруг меня осенило. Вулф уверен или утверждает, что верит, будто всякий раз, когда я уговариваю его принять женщину в качестве возможной клиентки, ему достаточно одного беглого взгляда, чтобы понять, чего от нее ожидать. Так вот, с помощью этой особы я бы раз и навсегда доказал, что он ошибается.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Моя фамилия Эннис. Хетти Эннис.

— Что вы хотите от мистера Вулфа?

— Это я сама скажу ему. Если, конечно, язык не отмерзнет.

— Придется вам сначала сказать мне, миссис Эннис. Меня зовут…

— Мисс Эннис.

— Хорошо. Меня зовут Арчи Гудвин.

— Знаю. Если, глядя на меня, думаешь, что я

не смогу заплатить Ниро Вулфу, то ошибаешься: скоро я получу крупное вознаграждение и поделюсь с ним. Если же я пойду к копам, то делиться уже будут они. Я этим чертовым легавым ни на грош не верю!

— За что вы получите вознаграждение?

— За то, что у меня здесь! — Она горделиво пошлепала по своей черной кожаной сумочке рукой в шерстяной перчатке.

— Что у вас там?

— Это я скажу только Ниро Вулфу. Слушай, Малый, я тебе не эскимоска. Ну-ка впусти даму!

Это меня не устраивало. Когда она позвонила в дверь, я уже находился в прихожей полностью одетый, в шляпе, пальто и перчатках, готовый идти пешком в банк, чтобы депонировать полученный Вулфом чек на 7417 долларов и 65 центов. Не мог же я уйти, оставив ее одну в кабинете? Конечно, остальные обитатели старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, в котором все принадлежало Ниро Вулфу, кроме мебели и прочих вещей в моей спальне, находились дома, но каждый был занят своими делами. Фриц Бреннер, шеф-повар и домоправитель, колдовал на кухне над супом из каштанов. Вулф был в оранжерее на ежедневном утреннем

свидании с орхидеями, ну а Теодор Хорстман, разумеется, составлял ему компанию.

Больше я не грубил. Я предложил на выбор несколько мест неподалеку от нашего дома, где она могла бы пересидеть этот час и согреться: ресторанчик «У Сэма» на углу Десятой авеню, аптеку на углу Девятой авеню или ателье «У Тони», где ей хотя бы пуговицу пришьют — за мой счет, разумеется. Упираться она не стала. Я посоветовал ей вернуться в четверть двенадцатого, добавив, что попробую уломать Вулфа принять ее, и она уже собралась было идти, но в последний миг обернулась и, раскрыв черную кожаную сумочку, достала из нее перевязанный тесемкой сверток в коричневой бумаге.

— Малый, я пока оставлю его у тебя, — заявила она. — Не то какой-нибудь любопытный коп наложит на него лапу. Да не бойся, он не кусается. Только смотри — не вздумай разворачивать! Я могу на тебя положиться?

Я взял у Хетти Эннис сверток, потому что она мне понравилась. Одни инстинкты и ни намека на логику! Сами судите: отказалась сообщить, что там внутри, но доверила мне сохранить его, хотя и велела не разворачивать. Настоящая женщина, до мозга костей, особенно если бы еще приче-

салась, умылась и пришила к пальто пуговицу. Словом, взял я у нее сверток, напомнил, что жду ее в четверть двенадцатого, и попрощался. Когда она спустилась по семи ступенькам на тротуар и свернула налево, к Десятой авеню, я запер дверь изнутри и посмотрел на сверток. Прямоугольный, дюймов шесть в длину и около трех в ширину, толщиной пару дюймов. Приложив к нему ухо, я задержал дыхание, но ничего не услышал. Однако это еще ни о чем не говорило: наука не стояла на месте, а в одном Нью-Йорке у Ниро Вулфа нашлось бы не менее трех дюжин врагов, с удовольствием отправивших бы его на тот свет с помощью адской машины. Не говоря уже о тех, которым был не по нраву я. Вот почему, вместо того чтобы отнести сверток в кабинет и оставить на моем столе или в сейфе, я пошел с ним в гостиную и там запихнул под диван. Если вас интересует, развязал ли я бечевку и развернул ли сверток, то я в вас разочаровался. К тому же я был в перчатках.

Уже больше недели, как, покончив с делом Бригема, мы с Вулфом били баклуши, и мои мозги нуждались в тренировке ничуть не меньше, чем ноги и легкие, поэтому по пути в банк, а потом и обратно я ломал голову над содержимым сверт-

ка. Отбросив дюжину предположений, которые меня мало прельщали, я пришел к выводу, что там находится алмаз Хоупа. А тот, что хранится в Вашингтоне, — всего лишь жалкая копия. Я увлеченно разрабатывал эту тему, например, каково настоящее имя Хэтти Эннис, где она живет и как ей удалось получить алмаз, а потому, лишь подойдя к старому особняку из бурого песчаника, заметил, что на верхней ступеньке крыльца сидит именно та женщина, которую Вулф ожидает увидеть, когда я уговариваю его принять очередную клиентку. Возраст, личико, ножки — та их часть, что выглядывала из-под полы меховой шубки, — все идеально соответствовало моему взыскательному вкусу. Мех я не определил, но точно не норка и не соболь. Когда я начал подниматься по ступенькам, женщина встала.

— У вас оригинальная уличная приемная, — сказала она, — вот только журнальчиков подкинуть бы не мешало.

Я поравнялся с ней. Верх ее меховой шапочки доставал мне до носа.

— Надеюсь, вы звонили в дверь? — поинтересовался я.

— Представьте — да. Сквозь щель мне сообщили, что мистер Вулф занят, а мистер Гудвин

вышел. Должно быть, мистер Гудвин — это вы?

— Вы угадали. — Я вынул связку ключей. — Сейчас вынесу вам журналы. Какие предпочитаете?

— Давайте зайдем и посмотрим на них внутри.

Вулф еще полчаса проведет в оранжерее, а она разожгла мое любопытство, поэтому я открыл дверь и впустил незнакомку в прихожую. Затем, оставив на вешалке шляпу и пальто, ввел ее в кабинет, усадил в одно из желтых кресел, а сам устроился за своим столом.

— В настоящее время у нас свободных должностей нет, — произнес я, — но вы можете оставить номер своего телефона. Только не звоните — мы позвоним сами…

— Очень остроумно! — фыркнула незнакомка, сняла шубку и положила ее на спинку кресла, явив моему взору довольно изящные формы, хорошо гармонировавшие с лицом и ножками.

— Ладно, — кивнул я. — Теперь ваша очередь.

— Меня зовут Тамми Бакстер. Сокращенно от Тамирис. Я еще не решила, какое имя выбрать в качестве сценического псевдонима. Что вам больше нравится — Тамми или Тамирис?

— Это зависит от вашей роли. Если в мюзикле — лучше Тамми, а если в пьесе, например Юджина О'Нила, — Тамирис.

— Скорее всего, я буду играть девушку, сидящую за одним из столиков в ночном клубе. Девушку, которая в решающий момент вскакивает и говорит: «Хватит, Билл, пошли отсюда!» — Она небрежно махнула затянутой в перчатку рукой. — Впрочем, какое вам до этого дело? Почему вы не спрашиваете, что мне от вас нужно?

— Я стараюсь отдалить эту минуту, поскольку всерьез опасаюсь, что у меня этого нет.

— Хорошо сказано, молодец! Только нужно было еще чуть-чуть выдержать паузу после слова «минуту». Вот постарайтесь. Произнесите эту фразу еще раз.

— И не собираюсь! Я произнес ее так, как ощущал. Вы, актрисы, все одинаковы. Я уже совсем было к вам проникся, а вы меня сразу отбрили. Итак, что вам от меня нужно?

Она рассмеялась; смех у нее был грудной, приятный.

— Я вовсе не актриса, а только собираюсь ею стать. И ничего особенного я от вас не требую — хочу только узнать про свою домовладелицу, мисс Эннис. Мисс Хетти Эннис. Она здесь была?

Я приподнял одну бровь:

— Здесь? Когда?

— Сегодня утром.

— Сейчас узнаю. — Повернув голову к двери, я громко заорал: — Фриц! — В коридоре послышался дробный топот; когда Фриц вырос в проеме двери, я спросил: — Приходил ли кто-нибудь к нам, кроме этой дамы, в мое отсутствие?

— Нет, сэр.

Когда у нас посетители, Фриц всегда обращается ко мне «сэр», сколько я ни пытался его отучить.

— А телефонные звонки были?

— Нет, сэр.

— О'кей. Благодарю вас, сэр. — Фриц ушел, а я обратился к Тамми-Тамирис: — Похоже, нет. Как вы сказали — ваша домовладелица?

Она кивнула, добавив:

— Очень странно.

— А что, вы просили ее зайти к нам?

— Нет, она сама мне сказала… А еще сказала, что прихватит с собой… кое-что и пойдет к Ниро Вулфу. Насчет чего именно — она умолчала. После ее ухода меня охватило беспокойство. Значит, она так у вас и не была?

— Вы же сами слышали, что сказал Фриц. А что вызвало ваше беспокойство?

— Вы меня поняли бы, если бы ее увидели. Она почти никогда не выходит, да и тогда дальше чем на квартал от дома не отходит. Я бы не ска-

зала, что она сумасшедшая, но явно не в себе. Именно поэтому я хотела пойти с ней. Мы все стараемся ее оберегать. Дом ее больше напоминает постоялый двор, но зато любой актер или человек, только пробующий себя в шоу-бизнесе, всегда может снять у нее комнату всего за пять долларов в неделю, иногда даже в рассрочку. Вот почему мы так к ней относимся. Остается только надеяться… — Она осеклась и спросила: — Если она объявится, вы позвоните мне?

— Непременно, — пообещал я.

Тамми-Тамирис продиктовала мне номер, который я послушно записал, после чего подержал ей шубку, помогая одеться. Честно говоря, я был озадачен. Помочь ей было нетрудно, но вот стоило ли? А вдруг ее на самом деле волновал алмаз Хоупа, который она прятала под матрасом и знала или подозревала, что Хетти стащила его? Я бы с удовольствием предложил ей до прихода домовладелицы посидеть в гостиной и полистать журналы, но не посмел рисковать, когда на карту могла быть поставлена судьба драгоценного камня стоимостью миллион долларов. С другой стороны, я прекрасно отдавал себе отчет в том, с какими трудностями столкнусь, пытаясь уломать Вулфа встретиться с Хетти Эннис, а присутствие

еще одной женщины в гостиной, безусловно, сведет мои шансы на успех к нулю. Одну особу женского пола под своей крышей он еще иногда способен вынести, но двоих — ни за что.

Ровно в одиннадцать часов послышалось жужжание лифта и последовавший знакомый лязг, с которым этот допотопный механизм останавливается в прихожей. Вулф вошел в кабинет, пожелал мне доброго утра, протопал к столу, разместил свою одну седьмую тонны в огромном, сделанном по особому заказу кресле, просмотрел почту, кинул взгляд на настольный календарь и спросил:

— Чек от Бригема пришел?

— Да, сэр. — Я развернулся лицом к нему. — Без каких-либо пояснений. Я уже отнес его в банк. А вот моя старинная слабость проявилась вновь, правда в новом качестве.

— Какая еще слабость? — недовольно пробурчал Вулф.

— Женщины. Приходила одна незнакомка, и я сказал ей, чтобы она вернулась в четверть двенадцатого. Беда в том, что прежде я бы на такую ни за что глаз не положил. Неужели у меня так вкус испортился? Я этого не переживу. Словом, мне необходим ваш совет.

— Пф! Детский лепет.

— Нет, сэр, я и в самом деле не на шутку встревожен. Вот посмотрим, что вы скажете, когда ее увидите.

— Я не собираюсь на нее смотреть.

— Тогда мне крышка. Она источает какое-то непостижимое обаяние. А ведь люди почему-то перестали верить, что ведьмы привораживают. Я и сам не верю. Кстати, встретиться с вами она хочет для того, чтобы показать вам некую вещицу, за которую обещано крупное вознаграждение. А пришла она к вам, а не в полицию, потому что ненавидит копов. Что это за вещь и как к ней попала — я не знаю. Впрочем, это все ерунда. Вы-то с ней за пару минут управитесь, а вот мне что делать? Может, я уже околдован?

— Да, — буркнул Вулф и потянулся к верхнему конверту в стопке почты — письму охотника за орхидеями из Венесуэлы.

Я развернулся к своему столу и принялся затачивать и без того остро заточенные карандаши. Жужжание точилки действует ему на нервы. Я взялся уже за четвертый карандаш, когда послышался рык:

— Прекрати! Значит, она ведьма?

— Да.

— Я уделю ей две минуты.

Вы оцените мой подвиг по достоинству только в том случае, если знаете, до какой степени Вулф не выносит незнакомых людей, особенно женщин, и насколько он ненавидит впрягаться в работу, а тем более после того, как только что получил чек на вполне приличную сумму. Ну да ладно. Итак, я сидел и предвкушал, как перекосится физиономия Вулфа, когда он увидит Хетти Эннис. Еще я подумал, что можно пока забрать сверток из-под дивана в гостиной и переложить в ящик своего стола, но потом отказался от этой затеи. Пусть полежит там до ее прихода. Вулф тем временем закончил читать письмо из Венесуэлы и принялся за рекламный проспект от компании по производству увлажнителей воздуха.

11:17 — дверной звонок молчал. В 11:20 Вулф сказал, что ему надо продиктовать мне несколько писем, но он не хочет, чтобы его прерывали. В 11:25 он встал из-за стола и прошествовал на кухню — возможно, чтобы продегустировать суп из каштанов, в который они с Фрицем решили впервые добавить эстрагон. В 11:30 я забрал сверток из гостиной. Черт с ней, подумал я, раз уж не может даже прийти вовремя. Отдам ей сверток прямо в дверях и распрощаюсь. Только я собрался

вернуться в кабинет, как в дверь позвонили.

Посмотрев в одностороннюю стеклянную панель, я увидел Хетти Эннис, однако кое-что в ней изменилось: к пальто была пришита недостающая пуговица, а вот лицо нуждалось в мытье еще больше прежнего. Вся правая щека была заляпана чем-то темным. Растроганный пришитой пуговицей, я решил выслушать ее оправдание по поводу опоздания, если оно вообще было, но, когда открыл дверь, Хетти стала падать на крыльцо. Не издав ни стона, ни звука — просто вдруг начала оседать. Я бросился ее поднимать, но Хетти вырубилась. Тогда я отшвырнул в прихожую сверток, который все еще сжимал в левой руке, и, втащив бесчувственное тело внутрь, ногой захлопнул дверь.

Почти в ту же секунду прогремел голос Вулфа:

— Это еще что за чертовщина?

— Женщина, — выдавил я, волоча ее к гостиной.

В вертикальном положении я бы определил ее вес как фунтов сто пятнадцать, без сознания же она показалась мне куда тяжелее. Уложив ее на диван и придав удобную позу, я внимательно всмотрелся в беднягу. Дыхание было слабое, но ровное. Приподняв ее за талию, я подсунул ей

под бедра две подушки. Затем взял за запястье и попытался нащупать пульс, но тут сзади раздался голос Вулфа:

— Вызови доктора Волмера!

Я повернул голову. Приказание было отдано Фрицу, который выскочил на шум из кухни.

— Постойте, — сказал я. — Мне кажется, она просто в обмороке.

— Вздор! — отмахнулся Вулф. — С женщинами обмороки не случаются.

Это я уже слышал. Основания для подобного заявления у Вулфа были не медицинские, а чисто личные: он свято убежден, что ни одна женщина никогда не падает в обморок без веских оснований (например, получив удар дубинкой по голове), все же прочие случаи — чистейшее притворство; это лишь малая толика его основополагающего принципа, что женщины всегда играют.

Не обращая на него внимания, я проверил ее пульс, который был слабый и редкий, но особых опасений не внушал. Попросив Фрица принести мое пальто и открыть окно, я отправился в ванную за нюхательной солью. В ту самую минуту, когда я размахивал флакончиком у нее под носом, а Фриц накрывал ее моим пальто, она открыла

глаза. Поморгав, она недоуменно уставилась на меня и даже попыталась было приподняться, но я удержал ее, приложив ладонь ко лбу.

— Я тебя знаю, — еле внятно прошептала она. — Значит, я все-таки добралась.

— Только до входной двери, — напомнил я. — Вы свалились прямо на крыльце, и мне пришлось затаскивать вас в гостиную. Лежите спокойно. Закройте глаза и переведите дух.

— Бренди? — спросил Фриц.

— Я не люблю бренди, — прошептала она.

— Чай?

— Я не люблю чай. Где моя сумочка?

— Принеси кофе, — велел я. — Должна же она хоть что-то любить.

Фриц отправился на кухню. Вулф же незаметно для меня улизнул.

— Вот, понюхайте, — сказал я, вручая ей флакончик нюхательной соли, и вышел в прихожую.

Сверток валялся возле вешалки, а черная кожаная сумочка лежала на полу у стены. Я до сих пор не понимаю, как она туда попала, однако, отвергая основополагающий принцип Вулфа, допускаю, что потерявшая сознание женщина способна за что-то цепляться. В гостиную я вернулся, когда пострадавшая уже почти скатилась

на пол. Так она пыталась выдернуть из-под себя подушки.

— Ты перепутал, Малый! — возмутилась Хетти, увидев меня. — Подушки под голову подкладывают. Неужели ты мою голову от задницы не отличаешь? Гони сюда сумку!

Я вручил ей сумочку, и Хетти, повернувшись на бок, оперлась на локоть и раскрыла ее. Должно быть, искала нечто вполне определенное, поскольку почти сразу попыталась ее закрыть.

— Вложите туда, — сказал я, протягивая ей сверток.

Хетти не взяла его.

— Стало быть, я еще жива, — изрекла она. — Замерзла как цуцик, но жива. Что, Ниро Вулф не выносит тепла?

— Да здесь жарко, — возразил я. — Семьдесят градусов. Просто во время обморока с кровью что-то происходит. Держите свой сверток.

— Ты его открывал?

— Нет.

— Я знала, что на тебя можно положиться. Черт, голова кружится! — Она откинула голову назад. — Раз ты сыщик, скажи, чего бы он добился, убив меня. Ему ведь пришлось бы вылезти из машины, чтобы забрать мою сумочку. Да?

— Наверное. Если он охотился именно за сумочкой.

— За чем же еще! — Она глубоко вдохнула, а потом еще раз. — Он думал, что сверток там. А все из-за тебя — наболтал каких-то глупостей про пуговицу, вот я и вернулась домой. Я уже месяц как собираюсь ее пришить, но ты меня доконал. Лет двадцать я ничего не меняла в одежде ради мужчин, а тут какой-то молодой нахал предложил купить мне пуговицу! Вот я и пошла домой, чтобы пришить ее. — Она вновь перевела дыхание.

Я сунул сверток в карман.

— А где находится ваш дом? — спросил я.

— На Сорок седьмой улице. Между Восьмой и Девятой авеню. Вот почему я туда пошла. Только ты, Малый, не задавайся и не вздумай предлагать купить мне краску для волос… Чтобы добраться до вас, я собиралась сесть на автобус на Девятой авеню. Когда я шла по Сорок седьмой улице, какая-то машина выскочила сзади меня на тротуар и ударила вот сюда. — Она прикоснулась к своему правому бедру. — Бордюр, должно быть, помешал, не то этот гад сбил бы меня. А так ударил он меня не очень сильно, но я все равно споткнулась и упала. Наверное, несколько раз перевернулась, потому что я шла ближе к проезжей части, а в себя

пришла у стены здания… Это и есть Ниро Вулф?

В это время дверь из кабинета открылась, и в проеме возник Ниро Вулф, хмуро нас разглядывавший. Я утвердительно кивнул ей и сказал Вулфу:

— Мисс Хетти Эннис. Она как раз объясняет мне, почему опоздала к назначенному часу. Она ходила домой на Сорок седьмую улицу, а на обратном пути на тротуар вылетела машина и ударила ее. Я знаю, что здесь нет стула, который способен вас выдержать, но она должна еще какое-то время побыть в горизонтальном положении.

— Я вполне способен постоять две минуты, — желчно произнес Вулф.

— Надо же, а не похоже, — заметила Хетти. — Из вас бы замечательный Фальстаф получился.

— Закончите свой рассказ, — попросил я. — А потом эта машина уехала?

— Наверное. Когда я поднялась, ее уже и след простыл. Мужчина и женщина помогли мне встать, потом еще какой-то мужчина подошел, но все кости были целы, и я смогла идти сама. Вот я и пошла. Правда, карабкаться в автобус мне не улыбалось. Теперь я уже старалась держаться ближе к домам, а после каждого квартала останавливалась передохнуть. Даже не знаю, как

мне удалось преодолеть два последних квартала. А откуда ты узнал, что я стою у дверей, если я брякнулась в обморок?

— Вы позвонили, и я успел вас подхватить.

— И ты меня принес сюда? Надо же, а я и не помню. Что за невезуха — мужчина тебя на руках носит, а ты вырубаешься!

Вулф шагнул вперед:

— Послушайте, мадам, я сказал мистеру Гудвину, что смогу уделить вам только две минуты.

Хетти приподняла голову, а я подложил под нее подушку.

— Спасибочки, — произнесла она. — Ну и денек выдался: Малый меня на руках носит, а Фальстаф аж целых две минуты выделил! О, вот еще и кофеек принесли!

Приход Фрица немного разрядил обстановку. Дело в том, что Вулф рассматривает любого человека, которого кормят или поят в нашем доме как гостя, а это означает, что он должен его ублажать — в определенных пределах, конечно. Не мог же он приказать мне выгнать ее, когда я ставил поднос, а Фриц наливал ей кофе в чашку. Поэтому Вулф только стоял и хмурил брови. Когда Хетти отхлебнула кофе, он разлепил губы:

— По словам мистера Гудвина, вы упомянули

какое-то вознаграждение. О чем идет речь?

Хетти присела и сняла шерстяные перчатки. Отпив еще немного, она сказала:

— Славный кофеек. Сперва я расскажу, как это ко мне попало. Мне принадлежит дом на Сорок седьмой улице. Старый — я родилась в нем. — Она сделала еще глоток. — Вы знаете, что все актеры чокнутые?

— И не только они, — пробурчал Вулф.

— Возможно, вы правы, но они все равно какие-то особенные. Не скажу, что обожаю актерскую братию, но все-таки отношусь к ней с теплотой. У отца был собственный театр. От моего дома до Таймс-сквер лишь восемь минут ходу, а мне одной достаточно комнаты и кухни, поэтому остальной дом в их распоряжении — независимо от того, способны они платить или нет. Сейчас у меня пятеро жильцов — трое мужчин и две девочки, — причем все пользуются кухней. Они сами застилают постели и должны содержать свои комнаты в порядке. Правда, порядок не все соблюдают. Моя комната расположена на втором этаже…

— Прошу прощения, — перебил ее Вулф. — Давайте перейдем ближе к делу.

— Сейчас перейду, Фальстаф. Дайте даме вы-

говориться. — Она пригубила кофе. — Недурно. Так вот, по фасаду на первом этаже находится гостиная. После смерти моей матушки — Господи, упокой ее душу! — в гостиную никто не заходит. Я сама заглядываю лишь раз в неделю, чтобы проверить, все ли в порядке. А вчера днем, когда я туда зашла, из-под пианино выскочил мышонок и юркнул за книжные полки. Вы верите, что мышь может вскарабкаться по ноге женщины?

— Нет! — отрезал Вулф.

— Я тоже. Но я взяла со стойки зонтик и потыкала им за полками, но чертов мышонок куда-то забился и вылезать не захотел. Задней стенки у книжных полок нет, поэтому я начала вынимать книги, чтобы его поймать. На нижней полке у меня стоит десятитомная «История тринадцати колоний» и подборка Маколея[3]. Я, значит, все это вынула, но мышонок как сквозь землю провалился. Удрал, должно быть, пока я за зонтиком ходила. Зато позади всех книжек я обнаружила небольшой сверток, который прежде и в глаза не видела. Я его, понятно, развернула, ну и… все сразу поняла. Если я отнесу это копам, то тю-тю! А мы с вами можем награду поделить на троих:

---

[3] Сноски: 3

Маколей Томас Бабингтон (1800–1859) — английский историк, публицист и государственный деятель.

я имею в виду вас, меня и вашего Малого.

— Это я, — представился я, перехватив насупленный взгляд Вулфа.

— Что там?

Она повернула голову:

— Малый, покажи ему.

Я вынул сверток из кармана, сел на стул, развязал бечевку и развернул бумагу. Внутри оказалась пачка новеньких двадцатидолларовых купюр. Я отогнул один краешек, затем другой — все двадцатки.

— Ну вот, не отдавать же такое добро копам! — фыркнула Хетти. — А он, значит, понял, что я нашла сверток, и попытался меня угробить.

— Сколько там, Арчи? — буркнул Вулф.

— Толщина пачки около двух дюймов. Один дюйм — это примерно двести пятьдесят бумажек. Следовательно, около десяти тысяч долларов.

— Мадам, вы только что сказали, что он попытался, как вы выразились, угробить вас. Кого вы имели в виду?

— Кого именно из них — точно не знаю. — Она поставила чашечку на столик и снова наполнила ее из кофейника. — Может быть, речь даже идет об одной из моих девушек, хотя я в этом сомневаюсь. Впрочем, я скорее…

В дверь позвонили. Положив деньги, бумагу и бечевку на стул, я выбрался в прихожую посмотреть, кого там еще нелегкая принесла. На крыльце торчал невысокий сутуловатый незнакомец в сером пальто и фетровой шляпе, надвинутой почти на лоб. Прежде чем отпереть входную дверь, я плотно закрыл дверь в гостиную.

— Да, сэр?

Он вытащил из кармана кожаные корочки, раскрыл и протянул мне. Так, Министерство финансов Соединенных Штатов. Секретная служба. Альберт Лич. Хотя на фотоснимке шляпа отсутствовала, это несомненно был он. Я вернул ему удостоверение.

— Меня зовут Альберт Лич, — представился он.

— Да, я проверил, — кивнул я.

— Я бы хотел побеседовать с мистером Вулфом и мистером Гудвином.

— Мистер Вулф занят, а мистер Гудвин — это я.

— Могу я войти?

Признаться, щекотливая ситуация сложилась. Я почуял неладное в ту же минуту, как увидел его удостоверение. Да, двери и стены на первом этаже у нас звуконепроницаемые, но впускать его в кабинет или даже в прихожую, когда Вулф с Хетти находились по соседству в гостиной, мне

все равно не улыбалось. С другой стороны, снаружи повалил снег, а навеса над крыльцом не было, к тому же меня так и подмывало узнать, зачем он к нам пожаловал.

Я чуть попятился и впустил его.

— Извините, но мистер Вулф занят, — напомнил я, — а я должен ему помогать. Поэтому, если вы расскажете мне, зачем…

— Конечно. — Альберт Лич снял шляпу. Да, волосы жидковаты, хотя лысым его, наверное, будут обзывать только годика через два. — Меня интересует женщина по фамилии Бакстер. Тамирис Бакстер, или Тамми Бакстер. Она у вас?

— Нет. Ей лет двадцать пять? Рост пять футов и четыре дюйма, светло-карие глаза, вес сто двадцать фунтов, меховая шубка и пушистая шапочка?

— Очень похоже, — кивнул Лич.

— Утром была. Пришла в десять двадцать, без звонка и приглашения, а ушла в десять тридцать.

— Она больше не возвращалась?

— Нет.

— И не звонила?

— Нет.

— Меня интересует еще одна дама. Хетти Эн-

нис. Она здесь была?

Я склонил голову набок:

— Послушайте, мистер Лич, не сочтите меня грубияном, но — какого черта?! Мы с мистером Вулфом — лицензированные частные сыщики и не привыкли впустую разбазаривать свое время. Да, я слышал про Хетти Эннис — мисс Бакстер спросила, была ли она у нас, и я ответил, что нет. Она также попросила меня позвонить, если эта женщина появится, но я вряд ли уважу ее просьбу. Что, если этой Хетти Эннис взбредет в голову стать нашей клиенткой? Что, если она не захочет афишировать приход к нам? Словом, оставим эту тему.

— Гудвин, между прочим, я представляю американский закон. Я правительственный агент.

— И что из этого?

— Я хочу знать, приходила ли к вам сегодня Хетти Эннис? Я требую, чтобы вы ответили.

— Спросите лучше ее. Мисс Бакстер оставила мне номер их телефона. Дать вам?

— Он у меня есть. — Альберт Лич нахлобучил шляпу. — Гудвин, я знаю вашу с Вулфом репутацию. Может, с нью-йоркской полицией ваши штучки и сходят вам с рук, но не советую играть в кошки-мышки с Секретной службой. Зарубите

это себе на носу, Гудвин. — И он вышел, даже не удосужившись прикрыть за собой дверь.

Заперев дверь, я направился в кабинет. Достал из стола Вулфа самую сильную лупу, вынул из сейфа новенькую двадцатидолларовую банкноту и вернулся в гостиную. Вулф по-прежнему стоял, хмуро взирая на Хетти, которая продолжала распинаться, как и перед моим уходом. При моем появлении она запнулась на полуслове, но тут же спохватилась и напустилась на меня:

— О, ты как раз вовремя, Малый. Он пудрит мне мозги, говорит, что мы никакого вознаграждения не получим, а я… Ой, что ты делаешь?

Прихватив пачку купюр, я подошел к подоконнику. Взял верхнюю из них, положил рядом с двадцаткой, принесенной из сейфа, и принялся сличать с помощью лупы. Мне хватило одной минуты. Тогда я взял нижнюю двадцатку. Тот же результат. Вынул одну бумажку из середины, наугад. И вновь то же самое. Засунув нашу двадцатку в карман, я подошел к Вулфу и Хетти.

— Вознаграждение нам все-таки светит, — объявил я. — Причем вполне официальное. Это фальшивки. Все как одна.

Глава 2

Пару недель спустя я рассказал об этом случае своей приятельнице и попросил ее высказать догадку, как встретила мои слова Хетти. «Это просто, — сказала Лили Роуэн. — Она, конечно же, обвинила тебя в подмене. Как ты мог с такой легкостью угодить впросак?»

Лили ошиблась, но я признал, что это моя вина, — выходит, я слишком плохо нарисовал ей портрет Хетти. На самом же деле она сказала вот что:

— Конечно фальшивки! С какой стати он стал бы прятать в моей гостиной настоящие деньги? И чего бы это мне вдруг вздумалось тащить их к Ниро Вулфу?

— Так вы знали, что деньги поддельные? — уточнил я.

— Я предполагала.

— Но вы об этом умолчали.

— Ну и что из этого? Я ведь не в музей пришла, а к двум великим сыщикам. Ты ведь сразу это просек, иначе не стал бы разглядывать бумажки в лупу.

Я потряс головой:

— Я всего лишь заподозрил, причем исключительно по той причине, что к нам только что наведывался секретный агент из Министерства финансов. Его интересовало, не здесь ли некая Тамирис Бакстер. Я ответил, что нет, что она лишь утром заглядывала на десять минут, а потом ушла…

— Тамми Бакстер? Тамми была здесь?

— Совершенно верно. Хотела знать, не приходили ли вы, но я ответил, что нет. Оставила свой номер телефона и попросила звякнуть, если вы вдруг объявитесь. А потом секретный агент поинтересовался, не приходила ли к нам Хетти Эннис, а я пояснил, что не в моих правилах вести праздную болтовню. Однако его приход разбудил мое любопытство, и я решил поближе взглянуть на ваши деньги. Выпроводил его — и взглянул. Значит, говорите, вы и без нас знали, что они не настоящие?

— Арчи, — перебил меня Вулф, — этот человек предъявил удостоверение личности?

— Конечно.

— И он спросил мисс Эннис?

— Он спросил, не здесь ли она.

— Почему ты не провел его к нам?

— Потому что ему не терпелось посмотреть на

эти бумажки. Знай я наперед, что они не настоящие, я бы уж как-нибудь позволил федеральному агенту полюбоваться, как наша гостья наслаждается приготовленным Фрицем кофе.

К сожалению, с кофе она уже покончила и теперь уставилась на меня с недовольным видом.

— Что ж, значит, мы определили, что деньги фальшивые, — констатировал Вулф. — Не знаешь, есть у их Секретной службы отделение в Нью-Йорке?

— Да.

Из подобных пустяков, известных даже самому завалящему детективу, но неведомых нашему гению, можно составить целую энциклопедию.

— Позвони им и доложи об этой находке. Если мисс Эннис покинет мой дом до их прихода, сохрани фальшивки вместе с оберткой. Выдай ей расписку, если она захочет. — С этими словами он круто развернулся, протопал в кабинет и закрыл за собой дверь.

Впрочем, закрытой дверь оставалась недолго. Я, конечно, мог бы помешать Хетти, шагнув вперед и вытянув руку, но решил, что Вулф вполне мог бы дать гостье возможность лично поблагодарить его за вкусный кофе. Вот почему останавливать ее я не стал, а лишь проследовал за ней в кабинет,

но остановился на пороге. Вулф уже успел занять свое привычное кресло за столом.

— Вы это серьезно? — грозным тоном спросила Хетти. — Насчет того, чтобы отдать эти деньги копам?

— Не копам, мадам, — поправил Вулф, — а сотрудникам Секретной службы. Это мой гражданский долг. Фальшивые деньги считаются контрабандой, и я не имею права выпустить вас из своего дома с ними.

Хетти Эннис оперлась о край стола. Глаза ее метали молнии.

— Ах, лизоблюд паршивый! — процедила она. — Значит, великий сыщик Ниро Вулф запродался копам. Жаль, нет здесь настоящего Фальстафа — я бы извинилась перед ним. Пусть героем он не был, но хотя бы задницы никому не лизал. И нечего буравить меня взглядом — я выскажу все, что о вас думаю. Когда я нашла этот сверток в своем доме, то сразу решила, что лучше сожгу его, чем отдам в полицию. Потом подумала, что выведаю, кто его туда положил, и пойду в какую-нибудь газету. Должна же разоблачительница фальшивомонетчиков получить заслуженное вознаграждение. Правда, я не знала, как к этому подступиться, вот и решила пойти к

хорошему частному сыщику, чтобы разделить с ним премию пополам. Однако, на свою беду, я выбрала самого лучшего, как мне сказали, частного сыщика — Ниро Вулфа — и вот что за это получила! Пусть даже фальшивые деньги и считаются контрабандой, но они мои — я нашла их в своем доме! А вы мне чем помогли? Хотите отдать мою находку копам, чтобы чистенькими остаться? Тьфу на вас! Никогда еще ни на кого не плевала, а на вас плюю! — Она развернулась ко мне. — А ты, Малый? Ты меня для этого сюда привел?

— Мадам, — ледяным тоном произнес Вулф.

— И не называйте меня мадам! — окрысилась она.

— Вы кое в чем правы, — неохотно признал Вулф. — Обвинение в подобострастии я, разумеется, самым решительным образом отвергаю, однако вы затронули интересную тему. Я не блюститель закона. Имеет ли право обычный гражданин конфисковать контрабанду? Очень сомневаюсь. Допустим даже, что такое право у него есть, но должен ли он это делать? Безусловно, нет. Пока эти фальшивые деньги находятся в ваших руках, они, несомненно, ваши. Каюсь, я допустил ошибку, однако руководствовался я лишь чувством гражданского долга, а отнюдь

не подобострастием. К тому же мне совсем не хотелось ввязываться в сомнительную историю. Однако ваши слова затронули меня за живое. Вот что я предлагаю: мистер Гудвин положит эти купюры в мой сейф, а сам отправится к вам домой и проведет расследование. Вы хотели, чтобы я помог вам изобличить фальшивомонетчика, и мистер Гудвин примет решение, как, когда и какими средствами это возможно сделать. Если окажется, что такая работа слишком трудоемкая и дорогостоящая, то я верну фальшивые деньги вам, однако поставлю в известность Секретную службу. В любом случае гонорара за свои услуги я от вас не потребую. Я не считаю вас своей клиенткой. Просто я не хочу ввязываться в эту историю. Вы согласны?

— Мы поделим премию на троих, — сказала Хетти.

— Премия меня не интересует, — отмахнулся Вулф. — Тем более что ее может и не быть.

— Будет. Мне-то она не так уж и нужна — на жизнь у меня денег и без того хватает, но заработать я бы не отказалась. Ладно, я не возражаю, чтобы деньги какое-то время полежали у вас в сейфе, а вот слов своих пока назад не беру — посмотрим, как все выйдет.

— Не возражаю. Арчи?

Я кивнул и подобрал со стула оберточную бумагу с бечевкой. Держал я бумагу осторожно, за уголок.

— Один вопрос, — сказал я. — Поскольку он спрятал деньги в таком месте, где их вполне могли обнаружить, то, наверное, позаботился об отсутствии на них своих отпечатков. Или — нет. Если верно последнее, то он у меня в руках и минут через десять я уже выведу его на чистую воду. Однако на юридическом языке это — незаконное обращение с уликой. Вопрос: как быть?

— Да, я и сама подумала про отпечатки пальцев, — кивнула Хетти. — Только как это сделать?

— Ты не можешь снять их, не оставив следов? — спросил Вулф.

— Нет.

— Тогда не делай этого. Отпечатки могут и подождать.

Сам-то я, конечно, уже наследил — и на купюрах, и на бумаге, — однако смысла усугублять положение не было, поэтому свою добычу в сейф я убрал со всеми предосторожностями. Потом спросил Вулфа, есть ли у него указания, но он ответил, чтобы я действовал по собственному усмотрению. Я вынес из гостиной сумку и перчат-

ки Хетти, пальто она не снимала. Я предложил даже пощупать ей пульс, но Хетти отказалась. Однако, пройдя в ванную полюбоваться на себя в зеркало, она признала, что выглядит не лучшим образом, поэтому, когда появилась вновь, грязное пятно на лице исчезло, да и волосы больше не выглядели такими растрепанными.

Пока мы шли на Десятую авеню ловить такси, она слегка прихрамывала, но не жаловалась; сказала лишь, что бедро немного побаливает. А вот когда мы с ней остановились на красный свет у Тридцать восьмой улицы и Хетти увидела полицейского в форме, она пояснила мне, чем вызвана ее нелюбовь к копам. Оказывается, в свое время ее отец погиб от пули полицейского, причем, хотя в подробности она не вдавалась, вроде бы даже и не по собственной вине. Однако меня больше интересовало другое, и я попросил ее рассказать про Тамми Бакстер. Должно быть, и у нее рыльце в пушку, коль скоро ею интересовался человек из Секретной службы. Нет, сказала Хетти, Тамми тут ни при чем: у нее лишь один костюм, два платья, три блузки и две юбки, а шубка из кролика. Будь она фальшивомонетчицей, одежды у нее было бы куда больше. Я признал, что она, безусловно, права, но вот чем все-таки был вызван интерес

к ней секретного агента? Как давно она жила в доме Хетти? Оказалось, всего три недели. Что Хетти еще про нее знала? Ровным счетом ничего. Рекомендательные письма Хетти никогда не просила, да и справки о своих жильцах не наводила. Полагалась исключительно на свое чутье.

А вот остальные четверо постояльцев прожили у нее дольше. Реймонд Делл, например, более трех лет. В 1930-е у него было достаточно работы, и он дважды в неделю ходил на ланч в «Сарди», а в 1940-е имел успех в Голливуде, а вот теперь Делл довольствовался лишь редкими приглашениями сняться на телевидении.

Ноэль Феррис — полтора года. В прошлом году он играл в пьесе, продержавшейся на сцене лишь четыре дня, а в этом году участвовал в шоу, не сходившем с подмостков две недели.

Пол Ханна — четыре месяца. Парнишка лет двадцати, участвовал в бродвейских постановках, а сейчас репетировал в шоу, которое в следующем месяце запускал офф-бродвейский театр «Машрум».

Марта Кирк — одиннадцать месяцев. Двадцатилетняя танцовщица, год выступавшая в шоу «Легко и быстро». Сейчас занималась в студии восточного танца.

Вот что мне удалось выяснить, прежде чем такси остановилось перед домом Хетти на Сорок седьмой улице. Дом этот, или постоялый двор, как окрестила его Тамми Бакстер, ничем не отличался от сотни других его окружавших. Я толкнул наружную дверь, а вероломный ветер, воспользовавшись этим, тут же надул на порог едва ли не с полдюйма снега. Хетти открыла внутреннюю дверь своим ключом, и мы вошли. Я сказал ей, что хочу сначала сам посмотреть на книжные полки, чтобы попытаться по остаткам пыли хотя бы примерно определить, как давно подложили сверток, однако, когда мы с Хетти раздевались в холле, с верхних ступенек лестницы прогромыхал чей-то голос:

— Это вы, Хетти?

После чего в холл спустился и сам обладатель голоса — высокий худощавый мужчина с впечатляющей копной вьющихся седых волос, в старом синем халате с пятнами.

— Куда вы запропастились? — пробасил он. — Без вас тут полный бардак. Даже апельсинов нет! — Тут он заметил меня. — Приветствую вас, сэр.

— Мистер Гудвин, мистер Делл, — представила нас друг другу Хетти.

Я уже протянул было руку, но Делл поклонился, и мне пришлось поклониться в ответ. Сзади послышался звонкий голос:

— Апельсины здесь, Рей! Можете взять. Доброе утро, Хетти. Точнее, добрый день.

Реймонд Делл направился в дальний конец холла, где в дверях стояла девушка. Хетти пошла за ним, и я был вынужден тоже пойти следом. В кухне на большом, покрытом линолеумом столе стояло глубокое медное блюдо, доверху заполненное апельсинами. Когда я вошел, Делл уже взял апельсин и принялся очищать его. В кухне ароматно пахло кофе.

— Мисс Кирк, мистер Гудвин, — произнесла Хетти.

Марта Кирк выглядела лет на двадцать. Смазливая мордашка, да и фигурка под стать. Она стрельнула в меня глазками, кивнула и спросила у Хетти:

— Не знаете, где Тамми? Ей уже дважды звонили. Какой-то мужчина.

Хетти ответила, что не знает. Делл приподнял голову и, глядя на меня, прогудел:

— А вы гражданское лицо, мистер Гудвин?

Вопрос был задан не в бровь, а в глаз, поскольку, не будь я актером, по моему ответу сразу стало бы

ясно, имею ли я достаточно близкое отношение к шоу-бизнесу, чтобы знать, что актеры называют любых чужаков гражданскими. Однако Хетти опередила меня.

— Поаккуратнее с мистером Гудвином, — процедила она. — Он, между прочим, собирается написать для журнала про меня и мой дом. Мы станем знаменитостями. Они и нашу фотографию вместе с Кэрол Джаспер поместят. Как-никак она тут почти год прожила.

— А что за журнал? — полюбопытствовал Делл.

Марта Кирк проворно выскочила из-за стола и присела передо мной в книксене.

— Чем вас угостить? — пропела она. — Омлетом из яиц жаворонка? С трюфелями?

Я уже пожалел, что предложил Хетти представить меня репортером, — свинство разочаровывать красоток, которые так замечательно делают книксен.

— Поберегите деликатесы, — посоветовал я. — Окончательное решение по поводу статьи в редакции еще не принято.

Реймонд Делл продолжал буравить меня своими глубоко посаженными серо-голубыми глазами.

— Я бы не согласился фотографироваться с Кэрол Джаспер даже за все золото инков, — прогудел он.

— Можете присесть сзади на корточки, — посоветовала ему Хетти. — Пойдемте, мистер Гудвин. — Она шагнула к дверям. — Он хочет посмотреть дом. Надеюсь, постели у всех убраны?

Я сказал, что поговорю с ними позже, и последовал за ней в холл. На полпути Хетти остановилась и спросила, не понижая голоса:

— Ну как? Как все прошло?

— Замечательно, — ответил я громко, чтобы все могли расслышать. — Все заинтересованы, так что работать будет одно удовольствие.

Хетти остановилась перед дверью слева от входа, открыла ее и вошла. Я проследовал за ней и закрыл дверь. Окна были зашторены, и в комнате царил полный мрак. Она щелкнула выключателем, и при свете люстры я огляделся по сторонам. Так, диван, обтянутый темно-красным плюшем или бархатом, такие же кресла, камин с мраморной доской, вылинявший старый ковер, справа у стены пианино, а за ним книжные полки.

— Вот здесь, — кивнула Хетти на полки. — Книги я поставила на место.

Я двинулся за ней, но, заметив что-то уголком

глаза, повернул голову и — окаменел. На полу за диваном лежала на спине Тамми Бакстер. Ее невидящие глаза смотрели в потолок, а из груди торчала рукоятка ножа.

Глава 3

Чтобы показать вам, какие штучки порой откалывает человеческий мозг, если вы сами, конечно, этого не знаете, скажу, что первой моей мыслью было: «Хетти права: у фальшивомонетчицы одежды должно быть побольше». А все потому, что юбка Тамми была задрана почти до талии, полностью обнажая ноги. Однако уже в следующую секунду я испугался — так сделал бы на моем месте любой мужчина, — что тело увидит Хетти. Я мигом обернулся, но опоздал: Хетти во все глаза смотрела на бездыханную Тамми.

— Это нож, — произнесла она.

Ее слова мигом меня отрезвили. Я присел на корточки рядом с телом Тамми, взял ее руку и надавил на ноготь большого пальца. Когда я ослабил нажим, ноготь остался белым. Отпустив безжизненную руку, я встал и посмотрел на часы. Двенадцать минут второго.

— Придется вызвать полицию, — сказал я. — Если не хотите навлечь… Стоп! Не трогайте ее!

— Я и не собиралась, — ответила Хетти и только одернула юбку, которая за что-то зацепилась и спустилась только до колен.

— Дом ваш, так что звонить лучше вам. Впрочем, если хотите, это сделаю я.

— Звонить копам?

— Да.

— А это обязательно?

— Да.

Она подошла к креслу и уселась.

— Дело в том, что думать я не сильна. Всякий раз, когда нужно срочно пошевелить мозгами, у меня в голове как будто что-то заклинивает. Поэтому подумай лучше сам, Малый. Ты должен сообразить, как извернуться, чтобы не звонить копам.

— Боюсь, не смогу, Хетти… — Я запнулся. Я даже не осознал, что называю ее Хетти, пока это имя не сорвалось у меня с губ. — Однако сначала я хочу кое о чем вас спросить на тот случай, если потом не будет возможности. Так вот, когда сегодня утром вы вернулись домой, чтобы пришить пуговицу, вы видели Тамми?

— Нет.

— А хоть кого-нибудь видели?

— Нет.

— А машина, которая вас сбила? Вы не разглядели, кто сидел за рулем?

— Нет, каким образом? Она ведь на меня сзади

налетела.

— А люди, которые помогли вам подняться, — они не рассмотрели водителя?

— Нет, я их спрашивала. Сказали, что никого не видели. Только сейчас мне не до того, я могу лишь думать об этом. Поднимемся в мою комнату. Рей и Марта не знают, что мы сюда зашли. Поднимемся ко мне, и там ты что-нибудь придумаешь.

— Ни воскресить Тамми, ни избавиться от ее тела нам все равно не удастся. Если вы надеетесь избежать неприятностей, сделав вид, что не заходили в гостиную и ничего не знаете, то этот номер тоже не пройдет. Итак, вы позвоните или я?

Она закусила губу.

— Вредный ты, Малый. Лучше бы я не пришивала эту паршивую пуговицу. — Хетти встала, но слегка покачнулась. — Я пойду к себе наверх. Никаких копов я звать не собираюсь. — Она подошла к распростертому телу и остановилась над ним. — Это не твоя вина, Тамми. Увы, никто теперь не увидит, как ты танцуешь. — Она повернулась ко мне. — Телефон в холле. — И вышла.

Я осмотрелся по сторонам. Следов борьбы заметно не было. Как и посторонних предметов — сумочки Тамми, например. Я присел рядом с ней, чтобы рассмотреть рукоятку ножа. Черного

цвета, деревянная, дюйма четыре длиной — похоже на большой кухонный нож. Лезвие проникло в грудь убитой целиком, крови не было. Я встал, выбрался в холл и подошел к тумбочке под лестницей, на которой стоял телефонный аппарат. Из кухни доносились голоса. Телефон был бесплатный, что меня несколько поразило: либо Хетти безгранично доверяла своим постояльцам, либо могла себе позволить платить по их счетам. А ведь наверняка именно один из них и прикончил Тамми Бакстер. Я набрал номер, по которому звонил чаще всего.

— Да?

Я давно и безуспешно пытался объяснить Вулфу, что это не лучший способ отвечать по телефону.

— Это я. Звоню из дома мисс Эннис, чтобы доложить об осложнениях. Мы прошли в гостиную, чтобы посмотреть на книжные полки, но обнаружили на полу Тамми Бакстер с ножом в груди. Это та самая девушка, которая утром заходила к нам по поводу мисс Эннис и которой интересовался секретный агент. Мисс Эннис вызывать полицию отказалась, поэтому звонить придется мне. Я стараюсь говорить потише, потому что звоню из холла, а неподалеку от меня кухня, в которой

беседуют жильцы мисс Эннис. Жду ваших указаний. Вы сказали мисс Эннис, что вернете ей ее собственность. Это по-прежнему остается в силе? И о чем мне умалчивать, отвечая на вопросы полиции?

— Опять! — прорычал Вулф.

— Что — опять?

— Опять ты! Ты обладаешь поразительной способностью очертя голову ввязываться в самые невозможные переделки. О чем ты собираешься умалчивать?

— Как раз это я у вас и спрашиваю. И ввязался в эту переделку я вовсе не очертя голову, а только потому, что вы сами меня сюда послали. Минуту или две спустя вы наконец догадаетесь, хотя я вот догадался об этом сразу, что будет не так-то просто объяснить, почему мы не сразу уведомили их о фальшивых деньгах. Я могу умолчать о том, что осмотрел банкноты и обнаружил подделку. Когда и если меня об этом спросят, я буду все отрицать.

— Пф! Ты забыл про эту женщину.

— Если до этого и дойдет, в чем лично я сомневаюсь, то мы с вами вдвоем засвидетельствуем против нее. Она заявила, что не собирается иметь дела с копами, и удалилась в свою комнату. Разумеется, дело с ними ей — или им с ней — иметь

придется, но я не думаю, что она им многое расскажет. Ее ненависть к полицейским впечатляет. Ставлю десять против одного, что она вообще не скажет им, куда ходила сегодня утром. Впрочем, если вы предпочитаете полную откровенность, то…

— Я предпочитаю, чтобы всего этого вообще не было, — буркнул Вулф. — Проклятье! Ладно, умолчи об этой подробности.

— Хорошо. Вернусь, когда смогу.

Я положил трубку и задумался. Любой гражданин, а тем более лицензированный частный сыщик, наткнувшийся на труп, обязан незамедлительно уведомить о своей находке полицию, однако я решил, что была не была — из-за пяти лишних минут меня на виселицу на отправят. Громовой голос Реймонда Делла по-прежнему доносился из кухни. Хетти сказала, что ее комната расположена по фасаду на втором этаже. Я поднялся по ступенькам и постучал в дверь напротив лестницы.

— Кто там? — послышался голос Хетти.

— Гудвин. Малый, по-вашему.

— Что тебе? — подозрительно спросила она. — Ты один?

— Один, но хочу вас кое о чем спросить.

Послышались шаги, затем скрежет давно не смазывавшегося засова, и дверь распахнулась. Впустив меня, Хетти тут же заперла дверь и задвинула засов.

— Они еще не приехали, — сказал я. — Я позвонил мистеру Вулфу с предложением опустить одну подробность, а именно про то, что деньги фальшивые. Вы тоже этого не знаете. Никому из нас это даже в голову не пришло. Если вы признаетесь, что знали о подделке, это существенно усложнит наше положение. Вот я и подумал, что…

— Кому я признаюсь? — вызывающе спросила Хетти.

— Копам, естественно.

— Я не собираюсь ни в чем признаваться копам! — фыркнула Хетти. — Я с ними вообще не собираюсь разговаривать!

— Вот и умница. — (Переубеждать ее было бесполезно.) — Если же все-таки передумаете, то помните: мы даже не подозревали, что деньги фальшивые. Извините за беспокойство.

Я вышел и спустился по лестнице, провожаемый уже знакомым лязганьем засова. Из кухни по-прежнему доносились голоса. Я прошагал к телефону, набрал Уоткинс 9-8241, назвался, по-

просил соединить меня с сержантом Стеббинсом и вскоре услышал его голос:

— В чем дело, Гудвин? Я занят по уши.

— А сейчас будешь занят по самую макушку. Я решил, что сэкономлю время, позвонив прямо тебе. Звоню из дома мисс Хетти Эннис, Западная Сорок седьмая улица, дом шестьсот двадцать восемь. В гостиной лежит труп молодой женщины с ножом в груди. Я застал ее уже мертвой. Такие дела. А сейчас я отлучусь ненадолго, а то у меня с утра маковой росинки во рту не было.

— Черта с два! — прорычал Пэрли Стеббинс. — И опять ты! Господи, как же ты мне надоел! — Он произнес слово, которое я повторять не собираюсь. — Оставайся на месте и ничего не лапай! Разумеется, именно ты первым обнаружил труп?

— Вовсе не разумеется, но я.

Пэрли употребил еще одно запрещенное словечко.

— Повтори адрес.

Я повторил. Послышался сигнал отбоя. Я положил трубку на рычажки, и вдруг меня осенило. В самом деле — какого черта! В отсутствие Хетти никто меня холуем, холопом или лизоблюдом не назовет, а Пэрли вполне заслужил, чтобы его проучили. Да и занятно будет посмотреть, как

он отреагирует, увидев, что дорогу ему перешли парни из другого ведомства. Я взял с этажерки телефонную книгу, нашел нужный номер и набрал его.

Сдержанный голос ответил мне в ухо:

— Ректор два-девять-сто.

Понятно, осторожничают. Ну а я привык рубить сплеча.

— Это Секретная служба Министерства финансов?

— Да.

— Я хотел бы поговорить с мистером Альбертом Личем.

— Мистера Лича сейчас нет. А кто его спрашивает?

Я ответил не сразу, потому что мое внимание отвлекли. Парадная дверь открылась, и в холл вошел незнакомый мужчина. Молодой и красивый — настоящий бродвейский красавчик. Услышав мой голос, он подошел взглянуть на меня.

— Так кто его спрашивает? — повторила трубка.

— Меня зовут Арчи Гудвин. Я хотел бы кое-что передать мистеру Личу. Сегодня утром он наводил справки про женщину по имени Тамми

Бакстер. Передайте ему, что мисс Бакстер мертва. Убита. Ее тело найдено в гостиной дома на Сорок седьмом улице, в котором она проживала. Я только что уведомил об этом полицию. Я думал, что мистер Лич хотел бы... — Я поспешно бросил трубку, развернулся и заорал: — Эй, вы! Постойте!

Красавчик, которого я застал уже на полпути к гостиной, замер как вкопанный. Послышались голоса, и из кухни выскочили Марта Кирк и Реймонд Делл. В ту же минуту в дверь позвонили, и я поспешил открыть. На пороге стояли двое полицейских в форме.

— Кто тут Арчи Гудвин? — осведомился первый из них, входя.

— Я, — ответил я и указал на дверь гостиной. — А она там.

Глава 4

Два часа спустя, без двадцати четыре, когда я сидел за большим кухонным столом, уплетая крекеры с сыром и малиновым вареньем и запивая их кофе, инспектор Кремер послал своего человека просить меня об одолжении. Очень мало кому удавалось довести инспектора Кремера до подобной просьбы, а вот Хетти Эннис удалось.

Компанию за столом мне составляли двое постояльцев Хетти: Ноэль Феррис и Пол Ханна. Феррис и был тем красавчиком, который вошел в дом, когда я звонил в Секретную службу. Ханна выглядел еще моложе, но не столь привлекательно. Щеки у него были пухлые и розовые, его курносый нос утопал в них, зато уши, наоборот, оттопыривались. Один из полицейских привел его из театра «Машрум», где Ханна репетировал. В ту минуту, когда Кремер послал за мной, Ханна с Феррисом выясняли, когда каждый из них в последний раз заходил в гостиную. Феррис уверял, что заглядывал туда примерно месяц назад проверить, правда ли пианино настолько расстроено, как утверждала Марта, но нашел, что дело обстоит даже хуже. Ханна же припомнил,

что две недели назад спускался в холл позвонить, но по телефону разговаривала Марта, и он, не желая ей мешать, зашел в гостиную. А до этого Ханна с Феррисом препирались по поводу ножа. По словам Ханны, это был тот самый кухонный нож, которым он и сам частенько пользовался, а Феррис напирал на то, что нож обладает только чисто внешним сходством с их кухонным ножом. Оба сильно разгорячились и оживленно размахивали руками, не обращая ни малейшего внимания на сидевшего рядом полицейского.

Меня в гостиную не пустили, но я видел, как входили и выходили полицейские эксперты; некоторые из них до сих пор оставались там. Первым меня допросил Пэрли Стеббинс, появившийся на десять минут позже патрульных. Местом для беседы со мной он избрал кухню. Второе интервью я дал инспектору Кремеру и Альберту Личу в расположенной на втором этаже, прямо над кухней, комнате, в которой, как выяснилось позже, проживал Реймонд Делл. Высокая, конечно, честь для моей скромной особы, однако я все время держал в уме, что без меня им бы столь лакомый кусочек не достался. После моего телефонного звонка в Секретную службу Лич примчался, будто за ним все черти гнались,

а именно появление Лича и заставило приехать сюда Кремера, это как пить дать. Вот почему вместо того, чтобы утереть нос Пэрли Стеббинсу, мне пришлось выслушивать нападки не на шутку рассвирепевшего инспектора Кремера, а это, поверьте, не одно и то же.

— Итак, ты уверяешь, что Вулф отказался от гонорара и вознаграждения, но тем не менее направил тебя с ней сюда, а ты сам расплатился за такси? Ха! Я вас с Вулфом знаю как облупленных. Нечего мне лапшу на уши вешать.

Или:

— Ты пытаешься убедить меня, что не знаешь, сколько прошло времени с тех пор, как ты обнаружил тело и позвонил Стеббинсу, потому что не смотрел на часы? В жизни такого наглого вранья не слышал! Я прекрасно знаю, что в подобных случаях ты первым делом смотришь на часы, так уж ты натаскан. По словам Реймонда Делла и Марты Кирк, вы вышли из кухни в самом начале второго. А Стеббинсу ты позвонил в час тридцать четыре. Через полчаса. Что ты делал в этом промежутке?

Или:

— Прекрати паясничать!

Впрочем, инспектор с самого начала был в

невыгодном положении, поскольку отлично знал, что я буду юлить и изворачиваться, а в таких случаях он мгновенно закипает, выходит из себя и начинает совершать ошибки. Вот почему вопрос, которого я панически боялся, мне так и не задали. Я выложил ему всю подноготную, начиная с прихода Хетти и вплоть до той минуты, когда спрятал сверток в сейф; умолчал я лишь об одной-единственной мелочи, а Кремер даже не предположил, что с деньгами могло быть что-то нечисто. Как, впрочем, и Лич, который, правда, взорвался лишь один раз, да и то когда я здорово его допек.

— Я предупреждал вас, Гудвин, — нервно начал он, — чтобы вы не вздумали играть в кошки-мышки с Секретной службой. Вы не послушались. Оказывается, в ту самую минуту, когда я спрашивал вас, была ли у вас Хетти Эннис, она болтала с Вулфом. Вы только что это признали. Таким образом, вы утаили важные сведения от федерального агента, находившегося при исполнении служебных обязанностей, и теперь ответите за это по всей строгости!

— Я отвечу немедленно, — сказал я. — С какой стати я должен был вам хоть что-то рассказывать? Никаких ордеров вы мне не предъявляли.

Инспектор Кремер — иное дело, ему я отвечать обязан. Мы с мисс Эннис обнаружили в ее доме труп, инспектор Кремер должен найти убийцу, а я вполне допускаю, что между убийством и свертком, который мисс Эннис оставила в доме мистера Вулфа, может существовать какая-то связь. Вот почему я так подробно отвечаю на его вопросы. В отношении вас я никаких обязательств не имею. Впрочем, попытать счастья вам не возбраняется.

Я, конечно, здорово рисковал. С другой стороны, рано или поздно меня все равно спросили бы о том, знал ли я про фальшивку, так что лучше было подстраховаться. Однако Лич только посмотрел на Кремера, и тот возобновил допрос.

Без двадцати четыре, когда детектив по фамилии Каллахан вошел в кухню и сказал, что меня хочет видеть инспектор, я решил, что мое время пришло и мне зададут тот самый вопрос, однако, увидев физиономию Кремера, я понял, что ошибаюсь. Кремер жевал сигару — занятие, которому он предается, когда перспективы ему не улыбаются. В комнате Делла рядом с ним сидели лейтенант Роуклифф и еще какой-то детектив. Лич отсутствовал. Кремер явно нервничал. Вынул изо рта сигару, снова взял в рот и прохрипел:

— Нам нужна твоя помощь, Гудвин!

— Всегда к вашим услугам, — отозвался я.

— Угу, — буркнул он отнюдь не тем тоном, которым просят об одолжении. — Это ты сказал Эннис, чтобы она заперлась у себя в комнате?

— Нет. Я вам выложил все как на духу.

— Угу. — Он вынул сигару. — Она нам не отпирает. И отвечать отказывается. Я бы не хотел без крайней нужды ломать дверь. Она ваша клиентка и должна послушать, если ты прикажешь впустить нас.

— Она вовсе не наша клиентка.

— Пусть так, но она откроет, если ты ее попросишь?

— Возможно.

— О'кей, попроси.

Я позволил себе ухмыльнуться:

— Нет, так не пойдет, инспектор, здесь нужны другие методы. Я готов попытать счастья лишь в том случае, если в коридоре, кроме меня, не будет ни души, а дверь в эту комнату будет закрыта. Тогда я объясню Хетти, что происходит. Видите ли, у нее зуб на всех полицейских. В свое время какой-то полицейский пристрелил ее отца.

— Да, пятнадцать лет назад. И урезонить ее никак невозможно?

— Нет.

— Но ведь она должна понимать, что мы высадим дверь, если понадобится. Передай ей это.

— Непременно. При условии, что вы соблюдете все наши договоренности. А то ведь у Роуклиффа только мозгов не хватает, а на ноги он быстр.

— Давай без колкостей! — строго осадил меня Кремер и сунул сигару в рот.

Я кивнул, вышел в коридор, закрыл за собой дверь, прошагал к комнате Хетти Эннис и позвал:

— Это я, Малый Гудвин! Я один. Впустите меня. Я хочу кое-что вам сказать.

Послышались шаги, а затем ее голос:

— Где они?

— Все еще в доме, но на безопасном расстоянии. Не бойтесь, я не штрейкбрехер.

Заскрежетал засов, и дверь распахнулась. Я вошел, закрыл дверь и задвинул засов. Шторы были опущены, а люстра горела. В руке Хетти держала журнал.

— Мог бы хоть что-нибудь поесть принести, — проворчала она. — Я ведь даже не обедала. Толку от тебя как от козла молока.

Я укоризненно посмотрел на нее:

— Вы уже второй раз твердите, что я ни на что

не годен. Давайте выясним это раз и навсегда. Если от меня нет толку, зачем вы тогда меня впустили?

— Я думала, ты мне поесть принесешь. Ты уж не обижайся, у меня что на уме, то и на языке. Есть уж больно хочется.

— Ладно, прощаю. Тем более что на самом деле я необычайно полезный. В противном случае стал бы я предупреждать вас, что они собираются высадить дверь и вломиться?

— Ну нет, это они не посмеют, — нахмурилась Хетти.

— Почему?

— Потому что знают, что я их тут же перестреляю, как куропаток.

Я огляделся по сторонам. Массивная старинная кровать из ореха, старинное бюро резного дерева, шкаф, комод, стулья, развешанные по стенам фотографии каких-то мужчин и женщин — актеров, должно быть.

— А из чего вы собираетесь стрелять? — осведомился я. — Из ножки кровати?

— Не важно, — хмыкнула она. — Пистолета у меня, правда, нет, но ведь они-то этого не знают.

Я окинул ее восхищенным взглядом:

— Понятно. Могу я спросить позволения назы-

вать вас Хетти?

— Нет. По крайней мере до тех пор, пока я не разберусь, что тут творится.

— Очень хорошо, мисс Эннис. Полицейский инспектор по фамилии Кремер велел мне передать вам, что они собираются вломиться силой. Они вполне могут сделать это, не подставляясь под ваши пули, так уж они обучены. Вот и все, что мне поручили вам сказать, однако от себя хочу добавить, что, ворвавшись к вам, они потом увезут вас в участок и задержат как важного свидетеля. Они расследуют убийство, которое случилось в вашем доме, а вы — одна из подозреваемых. Если же вы их впустите и ответите на вопросы, то вас, скорее всего, не увезут и вы будете ночевать не в камере, а в собственной постели.

Она нахмурилась:

— Говоришь, я подозреваемая?

— Несомненно. Что вам стоило прикончить Тамми, когда вы вернулись домой пришивать пуговицу?

— Как, и ты меня подозреваешь?

— Нет, конечно. Пусть от меня и впрямь толку как от козла молока, но я еще не придурок.

Хетти поджала губы:

— Им придется нести меня на руках.

— Это они запросто. Их тут полным-полно, и у каждого с собой наручники.

— Да, пусть меня закуют в кандалы. — Она склонила голову набок, и прядь седых волос сползла на глаза, но Хетти не потрудилась ее поправить. — Ладно, Малый, твоя взяла. Я никогда прежде не прибегала к услугам сыщика, но теперь, видно, пора. Что я должна подписать?

— Какого сыщика вы нанимаете, мисс Эннис?

— Тебя, кого же еще. Можешь звать меня Хетти.

— Меня вы нанять не можете — я работаю на Ниро Вулфа, который платит мне жалованье.

— Значит, я должна нанять Ниро Вулфа.

— А зачем это вам?

— Чтобы копам нос утереть. Чтобы сто раз пожалели, что ко мне сунулись. Чтобы заставить их есть дерьмо.

— Он не возьмется за такую работу. Вы можете поручить ему расследовать убийство, а вашу мечту он постарается выполнить по ходу дела. Однако аппетиты у него столь неумеренные, что я сомневаюсь, сможете ли вы позволить себе такие траты.

— А ты ему поможешь?

— Разумеется. Это моя работа.

Она зажмурилась, потом открыла глаза и посмотрела на меня:

— Я заплачу ему одну десятую всего, что у меня есть, кроме этого дома. Сорок две тысячи долларов. Этого должно хватить.

Я с трудом удержался, чтобы не вылупиться на нее.

— Да, пожалуй, — кивнул я. — Что ж, тогда я задам вопрос, который, безусловно, задал бы он. Он очень разборчив в финансовых делах. Чем именно вы располагаете, помимо этого дома? Придется ли вам, чтобы выручить деньги, продать что-нибудь, например скаковую лошадь или яхту?

— Не шути со мной, Малый. В таких делах я тоже дока. Я храню свои средства в ценных бумагах, которые держу в банке. Так что, подписать мне что-нибудь?

— Теперь, раз я могу называть вас Хетти, в этом уже нет необходимости. — Я с трудом подавил в себе желание смахнуть непослушную прядь у нее со лба. — Остаток дня вы будете, по-видимому, очень заняты, поэтому договоримся так: вы наняли мистера Вулфа расследовать убийство, а в случае, если он откажется взяться за это дело, я уведомлю вас так быстро, как только смогу. И вы

не станете упоминать…

— А почему он может отказаться?

— Потому что он гений, а все гении капризны и непредсказуемы. Они вольны в своих поступках. Однако предоставьте его мне. Если вы и вправду готовы платить нам, то мне уже пора начинать отрабатывать гонорар. У вас есть штемпельная подушечка?

Хетти сказала, что да, и, покопавшись в бюро, нашла ее. Белой бумаги у нее, правда, не оказалось, и мне пришлось выдрать из журнала рекламную страничку с широкими белыми полями.

— Мне нужны все десять пальцев, — сказал я. — Сначала правая рука, потом — левая. Вот так.

Хетти не спросила, зачем мне понадобилось брать у нее отпечатки пальцев. Она вообще не задала мне ни одного вопроса. То ли знала, что я делаю, то ли просто доверилась мне — можно было только гадать. Покончив с отпечатками, я аккуратно сложил лист бумаги вчетверо и спрятал его в свою записную книжку.

— Хорошо, — сказал я. — Не запирайте дверь, а я скажу инспектору Кремеру, что…

— Нет! — Хетти упрямо помотала головой из стороны в сторону. — Если они сломают дверь,

им придется за нее заплатить.

Я объяснил ей все с самого начала. Напирал на то, что с убийствами шутки плохи, но Хетти держалась как кремень. Я пояснил, что ей вовсе не придется приглашать полицейских войти, а достаточно будет просто оставить дверь открытой, но Хетти была непреклонна. Не успел я выйти в коридор, как дверь за мной захлопнулась и клацнул засов. Я устало вздохнул и вошел в комнату Делла.

— Ну что? — требовательно спросил инспектор Кремер.

— Безнадега. — Я остановился в дверях. — Если у нее и есть мозги, в чем я сомневаюсь, то применяет она их исключительно по своему усмотрению. Она хочет нанять Ниро Вулфа, чтобы заставить вас есть дерьмо. Я пояснил, что если вам придется вламываться к ней силой, то вы потом увезете ее в участок и задержите как важного свидетеля, но она заявила, что вам придется тащить ее на руках. А стоило мне выйти — задвинула засов.

— Что ж, — процедил Кремер, — тем хуже для нее.

Он отвернулся и заговорил с Роуклиффом, но я уже торопился, поэтому подслушивать не стал. Каллахана, детектива, который привел меня

сюда, поблизости не было, и я решил, что, если спущусь в холл без сопровождения, меня не остановят. Сказано — сделано, я спустился, поинтересовался у караулившего внизу полицейского, не перестал ли снегопад, неторопливо натянул пальто, открыл дверь и был таков.

Снег валил с новой силой, на крыльце его намело уже с дюйм. Перед домом топтались еще двое полицейских, а у тротуара стояли во втором ряду четыре полицейских автомобиля, окруженные небольшой кучкой зевак. Я зашагал в восточном направлении, завернул в первый попавшийся бар на Восьмой авеню и позвонил домой. Шел уже пятый час, а это означало, что Вулф на дневном свидании с орхидеями — он всегда торчит там с четырех до шести, — поэтому я ничуть не удивился, услышав голос Фрица. Я попросил его переключить меня на оранжерею.

— Да? — Вулф и так терпеть не может отвечать по телефону, но он вдвойне ворчлив, когда его отрывают от орхидей.

— Снова я. Из телефонной будки на Восьмой авеню. Я смылся с места преступления без спроса, потому что должен кое-что сообщить. Насчет денег не беспокойтесь. Мисс Эннис, которую я теперь называю Хетти, набрала в рот воды и будет

молчать до последнего. Она заперлась в своей комнате, а Кремер с Роуклиффом собираются к ней вломиться. Стеббинс куда-то запропастился. Я уже…

— Он был здесь.

— Кто? Стеббинс?

— Да. Я поговорил с ним в дверях. Он хотел забрать сверток с деньгами. Я сказал, что не уполномочен его отдавать, поскольку сверток был доверен на ответственное хранение тебе. Про то, что деньги могут быть ненастоящими, речь не шла. В дом я его не впустил. Мне показалось, что он остался недоволен.

— Еще бы! Кремер попросил меня уговорить Хетти впустить их, и я попытался. Когда я объяснил, что они ворвутся к ней силой и отвезут в участок, она заявила, что хочет прибегнуть к вашим услугам и с вашей помощью заставить их есть дерьмо. Я сказал, что вы возьметесь только за расследование убийства, а ее честь будет отомщена уже по ходу дела. Я также сказал, что вы цените себя очень высоко. Она заявила, что готова заплатить вам сорок две тысячи долларов — одну десятую часть освобожденных от налогов ценных бумаг, которые хранит в банке. Мы порешили на том, что взяли ее в клиентки,

однако на тот случай, если вы, будучи гением и эксцентриком, от нее откажетесь, я пообещал тут же ее уведомить. Беда только в том, что не знаю, как это сделать, коль скоро добраться до нее невозможно. Может, попросить Кремера передать ей, что вы слишком заняты?

— Да.

— Естественно, — сочувственно произнес я. — Вы бы скорее умерли от голода, чтобы только не работать, да вот беда — аппетит не позволяет. На самом деле Хетти хотела нанять меня — она в этом деле разбирается, — но я сказал, что меня можно заполучить, только наняв вас. Я подожду — можете посчитать до десяти.

— Черт тебя побери! — прорычал он. — Возможно, у нее нет никаких ценных бумаг. Возможно, она неплатежеспособная.

— Исключено! — отрезал я. — Она моя любимая сумасбродка, но она не лгунья. Она меня приворожила, и, кроме того, я в долгу перед ней. Благодаря ей Кремер попросил меня об одолжении.

Молчание. Затем рев:

— Возвращайся домой и доложи. Разберемся на месте.

Глава 5

Согласно одному из правил, заведенных в нашем доме, за столом запрещается говорить о делах, а в оранжерее их можно обсуждать лишь в самых экстренных случаях. Однако в этот зимний день срочность определялась тем, что Вулфу предстояло принять решение — браться за работу или нет, — а он не мог спокойно нянчиться с орхидеями, когда над его головой висел подобный дамоклов меч. Тем не менее он выслушал мой доклад не в одном из трех помещений оранжереи, а в горшечной, сидя на изготовленном по специальному заказу табурете. Воспользовавшись тем, что Теодор мыл в раковине горшки, я занял его табуретку.

Вулф выслушал мое сообщение с зажмуренными глазами, лишь изредка прерывая меня вопросами. Когда я закончил, он глубоко вдохнул, шумно выпустил воздух через ноздри, раскрыл глаза и пробурчал:

— Замечания или предложения есть?

— Да, сэр, и предостаточно. Во-первых, Хетти Эннис исключается. Вела она себя, когда мы нашли труп, совершенно безупречно. Не берусь

предсказать, как она поведет себя в дальнейшем, но точно знаю, чего она не делала. Она не убивала Тамми Бакстер. Во-вторых, не спрашивая, знал ли я, что деньги поддельные, все они тем самым оскорбляют мой интеллект, а заодно и ваш. Лич попросил Кремера не поднимать этот вопрос, потому что хочет изобличить фальшивомонетчика. Это ему, видите ли, важнее, чем поимка убийцы, а я, по его мнению, способен наболтать лишнего репортерам. Похоже, он считает, что без него мы бы сами ни о чем не догадались. Представляете, секретный агент является к нам, спрашивает, не оставляла ли у нас дама пачку денег, а мне даже в голову не приходит, что деньги могут быть фальшивыми?

— Он не знал, что она была здесь и оставила деньги тебе, — напомнил Вулф.

— Узнал в процессе допроса. Я сказал это Кремеру в его присутствии. Бедняга Кремер, должно быть, локти кусал от досады. Он бы дорого дал, чтобы упечь нас в каталажку за хранение фальшивых денег. Ставлю десять против одного: Лич не знал, что Кремер отрядил Стеббинса к нам за этим свертком. Наконец, в-третьих, Тамми Бакстер тоже была агентом Секретной службы.

Вулф скривил губы:

— А это для нас что-то значило?

— Теперь значит. Сегодня утром Лич спросил, не заходила ли она к нам, а когда я ответил, что заходила, но ушла, он поинтересовался, не возвращалась ли она, не звонила ли, после чего переключился на Хетти Эннис. А почему он не спросил, что рассказала нам Тамми Бакстер? Да потому, что он это знал: она ему обо всем доложила. Знал он и номер их телефона. Как, впрочем, и Кремер. Почему его не интересовала моя беседа с Тамми Бакстер, состоявшаяся всего за час до того, как ее убили? Только потому, что Лич ему уже все рассказал.

— Значит, в дом мисс Эннис ее поселила Секретная служба Министерства финансов?

— Наверняка. Скорее всего, им было известно, что среди жильцов завелся фальшивомонетчик. Сомневаюсь, чтобы они знали, кто именно, ведь в таком случае должно быть понятно, кто убил Тамми Бакстер, а Кремеру они этого не сказали. Впрочем, с этой публикой все возможно. У них своя игра. В-четвертых, Тамми убил один из четверых жильцов — свидетельством тому нож из кухни Хетти. Реймонд Делл, Ноэль Феррис, Пол Ханна, Марта Кирк. Если хотя бы у кого-нибудь из них есть алиби, то круг сужается. В-пятых, если

Хетти Эннис — ваша клиентка, то вам стоило бы переговорить с Паркером. Насколько мне помнится, не в ваших правилах заставлять своих клиентов томиться в тюряге. Я сам ему позвоню.

— Я тебе не разрешал.

— Запрещаете, значит?

Вулф поджал губы, потом глубоко вдохнул:

— Проклятье! Ладно, звони.

— Хорошо. Только сперва еще кое-что. Так вот, в-шестых, раз уж мы с вами не додумались, что деньги могут оказаться фальшивыми, я больше не вижу причины, мешающей нам проверить отпечатки пальцев на свертке. Полагаю, без санкции суда вы никому не отдадите собственность своей клиентки?

— Разумеется, нет. Только на свертке будут не только твои, но и ее отпечатки.

— Я их уже взял.

— Неужели?

— Да, сэр. На всякий случай.

— Понятно. — Вулф встал с табурета. — Тогда решай сам. Если будут новости, дай мне знать. Приступай.

Я ушел. Даже в спешке невероятно трудно проходить через помещения с орхидеями, не останавливаясь, но в тот раз я остановился всего

один раз — перед буйно цветущими Miltonia roezlis. Таких милтоний, более пятидесяти кистей на четырех футах скамейки, у Вулфа (и Теодора) еще не было. Зрелище тем более невероятное, когда на стеклянную крышу оранжереи, кружась, падают снежинки.

Поскольку был уже вечер, я позвонил Натаниэлю Паркеру, нашему адвокату, домой, соединил его с Вулфом и прослушал их беседу, как поступаю всегда, когда Вулф не предупреждает, что должен беседовать тет-а-тет. Паркер сомневался, что сумеет вызволить Хетти до утра, поскольку полиции пришлось врываться к ней силой, да и рта она не раскрывала, однако пообещал, что попытается.

Решив вопрос с Паркером, я вынул из сейфа сверток с деньгами и принялся снимать и сличать отпечатки пальцев. Это заняло два часа, и еще час ушел на обед, поэтому завершил операцию я уже в десятом часу. Если вы считаете, что я копался недопустимо долго, то хочу напомнить: во-первых, снимать отпечатки пальцев с оберточной бумаги я бы не пожелал и врагу, а во-вторых, каждый отпечаток приходилось сличать со своими и Хеттиными. Вдобавок я старался работать со всеми предосторожностями, чтобы не

повредить возможной улики. Вулф после обеда устроился в своем любимом кресле, с головой уйдя в очередную книгу. Время от времени он искоса посматривал на меня, словно надеясь услышать, как я возвещу, что убийца у нас в руках, тем самым избавив его от необходимости работать. Однако в четверть десятого я повернулся к нему и сказал:

— Увы! Полное фиаско! Семь приличных отпечатков, еще дюжина более или менее сто́ящих и четырнадцать безнадежно смазанных. Все, которые удалось опознать, принадлежат мне и Хетти. Либо он работал в перчатках, либо стер их.

Нужно воздать Вулфу должное — он никогда не задает идиотских вопросов вроде: «Ты уверен?» или «А банкноты ты проверил?». Он просто прорычал:

— Трудно было надеяться на чудо. — Затем заложил страницу, которую читал, золотой полоской — закладкой, подаренной благодарным клиентом, несмотря на выставленный ему колоссальный счет, — и закрыл книгу. — Что ты предлагаешь?

Я осторожно отнес банкноты и бумагу к сейфу и поместил внутрь.

— Теперь потребуется пораскинуть мозгами, —

ядовито заметил я. — Сами знаете чьими, ведь я только мальчик на побегушках. Я понимаю, что вы никогда не покидаете дом по делам, но если…

В дверь позвонили. Три к одному, что это Кремер, решил я, да еще, возможно, и не один, а с Личем. Выйдя в прихожую, я щелкнул выключателем и, когда над крыльцом вспыхнул свет, понял, что проиграл пари. Вернулся в кабинет и известил Вулфа:

— Все четверо явились. Делл, Феррис, Ханна и Марта Кирк.

Вулф метнул на меня свирепый взгляд:

— Ты их пригласил?

— Нет, сэр, для меня самого это полная неожиданность. Совести у людей нет. Хотя бы позвонили.

— Нет, это совершенно немыслимо! Я не готов их принять. Я даже не настроился. — Он взъерошил свою шевелюру. — Возмутительно! Ладно, зови!

Я поспешил в прихожую, открыл дверь и впустил их. Марта Кирк, войдя первой, книксен не сделала, а Реймонд Делл не поклонился. Когда я, закрыв дверь, повернулся, Марта сидела на скамейке и стягивала галоши, а мужчины снимали пальто.

— Ну как, статью написали? — пробурчал Делл.

Поскольку со времени нашей первой встречи прошло восемь часов, я даже сразу его не понял. Лишь пару секунд спустя я догадался, о чем он спрашивает.

— Ах вот вы о чем, — спохватился я. — Нет, не успел, мне помешали.

— Мы хотим поговорить с Ниро Вулфом, — заявила Марта Кирк. — А заодно и с вами.

— Пожалуйста, мы оба к вашим услугам. Сюда. — Я прошел к кабинету, встал перед распахнутой дверью и пригласил их войти.

Вулф встал и, когда я представлял каждого, наклонял голову на одну восьмую дюйма, а затем сел. Он никогда не здоровается за руку с незнакомцами. Я хотел было усадить в красное кожаное кресло Марту Кирк, но Делл опередил, и я придвинул ей одно из желтых. Феррис и Ханна уселись в соседние желтые кресла. Вулф обвел всех взглядом — сначала слева направо, затем справа налево.

— Начинай, Марта, — сказал Пол Ханна. — Это ведь ты затеяла.

— Нет, — помотала головой Марта, — это затеяла Хетти. — Она по-прежнему выглядела как

конфетка, да и ямочки со щек не исчезли, но вот угощать меня омлетом из яиц жаворонка она уже явно не собиралась. Посмотрев на меня, она перевела взгляд на Вулфа. — Это просто смешно! — вырвалось у нее. — Чтобы Хетти… Чушь какая!

— Смешно думать, что Хетти могла убить Тамми Бакстер, — пояснил Ноэль Феррис. — А Хетти порекомендовала нам всем сообща прийти к вам.

— Если верить Марте, — ухмыльнулся Пол Ханна.

— Придурки! — прогромыхал Делл. Его седовласая шевелюра, примятая было шляпой, уже принимала прежний величавый облик. — Даже перед лицом трагедии ухитряетесь паясничать.

— Смерть вовсе не трагедия, — изрек Феррис. — А вот жизнь — да.

— Это мисс Эннис надоумила вас философствовать в моем присутствии? — едко осведомился Вулф и продолжил, не дожидаясь ответа: — Мисс Кирк, судя по всему, она именно с вами разговаривала?

— Да, — кивнула Марта. — Она сказала, что наняла вас с мистером Гудвином, чтобы проучить копов, а мы должны всей компанией отправиться

к вам и выложить все то, что говорили им.

— А когда это она успела вас нанять? — поинтересовался Ханна; его пухлые розовые щеки слегка обвисли.

Вулф пропустил его вопрос мимо ушей, продолжая смотреть на Марту:

— Что еще она вам сказала?

— Больше ничего. У нее не было возможности. Я спускалась по лестнице, а Хетти как раз в эту минуту уносили. Она заметила меня и сказала… все это. И я ответила, что обязательно пойдем. Конечно, тогда я не могла сказать остальным, поскольку нас все еще допрашивали, но рассказала, как только копы ушли.

— Ее несли в буквальном смысле? Насильно?

— Да. Двое полицейских.

— И они взломали дверь в ее комнату?

— Да.

Вулф негодующе фыркнул:

— Возможно, им придется держать за это ответ. К вашему сведению, мисс Эннис и в самом деле моя клиентка, однако наняла она меня вовсе не для того, что сказала вам. Я взялся только за то, чтобы раскрыть убийство, которое было совершено в ее доме.

— Но она тут ни при чем! — возмутилась Мар-

та. — А ее арестовали. С ума все посходили!

— Тамми убил какой-то сексуальный маньяк, — произнес Пол Ханна. — За последнюю неделю какой-то мужчина дважды следовал за ней буквально до самой входной двери. Когда она мне об этом рассказала, я предложил устроить ему засаду, но она отказалась и заявила, что, если он сунется еще раз, она сама с ним расправится.

— Лохинвар[4] Ханна! — презрительно фыркнул Феррис. — Между прочим, порой эти маньяки бывают дьявольски изобретательными. Проникнуть в дом, конечно, было несложно, у него могла быть сумка с ключами, но вот как ему удалось стащить нож из кухни — ума не приложу. А нож наш — вы сами его опознали.

— Что вы ко мне прицепились? — Щеки у Ханны стали пунцовыми. — Да, я опознал его. По этой щербинке его бы и слепой узнал. Даже ты, если на то пошло. Я был уверен, что и Хетти его сразу узнает.

— Я тоже, — кивнула Марта.

Феррис воздел руки:

— Тогда сдаюсь. Просто поначалу мне почему-то казалось, что для всех нас безопаснее было

---

[4] Сноски: 4

Лохинвар — рыцарь из одноименного стихотворения Вальтера Скотта.

бы не узнавать его. К тому же моя чувствительная натура... Брр! Даже подумать страшно, что именно этим ножом я себе хлеб нарезал! — И он театрально всплеснул руками.

— Молодые кретины! — громко фыркнул Реймонд Делл. — Мы, между прочим, не языками чесать пришли сюда, а чтобы помочь женщине, которой всем обязаны. Тамми Бакстер, между прочим, никто из нас толком и не знал — она совсем недавно поселилась в доме. Может, у Хетти были свои причины ее опасаться? Может, она убила ее в порядке самозащиты или поддавшись панике. Это вполне возможно. Всем ведь известно, что у бедняги Хетти не все дома. Мы думали, что она не способна хитрить, а она вот привела в дом Гудвина, частного сыщика, а нам с Мартой представила его репортером.

Брови Ферриса поползли на лоб.

— И вы пришли сюда, чтобы за нее заступиться?

— Да, — прогремел Делл голосом, который достиг бы самого дальнего уголка галерки, имейся таковая в нашем доме. — Не нам судить, она убила Тамирис или нет, но зато мы можем спросить: в состоянии мы ей помочь или нет? — Его глубоко посаженные серо-голубые глаза уставились на

Вулфа. — И спросить мы можем только вас.

Марта Кирк вставила:

— Хетти просила, чтобы мы рассказали ему все, о чем говорили с полицейскими.

Вулф помотал головой:

— Это вовсе не обязательно. Во всяком случае, я надеюсь, что до этого не дойдет. — Он прокашлялся. — Я и так уже извлек немало пользы, просто сидя здесь и слушая вас. Когда четыре человека, один из которых, безусловно, убийца, переговариваются в моем присутствии, я был бы последним ослом, если бы не вынес из их беседы ничего для себя нужного. Вот взять хотя бы вашу реакцию на мои последние слова: вы смотрите на меня во все глаза. Один из вас открыл было рот, чтобы возразить, но промолчал. Вы даже не переглядываетесь. Тем не менее я твердо знаю, что один из вас испытывает сейчас страх. Он постоянно терзается, не зная, должен ли что-то произнести, не выдадут ли его глаза или мимические мышцы. Он, разумеется, понимает, что одной лишь верной догадкой я на чистую воду его не выведу, однако мне для начала достаточно и этого.

Увы, для меня его слова звучали как китайская грамота. Вся компания дружно таращилась на Вулфа. Губы Марты были приоткрыты. Феррис

кривил рот. Пол Ханна судорожно жевал. Делл же сидел, задрав подбородок, и хмурился.

— Так вы и вправду уверены, что убийца — один из нас? Почему? — требовательно спросил Феррис.

— Поверьте мне, мистер Феррис, не только из-за ножа и не только потому, что, как мне известно, мисс Эннис им не воспользовалась. Я предпочитаю не раскрывать вам причин, которые заставили ее привести мистера Гудвина в свой дом инкогнито, хотя одному из вас понятно, почему я здесь об этом умалчиваю. — Он обхватил ладонями подлокотники кресла. — Теперь давайте продолжим. Трое из вас пришли сюда, чтобы помочь попавшей в беду женщине, четвертый — лишь потому, что побоялся отказаться. Как не откажется он и отвечать на мои вопросы, хотя при этом неизбежно выдаст себя. Если этот человек уже выдал себя полиции, то мы зря тратим время, однако я исхожу из предположения, что этого пока не случилось. Если я потерплю неудачу, то лишь потому, что не сумею задать правильный вопрос. Уверен, однако, что этого не произойдет. — Он повернул голову вправо. — Мистер Делл, вы заплатили мисс Эннис за последние три месяца проживания?

Глава 6

Подбородок Реймонда Делла вздернулся еще на четверть дюйма.

— Вообще-то, мы вовсе не обязаны вам отвечать, — сварливо произнес он.

— Вы правы, — кивнул Вулф. — Если считаете, что этим поможете своей благодетельнице. Остальные тоже так полагают?

— Нет, — замотал головой Делл. — Если Хетти и правда ваша клиентка, то этот вопрос вы можете задать ей. Если уже не задали. Однако я отвечу: нет, я не заплатил мисс Эннис не только за последние три месяца, но даже за последние три года. И она ничего мне по этому поводу не высказывала.

Вулф чуть повернул голову:

— Мисс Кирк?

Марта Кирк смотрела на него во все глаза:

— Об этом меня полицейские не спрашивали.

— У меня свои методы, — буркнул Вулф. — Этот вопрос отражает мое видение случившегося. Он вас смущает?

— Нет. Я прожила у Хетти почти год и каждую неделю исправно платила пять долларов.

— Из своего заработка?

— В настоящее время у меня нет заработка. Отец раз в месяц присылает мне чек.

— Надеюсь, это его не затрудняет. — Глаза Вулфа переместились. — А вы, мистер Феррис?

Ноэль Феррис провел языком по губам.

— Не представляю, чего вы этим добиваетесь, но отказаться отвечать я не рискну. Я плохо представляю, сколько должен платить, — возможно, вы мне поможете. Комнату я снимаю без малого восемнадцать месяцев. Прошлым летом в течение тринадцати недель я был занят на телевидении и заплатил Хетти сто пятьдесят долларов. В ноябре шоу, в котором я участвовал, с треском провалилось, и с тех пор я перебиваюсь только случайными заработками на телевидении. Две недели назад я заплатил Хетти шестьдесят долларов. Дальше судите сами.

— Вы должны ей еще сто восемьдесят долларов, — сухо заключил Вулф. — Мистер Ханна?

Пол Ханна сидел с решительным видом.

— Я в ваших играх не участвую, — заявил он. — Если вам и кажется, что этот вопрос имеет отношение к делу, то я с вами не согласен. Более того, я абсолютно не верю вашему утверждению, будто вы знаете, что Тамми Бакстер убил один

из нас. Лично я ее не убивал. Без причины людей не убивают, а за что было кому-то из нас убивать Тамми? Она ведь и прожила в доме всего три недели, никто из нас с ней толком даже не познакомился. А нож ровным счетом ничего не доказывает. Убийце ничего не стоило проникнуть в дом, пробраться на кухню и взять его. Нет, я против вашей затеи!

Вулф мотнул головой:

— Ваша дерзость впечатляет, мистер Ханна, однако она неуместна. Если вы и впрямь невиновны, то ваши эмоции никого не интересуют. Вопрос лишь в том, зачем вы здесь? Чтобы помочь вашей благодетельнице или продемонстрировать свою гордыню?

— Я здесь из-за того, о чем Хетти попросила Марту, и еще потому, что хотел услышать, что вы нам скажете. А вы спрашиваете, плачу ли я за проживание! Хорошо, будь по-вашему — да, плачу! Я живу у Хетти четыре месяца, и каждую неделю вношу плату за свое проживание. Это хоть что-то доказывает?

— Да — то, что вы не нищий. У вас имеются собственные доходы?

— Нет. Я живу на старые сбережения.

— Понятно. Итак, с этим вопросом поконче-

но. — Вулф снова посмотрел на Марту. — Теперь, мисс Кирк, уточним кое-что из вашего разговора с полицией. А именно ваше сегодняшнее времяпрепровождение с половины одиннадцатого утра до часа дня. Где вы были в этот промежуток времени?

— Примерно до четверти первого я была в своей комнате, — ответила Марта. — Полицейские настаивали, чтобы я сказала поточнее, но я ничем помочь им не смогла. Спать я легла очень поздно, а по утрам я в течение часа всегда занимаюсь гимнастикой. Примерно в четверть первого я спустилась на кухню. Апельсинов там не нашлось, поэтому я сходила за ними в магазин. Отсутствовала минут десять, не больше. Когда я стояла у плиты, поджаривая себе яичницу с беконом, спустился мистер Делл, а потом пришли Хетти и мистер Гудвин. По словам Хетти, он готовил про нас статью. Она увела его…

— Достаточно. Где находится ваша комната?

— На третьем этаже, прямо над комнатой Хетти.

— А где живут остальные?

— Рей — я имею в виду Реймонда Делла — на втором этаже, в задней части. Над ним расположена комната Тамми Бакстер — по соседству с

моей. Комнату на четвертом этаже прямо надо мной занимает Ноэль Феррис, а дальше расположена комната Пола Ханны.

— Вы видели кого-нибудь из них сегодня утром?

— Нет. Разве что днем, когда Рей спустился.

— Может быть, вы слышали, как кто-то из них двигался или разговаривал?

— Нет.

— Это и к мистеру Феррису относится, который прямо над вами живет?

— Да. Должно быть, он встал и ушел еще до того, как я проснулась.

— Слышали вы хоть что-нибудь, что могло бы иметь отношение к нашему делу?

Марта Кирк помотала головой:

— Полицейские тоже считают, что я должна была хоть что-то услышать, пока находилась на кухне, но, увы, это не так.

Вулф повернул голову налево, к Реймонду Деллу, сидевшему в красном кожаном кресле:

— Мистер Делл, я знаю, что вы спускались на кухню во втором часу, вскоре после того, как мисс Эннис привела мистера Гудвина. А до этого вы не спускались?

— Нет, — прогремел Делл.

— Ни разу?

— Ни разу. Впервые я спустился именно тогда, когда вы и говорите, а до той минуты никого не видел и ничего не слышал. Я вообще спал без задних ног.

— Тогда откуда вы узнали, что на кухне нет апельсинов?

Делл вздернул подбородок.

— Что-что? А-а! — Он жестом указал на меня. — Это Гудвина штучки. Так вот, если хотите знать, то я спускался раньше, точнее, совсем поздно. Я по ночам не сплю. Я читаю. Я читал «Царя Эдипа» Софокла, а закончив часов в пять-шесть утра, захотел съесть апельсин. Как всегда в это время. Не найдя ни одного апельсина, я поднялся к себе и в конце концов сумел уснуть.

— Значит, у вас так заведено? Вы редко встаете до полудня?

— Никогда!

— А по ночам читаете. Что же вы делаете днем?

Делл насупился:

— Неужели это может иметь хоть какое-то отношение к делу?

— Безусловно.

— Ха, вот уж забавно будет поприсутствовать,

когда вы станете это доказывать. Воистину — предсказание, достойное Кумской сивиллы. Что ж, будь по-вашему: я служу нянькой.

— Кем?

— Нянькой. К сожалению, другого термина я не знаю, — язвительно произнес Делл. — С детьми сижу. У меня есть друг, художник по имени Макс Эдер, который арендует квартиру в Ист-Сайде. Его жена умерла, а он остался с трехлетним сыном и дочерью на год старше на руках. Пять дней в неделю, с двух до семи, я сижу с ними. За некоторое вознаграждение. По понедельникам и вторникам я свободен. Я вижу, вы хмуритесь. Конечно, я предпочел бы сниматься на телевидении, но пока, к сожалению, мой талант остается невостребованным.

— Где проживает мистер Эдер?

Делл пожал плечами, красиво, по-актерски:

— Это уже верх идиотизма. Впрочем, его адрес есть в телефонном справочнике. Мишн-стрит, триста четырнадцать.

— И как долго вы… э-э-э… оказываете ему эту услугу?

— Уже больше года.

Вулф оставил Делла в покое и переключился на его соседа:

— Мистер Ханна, сейчас меня интересует лишь то, что вы уже сообщали полиции. Где вы находились в промежуток времени с половины одиннадцатого до часа? Надеюсь, этот вопрос вы не воспримете близко к сердцу?

— Издеваетесь, да? — процедил Ханна. — На нервах играете. Не обещай я Марте прийти, ноги бы моей в вашем доме не было. Ладно, пес с вами! Я вышел из дому в начале десятого и пошатался пару часов на пристани Вест-Сайда. Потом сел на автобус и без чего-то двенадцать добрался до театра «Машрум». Репетиция начинается ровно в полдень. Около двух явился какой-то тип, предъявил свой жетон, сказал, что меня хотят расспросить, и увез на Сорок седьмую улицу.

— А что вы делали на пристани?

— Смотрел и слушал. В нашей пьесе «Поступай как знаешь» я играю портового грузчика, вот и хотел присмотреться, чтобы выглядеть поубедительнее.

— Где находится театр «Машрум»?

— Боуи-стрит. Неподалеку от Хаустон-стрит.

— У вас в этой пьесе главная роль?

— Нет, не главная.

— Сколько у вас строк?

— Немного. Роль совсем небольшая. Я ведь мо-

лод и еще только учусь.

— Как давно вы репетируете?

— Около месяца.

— Вам уже доверяли роли в театре «Машрум»?

— Однажды, прошлой осенью. У меня была эпизодическая роль в спектакле «Премного благодарен».

— Сколько он шел?

— Шесть недель. Очень даже неплохо, учитывая, что это офф-бродвейский театр.

— Посещая пристань, вы предпочитаете какое-то конкретное место?

— Нет, я хожу где попало, присматриваясь и держа ушки на макушке.

— Вы бываете там каждый день?

— Нет, конечно!

— Сколько раз вы ездили туда за последний месяц?

— Только раз, не считая сегодняшнего. В ноябре еще пару раз ездил, когда только роль получил.

Хотя бы один из всех с готовностью отвечает на все вопросы, подумал я. Без обид и без лишних слов. Попроси его Вулф продекламировать пару-тройку диалогов из спектакля «Поступай как знаешь», думаю, Ханна даже тогда бы его уважил.

Однако Вулфа, похоже, спектакль не слишком интересовал.

— Теперь ваш черед, — обратился он к Феррису.

— Я испытал изрядное облегчение, — признался Ноэль Феррис. — Когда вопросы, которые мне задавали, заставили меня осознать, что у меня нет алиби, признаюсь честно, на душе у меня заскребли кошки. Ей-богу! А вдруг все остальные смогли бы доказать, что были где-то в другом месте? Что тогда? Так что, огромное вам спасибо, мистер Вулф, теперь мне гораздо легче. Что же касается моего времяпрепровождения, то из дому я вышел в одиннадцатом часу и стал одно за другим обходить агентства по найму. Всего побывал в четырех. В двух из них, возможно, меня припомнят, хотя вряд ли назовут точное время посещения. Потом я проголодался и вернулся домой, чтобы перекусить. Я не могу позволить себе платить пять долларов за ланч в ресторане, но и за восемьдесят центов травиться не желаю. Когда я вошел в дом, какой-то человек звонил по телефону и говорил кому-то, что Тамми Бакстер убита, а ее тело находится в гостиной.

— Что за агентства вы обходили?

— Театральные и телевизионные.

— Вы каждый день их посещаете?

— Нет, примерно пару раз в неделю.

— А остальные пять дней чем занимаетесь? Как время убиваете?

— Это время меня убивает. Дня два-три я занимаюсь изготовлением фигурок лошадей, кенгуру и прочих зверюшек. Сижу в мастерской и леплю их из глины, а иногда и формы отливаю. В духе Челлини. За белку мне платят восемь долларов. За жирафа — двадцать.

— Где находится мастерская?

— В подсобке магазинчика на Первой авеню. «Зоопарк Гарри» — так магазинчик называется. Владеет им некий Гарри Аркази. У него есть шестнадцатилетняя дочка, прекрасная, как розовая заря, но вот беда — шепелявит. Илонка ее зовут. И еще сын…

— Это вам не водевиль, мистер Феррис, — жестко оборвал его Вулф и крутанул шеей, чтобы посмотреть на настенные часы. — Я согласился представлять интересы мисс Эннис всего пять часов назад и еще не успел продумать точный план действий, однако, хотя и задаю вам вопросы вразброс, они отнюдь не праздные. — Он обвел всю четверку глазами. — Теперь, увидев и выслушав вас, я уже четче представляю, как быть

дальше. За приход вас поблагодарит мисс Эннис — троих из вас. — Он встал. — Рассчитываю увидеть вас снова.

Марта вытаращилась на него:

— Но Хетти велела рассказать вам все, что мы говорили полицейским!

— Знаю, — кивнул Вулф. — Это заняло бы всю ночь. К тому же если вы сказали им хоть что-нибудь стоящее, то они меня опережают, а я не собираюсь глотать чужую пыль.

— И это вы называете расследованием убийства? — негодующе прогрохотал Делл. — Поинтересовались только, плачу ли я за жилье и как провожу время?

Со стороны это и впрямь выглядело странновато. Четверо подозреваемых явились без приглашения, убежденные, что им учинят допрос с пристрастием, а вместо этого их бесцеремонно выпроводили, не успев задать и по паре вопросов.

Ноэль Феррис, скривив рот, встал и зашагал в прихожую. Марта Кирк, не удостоившись ответа от Вулфа, воззвала ко мне: неужели я не понимаю, что Хетти Эннис арестовали по подозрению в убийстве, которое она не совершала? Пол Ханна сидел и слушал нас, кусая губу, потом поднялся,

взял Марту за локоть и позвал с собой, вполголоса добавив, что оставаться бессмысленно. Реймонд Делл встал в полный рост и, возвышаясь над Вулфом, с полминуты негодующе смотрел на него, а потом круто развернулся и вышел. И я невольно подумал: точь-в-точь как на сцене. Я последовал за Мартой и Полом Ханной в прихожую, но она предпочла сама надеть галоши. Когда я приоткрыл дверь, в дом ворвались снежинки.

Вернувшись в кабинет, я увидел, что Вулф сидит за столом с закрытыми глазами. В ответ на мое предложение принести ему пива он только кивнул, и я, прогулявшись на кухню, принес ему бутылку пива и бокал, а себе захватил стакан молока. Вулф открыл глаза, с шумом втянул воздух через ноздри, выдохнул через рот, выпрямился, откупорил бутылку и наполнил бокал.

— Вызови Сола, Фреда и Орри, — приказал он. — В восемь утра, в мою комнату.

Я приподнял брови. Сол Пензер был лучшим сыщиком-оперативником к югу от Северного полюса. Брал он десять долларов в час, хотя стоил все двадцать. Фред Даркин получал семь долларов, отрабатывая на семь пятьдесят. Час Орри Кэтера тоже обходился клиенту в семь долларов, хотя стоил на полдоллара меньше.

— Вот, значит, как? — произнес я, попивая молоко. — И когда вас осенило?

— Я пришел к умозаключению, что расспрашивать их дальше бесполезно. Мистер Лич следил за ними уже три недели, а теперь к осаде присоединилась и армия мистера Кремера. Моя единственная надежда — нанести противнику упреждающий удар с тыла.

Дождавшись, когда пена осядет до кромки бокала, Вулф поднес его к губам и сделал изрядный глоток.

— Шансы на успех невелики, но за неимением лучшего придется воспользоваться ими. Я не слишком хорошо знаком с повадками фальшивомонетчиков, но сомневаюсь, чтобы новичку доверили хранение пятисот двадцатидолларовых купюр. Десять тысяч долларов. Столь значительное количество позволяет предположить, что он имел дело не с посредником, а с самим источником. Если так, то быстрее всего мы решим эту загадку, выйдя на источник.

— Угу. Я даже подозреваю, что и Личу эта блистательная идея пришла в голову.

— Несомненно. Думаю, в задачу мисс Бакстер, поселившейся в этом доме, входил поиск оборудования для изготовления фальшивых

денег. Судя по всему, ей не удалось ничего найти. Возможно также, что кого-то из жильцов подозревали в распространении фальшивок, но за руку не поймали, поэтому слежку установили за всеми. С помощью мисс Бакстер и, видимо, еще кого-то. Будь я агентом Секретной службы, которому поручили слежку, скажем, за Реймондом Деллом, то предположил бы, что любое его свидание с первоисточником должно держаться в строжайшей тайне. Так уж устроен мой мозг. В первый же день, проследив его до известного дома в Ист-Сайде, я бы осторожно навел справки, но затем, увидев, что он проводит там пять дней в неделю, и узнав от мисс Бакстер, чем именно он там занимается, я бы переключил свое внимание на кого-нибудь другого. Однако я не агент Секретной службы. Меня этот дом, а особенно его обитатель, художник по имени Макс Эдер, очень даже интересует. Завтра утром туда отправится Орри Кэтер — пусть разведает, что к чему. Фред Даркин займется магазинчиком на Первой авеню — узнай, кстати, его адрес. «Зоопарк Гарри». — Вулф скорчил гримасу. — Сол Пензер пойдет в театр «Машрум». Шансы невелики, как я уже говорил, но ничего лучшего нам на завтра не остается. Если, разумеется, у тебя нет альтер-

нативных предложений. Нет?

— Есть, — многозначительно произнес я. — С должным уважением рекомендую вам напрячь мозги и хотя бы на послезавтра измыслить что-то более сто́ящее.

Вулф негодующе хмыкнул. Потом взял бокал, отпил пива, облизал губы и поставил бокал на стол.

— Хорошо. Сказав, что шансы невелики, я покривил душой, — признался он. — Кое-что подсказывает мне, что завтрашние усилия бесплодными не окажутся. Двенадцать часов работы нашей троицы плюс расходы обойдутся больше чем в триста долларов. Я не могу рискнуть такой суммой, пусть даже это и клиентские деньги, на поиск иголки в стоге сена.

— Значит, вас и в самом деле осенило?

— Разумеется.

— Отлично! Надеюсь, вы не слишком утомились?

Сделав вид, что не заметил его испепеляющего взгляда, я развернулся, придвинул к себе телефонный аппарат и набрал номер Сола Пензера.

Глава 7

Во вторник, в восемь утра, я присутствовал при начале инструктажа в комнате Вулфа, однако, когда телефон прервал нас во второй раз, Вулф велел мне спуститься в кабинет и разговаривать там. В первый раз звонил репортер из «Таймс», желавший побеседовать с Вулфом; когда я сказал, что Вулф занят, и спросил, не подойду ли взамен я, он проквакал, что нет, и бросил трубку. А вот второй звонок, на который я ответил уже внизу, в кабинете, был от Лона Коэна из «Газетт», который, напротив, всегда предпочитал иметь дело именно со мной, а не с Вулфом. Лон интересовался, когда лучше подослать фоторепортера, чтобы заснять, как Вулф будет кормить дерьмом копов. Похоже, у одного из двоих полицейских, которые уносили Хетти из дома, был свой лазутчик в редакции «Газетт». Ясное дело, Лона интересовало еще и многое другое, но я сказал, что с ответами придется повременить, пока они у меня самого появятся.

Я сидел и ломал голову, не стоит ли снова заглянуть к Вулфу, когда телефон позвонил в третий раз. Натаниэль Паркер извинился, что не сумел

вызволить нашу клиентку из заточения, пояснив, что потратил целых три часа, чтобы выяснить, где она находится, а в результате встретился с ней лишь около полуночи. И высказал надежду, что к полудню ее выпустят.

В девять утра троица спустилась. Мне всегда казалось, что один из секретов их успеха заключался в том, что никто из них не походил на сыщика. Взять, например, Сола Пензера: маленький, жилистый, с огромным носом — вылитый таксист. Коренастый, широкоплечий и почти лысый Фред Даркин сошел бы за носильщика. А высокий и элегантный Орри Кэтер вполне мог бы торговать дорогими автомобилями. Войдя в кабинет, Сол сказал, чтобы я выдал каждому из них триста долларов подержанными купюрами. Открывая сейф, я проворчал, что даже с учетом инфляции и переименования консьержей в суперинтенданты красная цена им полсотни, и предложил вернуть разницу. Орри сказал, что ничего не выйдет, потому что им, по всей видимости, придется подкупать еще клерков, лифтеров и соседей. Сол добавил, что каждый из них будет звонить мне примерно раз в два часа.

Выпроводив всех троих, я занялся обычными утренними делами: вскрыл почту, вытер пыль

на столах и занес в картотеку свежие сведения о размножении орхидей, которые Теодор кладет мне на стол каждый вечер. Однако всем этим занимались только мои глаза и руки, тогда как мысли бродили вдалеке. Из всего круга моих обязанностей, от затачивания карандашей до выкручивания рук посетителям, хватающимся за оружие, наиважнейшая состоит в том, чтобы пилить и подкалывать Вулфа. И он это отлично знает. Только таким образом мне удается держать его в тонусе. Порой даже я не могу сказать, на самом деле он работает или только притворяется. Вот этот вопрос и мучил меня в то утро. Если Вулф просто тянул время, чтобы лишний раз не утруждать свой гениальный мозг, и послал за Солом, Фредом и Орри лишь для отвода глаз, то моя задача заключалась в том, чтобы подняться в оранжерею и начать его доводить. Старая как мир история, однако дело на сей раз осложнялось тем, что, когда Вулф прищурится и спросит: «А что ты предлагаешь?», я не найду что ответить.

Вот какие мысли бродили в моей голове, когда в начале одиннадцатого позвонили в дверь и я отправился в прихожую посмотреть, кого еще нелегкая принесла. Это оказался Альберт Лич, в шляпе, так же надвинутой на глаза. Я открыл

дверь.

— Доброе утро, — поздоровался он, запуская руку во внутренний карман пальто.

Я решил, что он собирается вновь предъявить мне удостоверение.

— Не стоит, — величественно махнул я рукой. — Я вас и так узнал.

Однако вместо удостоверения он извлек сложенный вчетверо листок и предъявил мне.

— Ордер, выданный Федеральным окружным судом, — процедил Лич.

Я развернул листок и сперва пробежал его глазами, а затем внимательно прочитал от начала до конца.

— Знаете, а ведь это нечто новенькое. До сих пор нам еще не вручали ордеров, выданных Федеральным судом. Мистер Вулф будет рад добавить его к нашей коллекции. — С этими словами я убрал бумажку в собственный карман.

— Обратите внимание, — начал Лич, — что мне даны полномочия подвергнуть ваш дом обыску, чтобы найти указанный предмет.

— О, не извольте беспокоиться. Вы же слышали, как вчера я сказал Кремеру, что положил сверток в сейф. Он и сейчас там. Заходите.

Я посторонился, впуская его.

Манеры у секретного агента были безукоризненные. Войдя в прихожую, он снял шляпу, подождал, пока я не запру дверь, и лишь тогда проследовал за мной в кабинет. Я открыл сейф, вынул из него оберточную бумагу и, зажав двумя пальцами — большим и указательным, — положил ее на свой письменный стол. Затем принес пачку банкнотов и бечевку.

— Вот, пожалуйста, — заявил я. — Сняв с бумажек отпечатки пальцев, я снова заворачивать их не стал.

Лич стиснул зубы.

— Что-то я не припомню, чтобы вы говорили инспектору Кремеру про отпечатки пальцев, — противным голосом прогнусавил он.

— Разве? — Я изумленно вскинул брови. — А мне казалось, что говорил. Впрочем, процедура эта, после того как Эннис рассказала, как и где нашла сверток, была совершенно автоматической. Но, кроме ее и моих, вы никаких других отпечатков не найдете. Мне, во всяком случае, это не удалось, хотя я действовал весьма тщательно.

— Вы прикасались к уликам! — возмутился Лич.

— Разве тогда это были улики? — обиженно спросил я. — Улики — чего? Как бы то ни было,

все отпечатки на месте. Я дам вам пакет для переноски, однако сначала мы пересчитаем все деньги и вы напишете мне расписку. Они ведь по-прежнему принадлежат мисс Хетти Эннис.

Лич открыл было рот, но тут же его захлопнул. Он оказался в щекотливом положении. Он прекрасно знал, что я знал, что он знает, что я знаю, что деньги фальшивые, а следовательно, нам обоим было отлично известно, что Хетти не видать этих денег как своих ушей, однако предпочитал пока об этом молчать.

— Ладно, давайте договоримся так, — предложил я, видя его мучения. — Взвесим их на почтовых весах. Кладите.

Лич послушно положил деньги на чашку весов. Стрелка чуть-чуть не дотянула до семнадцати унций. Я вынес ему из кухни чистый пакет для продуктов, сел за стол, придвинул к себе пишущую машинку и отстучал расписку на шестнадцать и одиннадцать двенадцатых унции двадцатидолларовых купюр. Меня так и подмывало добавить «в идеальном состоянии», но я вовремя припомнил, как Лич предупреждал меня не играть в кошки-мышки с Секретной службой. В то самое мгновение, когда я протягивал ему расписку и ручку, в дверь снова позвонили, и я

пошел в прихожую.

Это был инспектор Кремер. Я открыл дверь и впустил его. Заперев дверь на засов и обернувшись, я увидел перед своим носом сложенную вчетверо бумажку. Прочитал. Решил, что коллекционной ценностью данный экземпляр не обладает — обычный ордер штата Нью-Йорк.

— Обрати внимание, — самодовольно пророкотал Кремер, — что мне дано право произвести обыск, чтобы найти этот сверток.

— Не трудитесь, — хмыкнул я. — Вы отлично знаете, где его искать.

Он протопал через прихожую в кабинет. Я остановился в дверях. Лич, стоявший возле моего стола с пакетом в одной руке и с деньгами в другой, обернулся.

— Маленькая проблема, — произнес я. — Лич уже подмахнул мне расписку на всю сумму, но я могу ее порвать. Слушайте, а почему бы вам пополам их не поделить, а? По-братски.

Кремер остановился в футе от секретного агента. На его шее подергивалась жилка.

— Этот сверток — улика в деле об убийстве, — с трудом сдерживаясь, произнес он. — У меня на руках судебный ордер на его изъятие.

— У меня тоже, — ответил Лич. — Выданный

Федеральным судом. — Он неторопливо сложил деньги в пакет и зажал его под мышкой. — Если пришлете к нам своего человека, инспектор, ему позволят осмотреть содержимое. Мы всегда за то, чтобы сотрудничать с местными блюстителями порядка.

Обогнув Кремера, он двинулся к выходу. Кремер круто развернулся и последовал за ним. По пути он метнул на меня взгляд, который наверняка испепелил бы любого, менее искушенного в столкновениях с властями бойца. Открывать им дверь я не стал, опасаясь, что не сумею так долго сохранять серьезное выражение лица, однако стоило двери за парочкой захлопнуться, как сдерживаться я перестал. Смех просился на свободу с той самой минуты, как Кремер предъявил мне свою бумаженцию, и вот теперь я его выпустил. Я так громко и долго смеялся, что в дверях кухни появился Фриц узнать, что случилось.

Смысла беспокоить Вулфа в оранжерее не было, поэтому я дождался одиннадцати часов, когда он спустился на лифте и вошел в кабинет. В отличие от меня, он никогда не хохочет, однако, увидев оба ордера и выслушав мой красочный рассказ, он позволил себе от души хихикнуть, а в глазах мелькнул огонек. Затем Вулф высказал

удовлетворение по поводу своего отсутствия, пояснив, что в противном случае Кремер спустил бы на него всех собак и обвинил бы в подлоге и подстрекательстве. Я согласился с ним.

В течение следующего получаса поочередно позвонили Сол, Фред и Орри. Ничего обнадеживающего. Орри побеседовал с Максом Эдером, с консьержем его дома и еще с тремя жильцами. Фред купил белку и кенгуру, после чего целый час проторчал в мастерской «Зоопарка Гарри». Сол внутрь театра «Машрум» не заходил. Снаружи здание выглядело так, будто могло запросто обвалиться, если кто-то по неосторожности прислонится к его стене. Сол потратил два часа, опрашивая людей из окрестных домов. Изложив донесения Вулфу, который сидел за столом и разгадывал кроссворд в лондонском «Обсервере», я в ответ удостоился лишь невнятного хмыканья. Я уже решил было, что пора его растормошить, когда в дверь в очередной раз позвонили.

На сей раз за дверью стояли Натаниэль Паркер и Хетти Эннис. Адвокат перестарался — я вовсе не просил его приводить к нам Хетти. Если даже у меня не было настроения с ней возиться, то что уж говорить о Вулфе. Да и что я мог ей сказать? Что на Вулфа снизошло озарение (или — нет)

и он тратил ее деньги со скоростью пятьдесят долларов в час? Открыв дверь, я остался стоять в проеме.

— Привет! — поздоровался я, вложив в голос все свое жизнелюбие. — Какая радость! Извините, Хетти, что не удалось выручить вас быстрее, но мистер Паркер сделал все, что было в его силах. Отвезете ее домой, Нат? Мы тут по рукам и ногам повязаны.

— Не называй меня Хетти, — заявила она, — пока я не выясню, что вы тут замышляете.

— Это она настояла, чтобы я привез ее к вам, — сказал Паркер, и выглядел он обеспокоенным. — Я пойду. Я отменил две встречи, а теперь и на третью опаздываю. Позвоните, если понадоблюсь. — И он ушел.

— Всякий раз, как я прихожу сюда, — процедила Хетти, — ты торчишь в дверях как столб! Что за манеры? И какой смысл вообще открывать дверь, чтобы загораживать проход?

Я посторонился, и она вошла. Стащив толстые шерстяные перчатки, Хетти запихнула их в карманы, потом расстегнула пальто, но тут уж я решил не ударить лицом в грязь и, подскочив к ней, помог снять пальто. Пока я вешал его на плечики, Хетти успела прошмыгнуть в кабинет, а

когда я туда вернулся, сидела в красном кожаном кресле и как ни в чем не бывало выдерживала мрачный взгляд Вулфа.

— Да, насчет этого адвоката, — начала она. — Платить еще и ему я не собираюсь. Когда я сказала Малому, что заплачу вам сорок две тысячи долларов, то подразумевала любые расходы.

Вулф хмуро уставился на меня.

— Все верно, — кивнул я. — Я же говорил вам: она меня заколдовала. Все это предусмотрено.

Вулф перевел взгляд на нее:

— Очень хорошо, мадам, я расплачусь с адвокатом. Вы пришли только ради того, чтобы сказать мне это?

— Я уже говорила вам: не смейте называть меня «мадам»! Так вот, сначала я хочу взглянуть на свои фальшивые денежки, а уж тогда и решу, стоит ли вам доверять. Давайте их сюда!

Вулф посмотрел на меня. Ему случалось выходить победителем из любых переделок, но сейчас он казался беспомощным младенцем.

— Арчи? — выдавил он.

Я выдвинул ящик стола, достал три листа бумаги, подошел к ней и показал верхний из них:

— Это принес коп по фамилии Кремер. Подписан судьей штата Нью-Йорк с требованием

выдать предъявителю все банкноты вместе с оберткой. Кремер знает нас с Вулфом как облупленных, но особой любви почему-то не питает. Во всяком случае ордер он мне вручал, ехидно усмехаясь.

— Ясно. Я же говорила, что от тебя толку как от козла молока. Ты, значит…

— Постойте-ка. Мы предвидели такой поворот событий. Коп опоздал. — Я вручил ей вторую бумажку. — Приходил некий тип с ордером, подписанным федеральным судьей, и я отдал все деньги ему, так что копу мы нос утерли. Не скажу, что мы подстроили это, но что случилось, то случилось. От огорчения у бедняги даже язык отнялся. — Я вручил ей третью бумагу. — Вот расписка, которую дал мне этот тип.

Хетти даже не посмотрела ни на один из документов, а молча вернула их мне. Она заметно расцвела.

— Жаль, меня здесь не было, — вздохнула она.

— Мне тоже, мисс Эннис. Вот уж вы порадовались бы.

— Зови меня Хетти.

— С удовольствием. — Я снова убрал бумаги в ящик. — Тяжелая ночка выдалась, да?

— Не слишком. Там была кушетка, и я даже

поспала немножко, но женщина, которая была со мной, не давала выключить свет, да и копы являлись каждые два часа и принимались за свое. В жизни таких тупиц не видела. Неужели не понятно, что перед ними я ни за какие коврижки рта не раскрою?

— Так вы вообще отказались отвечать?

— Конечно. Молчала себе в тряпочку — и все. Я же тебя предупредила.

— Ни слова им не сказали?

— Да. Даже когда совсем проголодалась. Это было самое неприятное. Они приносили поесть вечером и утром, но я так ни к чему и не прикоснулась. Мало ли чем они напичкали пищу? Знаю я их — они на все способны, лишь бы мне язык развязать.

— Так вы со вчерашнего дня ничего не ели?

— Нет, конечно!

— Это возмутительно, — буркнул Вулф. — У нас есть удобная комната для гостей. Мистер Гудвин проводит вас туда, а мой повар принесет вам еду. После такой голодовки вам следует есть осторожно. У вас есть любимое блюдо?

Хетти наклонила голову набок:

— Есть, Фальстаф, представьте себе. Что ж, кажется, старушка погуляет на славу. Я ведь

наслышана про вашего повара. Как насчет бараньих почек по-бургундски?

Вулфа нелегко огорошить, но ей, похоже, и это удалось. Он с изумлением уставился на нее:

— На приготовление этого блюда потребуется некоторое время, мад… мисс Эннис. Не менее двух часов.

— Бога ради, а я пока посплю. Ванная у вас там хотя бы есть?

— Разумеется.

— Здорово, значит, и запах копов заодно смою. Да, кстати, а как насчет вознаграждения? — спохватилась Хетти. — Оно бы нам не помешало.

— Вопрос о вознаграждении пока остается открытым, — сухо произнес Вулф. — Я подумаю на этот счет. Просто пока у нас есть более срочное дело. После того как вы освежитесь…

— Какое еще дело?

— То, ради которого вы прибегли к моим услугам. Расследование убийства, совершенного в вашем доме.

— Я наняла вас, чтобы вы заставили копов есть дерьмо, а этого вы уже добились. Скажите, Кремер — это такой здоровый тип с красной рожей и голубыми поросячьими глазками?

— У поросят глаза не голубые. В остальном опи-

сание ему подходит.

— Значит, ему вы уже нос утерли. Эх, как жаль, что меня здесь не было! Что за невезуха! Он ведь первый ко мне ворвался, когда они дверь высадили. Проследите, кстати, чтобы они за нее заплатили. А убийство — это их дело. Меня, конечно, удивило, что это Тамми Бакстер, ведь я полагала, что у фальшивомонетчиков гардероб побогаче. Ясно, что ее укокошили, ведь он подумал, что это она забрала сверток, хотя вчера утром я предупредила ее…

Зазвонил телефон, и я развернулся, чтобы взять трубку. Женский голос сообщил, что со мной желает переговорить мистер Мэндел, и вскоре в мое ухо ворвался знакомый голос:

— Гудвин? Это Мэндел из офиса окружного прокурора. Вы мне очень нужны. Сколько вам понадобится времени, чтобы сюда добраться?

— Минут двадцать. Если это и вправду необходимо.

— Очень. Сейчас десять минут первого. Жду вас в половине первого. Договорились?

Я ответил, что да, если не попаду в пробку, и встал.

— Офис окружного прокурора, — возвестил я. — Странно еще, что так долго тянули. Впрочем,

я вам больше не нужен. Вы, похоже, стали понимать друг дружку с полуслова.

И я покинул их.

Глава 8

В доме номер 155 по Леонард-стрит меня продержали пять с половиной часов. За все мои мытарства мне перепали лишь два сэндвича с солониной, кусок черничного пирога и два стакана молока — все это было проглочено за столом Мэндела, помощника окружного прокурора. Помимо Мэндела, меня допрашивал другой помощник окружного прокурора по фамилии Линдстрём, двое местных детективов и даже сам окружной прокурор Маклин.

В чем меня только не подозревали за долгие годы службы у Ниро Вулфа: и полицейских я подкупал, угощая их выпивкой, и даже в убийствах соучаствовал, но в тот день список моих предполагаемых преступлений пополнился новой строчкой. То есть напрямик это не говорилось, но догадаться, куда они клонят, не сумел бы лишь полоумный — меня подозревали в тайном сговоре с федеральными властями. Разумеется, другие аспекты дела их тоже интересовали, но в конечном итоге все сводилось к злополучному свертку с фальшивой валютой. Сам окружной прокурор, во всяком случае, расспрашивал ме-

ня только про эти деньги. Причем сразу задал вопрос в лоб: знал ли я, что деньги фальшивые? Я твердо ответил «нет» и тут же почувствовал себя гораздо лучше. Соврал — и будто камень с души упал. Маклин тут же заявил, что я нагло вру, что надо быть полным идиотом, чтобы не заподозрить подделку. Я чистосердечно ответил, что теперь это уже не имеет значения, поскольку деньги в руках Секретной службы, и тут его прорвало… Сомневаюсь, конечно, что он и в самом деле считал меня способным пойти на сговор с Личем, чтобы посадить Кремера в калошу и избавиться от улики в деле об убийстве, но ведь и окружной прокурор имеет право быть таким же недоумком, как и люди, проголосовавшие за него на выборах.

Короче, отпустили меня лишь в четверть седьмого. Выйдя на улицу, я остановил такси, но к тому времени, когда оно свернуло на Тридцать пятую улицу, я твердо решил, что ждать окончания обеда для расправы с Вулфом не стану. Он был чертовски ленив, чтобы жить. Поскольку благодаря мне Хетти сказала ему, что он уже выполнил свою миссию, заставив Кремера есть дерьмо, он будет считать, что независимо от того, что случилось или не случилось, он пошлет Хетти счет

на малую толику от сорока двух тысяч — скажем, тысяч на пять, — и опять станет бить баклуши. Хетти отпустили под залог, ее жизни ничего не угрожает. От контрабанды мы избавились. Куда спешить-то? Нет уж, дудки, решил я. Пора его проучить. Поднимаясь на крыльцо и доставая ключ, я решал, какую из трех убийственных фраз, придуманных по дороге, пустить в ход.

Однако уже в прихожей меня ждал сюрприз. Вешалка была настолько забита верхней одеждой, что я с превеликим трудом втиснул свое пальто между двумя другими, которые узнал сразу: одно принадлежало инспектору Кремеру, а другое — Солу Пензеру. Из кабинета доносился громкий голос Кремера — хриплый, как всегда, когда он был раздражен. Приблизившись к двери, я расслышал:

— …Вовсе не для того, чтобы слушать ваши дурацкие разглагольствования! Если вам есть что сказать, то говорите!

Вулф сидел за своим столом, скрестив руки на экваторе необъятного живота, и при виде меня произнес:

— А, это ты! Приемлемо. Я уже начинал беспокоиться.

Еще бы, подумал я. Замыслив подходящую

мизансцену, он считает своим долгом собрать как можно больше зрителей. Чем шире аудитория, тем вольготнее он себя чувствует. По пути к собственному столу я огляделся по сторонам. Красное кожаное кресло занимал, как положено, инспектор Кремер, а справа от него сидел сержант Стеббинс; Пол Ханна и Ноэль Феррис расположились в желтых креслах напротив стола Вулфа, а за спиной у них разместились Реймонд Делл и Альберт Лич, секретный агент; Марта Кирк и Хетти Эннис сидели на диване слева от моего стола. Сол Пензер примостился возле огромного глобуса. Я огибал Лича и Делла, когда Вулф снова заговорил:

— Вы прекрасно знаете, мистер Кремер, что у меня есть что сказать, — в противном случае вы не пришли бы сюда. Как я сообщил вам по телефону, мне и впрямь повезло, хотя я и рассчитывал на удачу. Да, рыбку я ловил сразу в трех местах: в многоквартирном доме в Ист-Сайде, в магазинчике на Первой авеню, а также в театре «Машрум», расположенном на Боуи-стрит. Впрочем, на успех я рассчитывал лишь в последнем из них. Когда мои ожидания оправдались, я оказался перед дилеммой, кого уведомить: вас или мистера Лича. Чтобы не выбирать, я пригласил

прийти вас обоих и привести с собой мисс Кирк, мистера Делла, мистера Ферриса и мистера Ханну. Мисс Эннис, моя клиентка, была уже здесь. Я решил, что первые трое заслужили право присутствовать здесь, что же касается мистера Ханны, который является одновременно фальшивомонетчиком и убийцей, то вам с мистером Личем придется решить…

— Это ложь! — взвился Ханна, но Лич, сидевший у него за спиной, ловко схватил его за руку. Ханна попытался вырваться, но Лич вцепился в него мертвой хваткой.

— Кто вы такой, черт побери?! — завопил Ханна, оглядываясь, а Лич свободной рукой извлек знакомые мне кожаные корочки и сунул ему под нос.

В тот же миг рядом очутился и Стеббинс.

— Вы его арестуете? — поинтересовался он.

— Нет — вы, — ответил Лич.

— Пошли вы все к дьяволу! — брызгая слюной, заорал Ханна. — Немедленно отпустите меня!

— Сядьте, Ханна! — проревел Кремер.

Он уставился на Вулфа. В отличие от Альберта Лича, он много раз видел Вулфа в деле и прекрасно знал, что означало выражение его лица в ту минуту, когда Вулф назвал Ханну фальшивомо-

нетчиком и убийцей. Поэтому он без малейшего колебания встал, опустил тяжелую лапищу на плечо Ханны и сказал:

— Вы арестованы как важный свидетель по делу об убийстве Тамирис Бакстер. Действуйте, сержант.

И вернулся на свое место. Стеббинс теперь стоял по левую руку от Ханны, а Лич — справа.

— Очень рассудительно, мистер Кремер, — похвалил Вулф, — учитывая, что вещественными доказательствами его вины я не располагаю. Хотя еще три часа назад в моем распоряжении вообще имелись лишь одни предположения. Вчерашняя беседа с этими людьми только натолкнула меня на след. Мисс Кирк? Маловероятно. Она регулярно посещала балетную школу, по утрам в течение часа занималась гимнастикой и ежемесячно получала денежное пособие от отца — все это легко проверить. Мистер Делл? Тоже почти исключено. Он уже в течение трех лет не платил за проживание. Мистер Феррис? Возможно, но с оговорками. Его слова, что в двух агентствах подтвердят его алиби, почти исключают, что он мог вчера утром проследить, как мисс Эннис пришла к нам.

— И что из этого? — нетерпеливо осведомился Кремер.

— В итоге все свои усилия я сосредоточил на мистере Ханне. Он прожил в доме мисс Эннис всего четыре месяца. Регулярно платил за комнату. Он почти наверняка солгал, заявив, что, по словам мисс Бакстер, какой-то мужчина дважды преследовал ее до самого дома. Учитывая, что мисс Бакстер была агентом Секретной службы Министерства финансов, мне представляется…

— С чего вы это взяли? — перебил Лич. — Кто вам это сказал?

— Никто, — невозмутимо ответил Вулф. — Мистер Гудвин умеет складывать два и два. Ваша конспирация делает вам честь, мистер Лич, однако согласитесь — она больше уже неуместна. Итак, я не поверил мистеру Ханне, что мисс Бакстер рассказала ему такое. Вдобавок у мистера Ханны полностью отсутствовало алиби на вчерашнее утро вплоть до двенадцати часов. Никто не мешал ему проследить за мисс Эннис до нашего дома, а потом, когда она вернулась домой, он мог угнать автомобиль и попытаться сбить ее на обратном пути. Впрочем, сейчас это не имеет значения, поскольку попытка покушения не удалась.

— Все, что вы пока говорите, представляется мне крайне маловразумительным, — проворчал

Кремер.

Вулф кивнул:

— Я только объясняю, почему сосредоточил все усилия на мистере Ханне. Я мог бы пуститься в пространные измышления — почему, например, он убил мисс Бакстер именно тогда и там? Возможно, она видела попытку покушения на мисс Эннис и по возвращении домой приперла его к стенке? Однако вы можете рассуждать на эту тему с таким же успехом, как и я. В конце концов выбивать из него признание придется вам, а не мне.

— Мне не в чем признаваться, — заявил Ханна. — Вы еще сильно пожалеете. Я этого так не оставлю.

— Дело ваше, мистер Ханна, — произнес Вулф, поочередно обводя глазами продолжавшего стоять Альберта Лича и усевшегося на место Кремера. — Вот почему, уповая на везение и отправив по всем трем адресам своих людей, в театр «Машрум» я отрядил именно Сола Пензера. Из всех известных мне людей мистер Пензер зависит от везения в наименьшей степени. Он звонил четыре раза и докладывал, как идут дела. В третий раз, около трех часов дня, он запросил подмогу, и я выслал ему подкрепление. В чет-

вертый же раз, менее двух часов назад, я сказал, чтобы он приезжал сюда, и пригласил всех вас, джентльмены. Сол, опишите, пожалуйста, положение вещей.

Поскольку Сол сидел возле самого глобуса, всем, за исключением Вулфа и Стеббинса, пришлось повернуть голову, чтобы его увидеть.

— Только это? — спросил Сол.

— Да, после краткого вступления.

— Хорошо, сэр. В течение первых двух часов я расспрашивал людей, живущих поблизости, но ничего не добился и вошел в здание, в котором помещается театр. Коменданту я цель своего посещения не раскрыл, сказал только, что хочу осмотреть помещения, но, судя по тому, как он ко мне отнесся и согласился принять за беспокойство сорок долларов, человек он честный и достойный. Он провел меня по театру, по цокольному этажу и по второму. На третьем этаже размещается небольшая типография, и он по моей просьбе представил меня ее сотрудникам — в типографии трудились двое мужчин — как страхового агента, проверяющего, нет ли каких нарушений. По внешнему виду обоих работников мне сразу показалось, что я напал на верный след. Я сказал коменданту, что хочу осмотреть

типографию и что это займет довольно много времени, и он ушел. И вот, стоило мне только начать осматривать какое-то оборудование, как они оба на меня набросились, и мне пришлось выхватить пистолет. Стрелять я не стал, но одного я был вынужден отключить. Потом позвонил вам и попросил прислать Фреда и Орри, чтобы они помогли мне обыскать помещение. Вы сказали, что, как только они позвонят, вы немедленно…

— Достаточно, — прервал его Вулф. — И каково положение дел сейчас?

— Они по-прежнему находятся там. На одной из полок за стопками бумаги они нашли восемь пачек новехоньких двадцатидолларовых купюр. А в двойной стенке шкафа — четыре металлических клише для изготовления этих купюр. Оба работника типографии лежат на полу со связанными руками и ногами. Имен их я не знаю. В помещении всего один стул; когда я уходил, на нем сидел Фред Даркин, а Орри примостился на кипе бумаги. У одного из фальшивомонетчиков на голове шишка в том месте, где я ударил его рукояткой пистолета, но крови нет. Коменданту пришлось вручить еще двадцатку. Вот так и обстоят дела.

Пол Ханна попытался было встать, но Стеббинс

с одной стороны, а Лич с другой крепко надавили ему на плечи и удержали.

— Можете добавить еще одну существенную подробность, — сказал Вулф. — Имя, которое они вам назвали.

— Да, сэр. Это случилось уже после того, как Фред с Орри повязали их и нашли клише. Один из них сказал другому: «Говорил же я, что Пол проболтается. На кой черт мы с убийцей связались?! Послушал бы меня, мы бы успели смыться». Остальное тоже говорить?

— Нет, пока хватит. Потом, разумеется, доложите подробно мистеру Кремеру и мистеру Личу. — Вулф чуть повернул голову. — Как видите, джентльмены, я оказался в довольно затруднительном положении, поскольку столкнулся с фальшивомонетчиком и убийцей в одном лице. Во избежание сложного выбора, я пригласил вас обоих, чтобы вы сами разобрались в этом деле. Поскольку мистер Кремер уже произвел арест…

Пол Ханна дернулся было, пытаясь до него добраться, но его попытка была тут же безжалостно пресечена Стеббинсом и Личем. Сержант и секретный агент уставились друг на друга. Ханна, в свою очередь, метнул на Вулфа испепеляющий взгляд, но тут послышался возглас Хетти:

— Вот видите, Фальстаф? Я же вам говорила!

А ведь она не говорила ему ровным счетом ничего.

Глава 9

В один прекрасный день недели три спустя мы сидели с Вулфом в кабинете, препираясь по каким-то пустякам, когда в дверь позвонили. Это оказалась Хетти. Я провел ее в кабинет и усадил в красное кожаное кресло. Хетти раскрыла сумочку и извлекла из нее небольшой сверток в коричневой бумаге. Вулф нахмурился. Господи, подумал я, неужели она нашла еще одну пачку? Однако рука Хетти вновь нырнула в сумочку и появилась из нее с конвертом, который я узнал сразу.

— Это чек, который вы мне прислали. В сопроводительном письме сказано, что это моя доля от вознаграждения — сто долларов. Свою долю вы, стало быть, оставили себе?

— Да, — не моргнув глазом соврал Вулф.

— И ты, Малый, свое получил?

— Да, — столь же лихо соврал я.

— Что ж, тогда все в порядке. Но как быть с этим счетом? Пять тысяч долларов за работу и шестьсот двадцать один доллар и шестьдесят пять центов за расходы. Ты что, Малый, забыл наш уговор? Разве я не обещала заплатить сорок две тысячи долларов?

— Да, было дело, — кивнул я.

— Вот, я их и принесла, — гордо заявила она и швырнула сверток Вулфу на стол. — Служащий банка лично помог мне отобрать эти казначейские обязательства и заверил, что они самые надежные. Их уже переписали на ваше имя. Впервые в жизни мне приходится с ними расставаться, но надеюсь, что это в последний раз… Впрочем, овчинка выделки стоила. За все время после кончины моего отца это был лучший день в моей жизни. То место в газете, где написали, что он сознался, мне не понравилось, но тут вы не виноваты. Терпеть не могу субъектов, которые сознаются в чем-либо копам. Лопух этот Пол Ханна. Признался даже, что украл машину и пытался на меня наехать. Хотел поквитаться за то, что я его драгоценный сверток забрала. А потом увидел на другой стороне улицы Тамми и понял, что она его узнала. Когда он вернулся домой, она как раз набирала номер, чтобы куда-то позвонить, так он схватил на кухне нож, подкрался и заколол ее. А потом отнес в гостиную и оставил прямо на полу, с задранной юбкой. Гаденыш настоящий. Впредь нужно быть с жильцами поразборчивее.

Вулф насупился:

— Я не могу принять от вас эти ценные бумаги,

мад… мисс Эннис. Я предпочитаю сам оценивать свои услуги. Я все подсчитал и послал вам счет.

Хетти кивнула:

— Да. Я его сразу же порвала. Малый знает, мы с ним обо всем условились. Я вас наняла и сказала, что вполне могу заплатить. А теперь вы вдруг заявляете, что так не пойдет. Это свинство.

Вулф в безмолвной ярости посмотрел на меня. Я ухмыльнулся. Он отодвинул кресло и встал.

— У меня срочные дела, — заявил он. — Оставляю вас с мистером Гудвином. Вижу, вы с ним уже хорошо спелись. — И покинул кабинет.

Мне пришлось урезонивать ее целых полчаса, в течение которых она дважды запрещала называть ее Хетти.